

Антримексы

LORA MIRON

Lora Miron

Антримексы

«Автор»

2026

Miron L.

Антримексы / L. Miron — «Автор», 2026

Перед вами трогательная сага о Максе и его верных товарищах. Судьба забрасывает юного героя и его близких в тихий провинциальный городок, где он обретает новых друзей. Но покой длится недолго, ведь их ждут захватывающие дух приключения и встреча с таинственными антримексами. Кто же они такие? Небесные создания? Могущественные божества? Или зловещие демоны? Беда не заставляет себя ждать: кошмарный антримекс похищает родителей Макса, повергая его в пучину отчаяния. Но настоящая дружба не знает границ! Его друзья, движимые состраданием и преданностью, решают отправиться вместе с ним в опасное путешествие, чтобы вернуть самое дорогое, что у него есть. Какое будущее ждет их впереди? Какие испытания им придется преодолеть? Сумеют ли они отыскать пропавших родителей и остановить зло, которое таится во тьме и угрожает поглотить все вокруг? Их ждет долгий и тернистый путь, полный надежд и разочарований, любви и потерь. Но вместе они смогут все!

© Miron L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	47
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Lora Miron

Антримексы

Глава 1

День, когда всё изменилось.

У Макса перехватило дыхание, когда он замер у окна. Перед ним раскинулся совсем иной мир, не тот, к которому он привык. Вместо привычной городской суеты – лишь одиноко стоящие дома, прямо через дорогу, красивые, большие, современные, но такие чужие для него. На горизонте виднелись деревья и едва различимые очертания небольшого городка. В Сиэтле из его окна на двенадцатом этаже открывался захватывающий вид на сверкающий огнями, современный город, с высотками и небоскребами, уходящими в самое небо. Здесь же царила тишина, нарушаемая лишь редким щебетом птиц. Это была полная противоположность его прежней жизни – шумной, насыщенной, полной событий.

Мальчик подошел к стопке коробок, стоящей у дверей его новой спальни, их грубо сколоченные деревянные стенки казались ему непреодолимым препятствием. Внутри, он знал, лежали его вещи: любимая коллекция комиксов, постеры с героями фантастических фильмов, старая, немного потрёпанная бейсбольная перчатка – воспоминания о веселых играх с друзьями, о которых он теперь мог только мечтать. Каждая коробка хранила кусочек его прошлого, его сиэтлской жизни, жизни, которую он так неожиданно потерял.

Его взгляд упал на фотографию, случайно выпавшую из одной из коробок. На ней он был запечатлен со своими друзьями на своем тринадцатом дне рождения. Тот день помнился до мельчайших деталей: в воздухе витал сладковатый запах ванильного торта, который мама испекла специально для праздника — она ещё ворчала, что глазурь никак не хочет ложиться ровно, а потом гордо поставила торт на стол, будто это было восьмое чудо света. Разноцветные гирлянды отбрасывали на лица ребят причудливые цветные блики: то Вивьен вспыхивала изумрудным светом, то Джейк становился фиолетовым, и они хохотали, уверяя друг друга, что теперь они — супергерои из секретной команды.

Макс вспомнил, как весь день казался бесконечно длинным и при этом проносился в мгновение ока. Утром он проснулся раньше всех, не в силах сдержать предвкушение, и тихонько ходил по квартире, боясь спугнуть ощущение праздника. На нём была футболка с логотипом бейсбольной команды — он выбрал её заранее, целую неделю репетируя, как небрежно скажет: «Да, это просто футболка, ничего особенного», хотя на самом деле она была его любимой.

На фото все широко улыбались — искренне, беззаботно, так, как умеют только подростки, ещё не знающие, что жизнь порой резко меняет курс. Макс стоял в центре, чуть наклонившись вперёд, будто хотел вырваться за пределы кадра. Рядом — Джейк, вечно придумывавший какие-нибудь шалости, и Вивьен, которая тогда впервые попробовала сама сделать праздничные открытки. Блеск огней на снимке казался особенно ярким, словно фотограф поймал тот самый миг, когда счастье было осязаемым, почти материальным.

Теперь всё это казалось далёким и нереальным, будто происходило не с ним, а с кем-то другим — в какой-то параллельной, навсегда потерянной вселенной. Макс медленно наклонился, поднял фотографию и осторожно провёл пальцем по её загнутому уголку. Казалось, если нажать чуть сильнее, изображение рассыплется, исчезнет, как утренний сон. В груди что-то сжалось, и он почувствовал, как к горлу подступает тяжёлый, горький ком — словно он впитал в себя всю ту тоску, которую старательно прятал последнюю неделю. Грусть давила на него, пригибая к земле, лишая сил даже просто выпрямиться. На мгновение ему захотелось

сжать снимок в кулаке, чтобы боль стала короткой и выносимой, но вместо этого он бережно разгладил края фотографии — будто этим мог сохранить хоть что-то из того утраченного мира.

Джесси, его младшая сестра, тихо вошла в комнату — так бесшумно, будто боялась спугнуть тишину, повисшую в воздухе. На ней была любимая футболка с нарисованным единорогом и розовые джинсы, а из хвостика, небрежно перехваченного резинкой, выбивались тонкие светлые прядки. Джесси была гораздо младше Макса — всего шесть лет, и переезд воспринимала совсем иначе: не как потерю, а как увлекательное приключение, о котором она мечтала задолго до того, как родители объявили о переезде. Для неё каждый новый дом был тайной, которую предстояло разгадать, каждая улица — маршрутом для будущих экспедиций, а любой незнакомый двор — местом, где обязательно случится что-то необыкновенное.

Она остановилась у стены и, чуть склонив голову набок, принялась внимательно рассматривать свои детские рисунки, уже успевшие украсить комнату. Яркие краски — сочный жёлтый, пронзительно синий, огненно-оранжевый — словно врывались в сдержанную палитру нового дома, добавляя ему тепла и жизни. Девочка водила пальцем по краям рисунков, будто проверяя, настоящие ли они, не исчезнут ли, если она перестанет на них смотреть. Время от времени она тихонько вздыхала от удовольствия, а потом вдруг поворачивалась, оглядывая комнату с живым любопытством. Её взгляд скользил по картонным и деревянным коробкам, но она не видела в них преграды — скорее, сундуки с сокровищами, которые только и ждут, чтобы их открыли. В её глазах этот дом уже не был чужим: она мысленно расставляла игрушки по полкам, придумывала, где устроит тайное убежище, и представляла, как будет звать сюда новых друзей.

И пока Макс держал в руках старую фотографию, чувствуя, как прошлое тянет его назад, Джесси стояла посреди комнаты, полная предвкушения. Казалось, сама жизнь уже шептала ей на ухо: «Здесь начнётся что-то удивительное».

— Макс, а давай построим шалаш на заднем дворе? — спросила девочка. Её глаза сияли, а в голосе звенела такая искренняя надежда, что игнорировать её было почти невозможно. Её оптимизм казался Максиму одновременно раздражающим, и завидно-привлекательным.

Мальчик вздохнул, понимая, что не может вечно тонуть в своих мрачных мыслях. Он встал рядом с сестрой и посмотрел на её рисунки. Может быть, она права. Этот маленький городок, этот старый дом — всё это не так уж и плохо, если присмотреться. Возможно, здесь тоже можно найти друзей, новые увлечения, новые приключения.

Он представил, как они с Джесси строят шалаш: тащат во двор старые одеяла и подушки, скрепляют ветки найденными, где-то верёвками, спорят о том, какой должна быть крыша — покатой или плоской. Представил, как они играют на просторном дворе, гоняя по траве потрёпанный мяч, как исследуют новый город, сворачивая на каждую незнакомую улицу, заглядывают в тихие переулки и прислушиваются к звукам, которые здесь звучат иначе, чем в шумном Сиэтле. В этом воображаемом будущем не было места горькой тоске — только любопытство, смех и ощущение, что впереди ещё столько всего, что даже не уместится в одну неделю.

Впервые за весь день он улыбнулся. Это была слабая, неуверенная улыбка, едва тронувшая уголки губ, будто она сама ещё не до конца верила, что имеет право появиться. Но это было начало — тонкая, едва заметная трещина в ледяной корке, сковывавшей его сердце. И сквозь эту трещину уже пробивался свет: не такой яркий, как у Джесси, но свой, тихий, набирающий силу.

— Построим, Джесс, обязательно построим, но чуть позже, — ответил мальчик, потрепав сестру по волосам и выдавив из себя натянутую, но уже не такую горькую улыбку.

Он потянулся к одной из картонных коробок и медленно открыл её, будто боялся спугнуть что-то хрупкое, спрятанное внутри. Края коробки слегка хрустнули, клей уступил, и крышка откинулась, обнажив аккуратно уложенные вещи. Внутри лежали его любимые

комиксы — стопка потрепанных томов, обложки которых давно потеряли первоначальный глянец, но от этого казались только дороже.

Взяв в руки первый том, Макс провёл пальцами по обложке, ощущая знакомые неровности и лёгкие заломы — следы бесчисленных перечитываний. Он начал листать страницы, и перед глазами тут же всплывали картины прошлого: его старая комната в Сиэтле, где на подоконнике всегда громоздилась такая же стопка комиксов, а из наушников тихо лилась музыка, под которую он погружался в чужие миры и невероятные истории. Он вспомнил, как спорил с друзьями о сюжетных поворотах, как прятал особо ценные выпуски от младшего двоюродного брата и как однажды пролил на один из томов апельсиновый сок — пятно, так и осталось, едва заметное, но для него бесконечно узнаваемое.

Но теперь эти комиксы были не просто воспоминаниями о прошлом — они стали для него чем-то вроде якоря, тонкой, но прочной связью с его «старым я». Тем Максом, который умел безоглядно увлекаться, смеяться над глупыми шутками и верить, что впереди ждёт только хорошее. И сейчас ему хотелось не отпустить этого Макса, а взять его с собой в новую жизнь, в этот маленький городок, который пока казался чужим, но, возможно, ещё мог стать его домом.

Начало было положено. Разборка нескольких коробок превратилась из нудной рутины в своеобразный ритуал прощания с прошлым и встречи с будущим. И в этом будущем, возможно, его ждали новые друзья, новые приключения и новый, более счастливый дом.

Следующим утром...

— Макс, унеси эту коробку на чердак.

— Что в ней? Почему она такая дряхлая?

— Это вещи моей бабушки, — протирая запыленные годами полки рассказывала мама. — Ее любимые книги, какие-то записи в тетрадах. Даже не знаю, что в них. Никогда не решалась заглянуть.

— Может их выбросить, они же старые и никому не нужны.

— Ну уж нет, они были очень важны и дороги для бабушки.

— Mam, а почему мы переехали в дом бабушки, он такой старый. Есть ведь другие дома. Можно было найти дом получше, с нормальной отделкой и хорошим ремонтом, а не... вот это всё.

Мама, не оборачиваясь, продолжала протирать последнюю пыльную полку. Её движения были размеренными, будто она пыталась не только стереть пыль, но и сгладить острые углы этого разговора.

— Это теперь наш дом, сынок, — мягко, но твёрдо ответила она, наконец повернувшись к нему. В её глазах читалась усталость, смешанная с тихой решимостью. — Не переживай, мы здесь всё отремонтируем. Он будет как новенький, вот увидишь. Мы покрасим стены, поменяем полы, может быть, даже расширим кухню... Всё станет другим.

Макс лишь печально выдохнул, не чувствуя в себе сил спорить. Слова мамы звучали как обещание, но для него они были слишком далёкими, словно относились к какой-то другой жизни — той, в которой он ещё мог чему-то радоваться.

— Хорошо, — произнёс он, опустив взгляд. — А можно Джесси будет спать в другой комнате? Она ведь уже не такая маленькая, да и комнат у нас теперь достаточно. Мне нужно своё пространство. И мне надоели её постоянно разбросанные игрушки... Они везде: под ногами, на кровати, даже в моём рюкзаке как-то оказались.

Мама на секунду прикрыла глаза, собираясь с мыслями, потом снова взялась за тряпку, будто привычное действие помогало ей держать себя в руках.

— Обязательно будет, как только мы сделаем ремонт в её комнате. А пока потерпишь, ладно? Сейчас у нас нет ни сил, ни денег на всё сразу. Сначала нужно привести в порядок хотя бы основные комнаты.

Макс закатил глаза, ощущая знакомое, до боли привычное бессилие — то самое, которое накатывало всякий раз, когда взрослые говорили «потерпи». Он хотел возразить, сказать, что терпеть уже невыносимо, но слова застряли в горле. Другого выхода у него не было, и он это понимал.

Сжимая в руках пыльную коробку — её картон уже начал расслаиваться от сырости, — он молча поднялся по скрипучей лестнице на чердак. Каждый шаг отдавался глухим стоном старых ступеней, будто сам дом неохотно принимал новых жильцов.

На чердаке запах старого дерева и затхлости ударил в нос особенно резко — смесь пыли, сухих трав и чего-то неуловимо забытого. Макс поставил коробку у стены, где ряды старых сундуков и ящиков напоминали молчаливых свидетелей чужой, давно прожитой жизни. Он огляделся: сквозь мутное окно пробивался тусклый свет, ложась косыми полосами на пол, покрытый толстым слоем пыли.

Его собственная жизнь, казалось, тоже превратилась в такую же пыльную коробку, полную невысказанных обид и несбывшихся надежд. Переезд, потеря друзей, вынужденное деление комнаты с младшей сестрой, которая, несмотря на все свои старания, казалась ему воплощением хаоса... Всё это давило на него невыносимой тяжестью, сковывая движения, приглушая голос и заставляя смотреть на мир сквозь серую пелену разочарования. И сейчас, стоя среди чужих воспоминаний, он не знал, хватит ли у него сил, когда-нибудь снова почувствовать себя дома.

— Иди завтракай, тебе через пятнадцать минут нужно выходить в школу. Ты всё собрал? — мама выглянула из кухни, вытирая руки о полотенце. В ее голосе звучала привычная утренняя спешка, но за ней угадывалось и что-то ещё: волнение за первый учебный день в новом месте.

— Да, мам, всё собрал, — ответил мальчик, спускаясь с чердака. Ступени попрежнему скрипели под его шагами, будто неохотно отпускали его из той тишины, где он только что прятался от всех забот. Он снова закатил глаза вверх, едва заметно, почти машинально — привычный жест, которым он пытался скрыть, что на самом деле ему не так уж спокойно, как хотелось казаться.

На кухне пахло поджаренным хлебом и крепким кофе, который мама пила маленькими глотками, стараясь успеть сделать всё сразу. Макс сел за стол, механически подвинул к себе тарелку с тостами, но есть не хотелось: в груди всё сжималось от одной мысли о том, что впереди — новая школа, незнакомые лица, чужие коридоры, где никто не знает, кто он такой.

После завтрака он взял свой рюкзак — тяжёлый, набитый учебниками и тетрадями, среди которых затерялся и маленький комикс, который он сунул туда почти бездумно, словно талисман из прошлой жизни. Пальцы на мгновение задержались на застёжке, будто он хотел ещё хоть минуту посидеть дома, в этом пока ещё чужом, но уже немного привычном пространстве. Потом он решительно поднялся и направился к выходу, стараясь шагать уверенно, будто и не было этого внутреннего трепета.

— Пока, Макс! Можно я поиграю на твоём планшете, пока ты в школе? — звонким, нетерпеливым голосом спросила Джесси, сбегая вниз по лестнице со второго этажа. Её косички подпрыгивали в такт шагам, а на лице светилась та самая беззаботная надежда, которая так раздражала и одновременно притягивала Макса.

— Только попробуй его взять! — грубо бросил мальчик, даже не оборачиваясь. Слова вырвались сами, жёсткие и резкие, как будто он хотел оттолкнуть не только её просьбу, но и всё то беспокойство, что копилось внутри.

Джесси замерла на нижней ступеньке, и её улыбка мгновенно погасла. Она обиженно посмотрела на брата большими глазами, в которых на секунду мелькнула растерянность, а потом, резко отвернувшись, убежала на кухню, где тут же принялась греметь чашками, делая вид, что ей вовсе не обидно.

— Макс, поторопись, не стоит опаздывать в школу в первый день, — мама подошла к двери, поправила воротник его куртки, будто хотела этим простым движением добавить ему уверенности.

— Да да, уже иду, мам, — буркнул Макс, стараясь не встречаться с ней взглядом. Внутри всё сжималось: ему хотелось одновременно и остаться дома, и поскорее уйти, чтобы наконец покончить с этим тягостным ожиданием.

— Удачи тебе, мой дорогой, всё будет хорошо, — мама ласково погладила его по голове, а потом наклонилась и поцеловала в лоб — так, как делала, когда он был совсем маленьким и боялся темноты.

— Ну да, конечно. И зачем было уезжать из дома в этот задрипанный городок... — буркнул мальчик себе под нос, опустив взгляд на свои потрёпанные, но такие любимые кроссовки, на которых ещё виднелись следы сиэтлской грязи. Он нарочно говорил тихо, почти шёпотом, чтобы мама не услышала, но в этом бормотании пряталась вся его обида — тяжёлая, колючая, не уместяющаяся в обычные слова. Ему казалось несправедливым, что взрослые могут вот так, одним решением, перевернуть всю жизнь: забрать из привычного двора, где каждый уголок был знаком, из школы, где у него были друзья, из комнаты, в которой он сам выбирал, куда повесить постеры и где расставить фигурки супергероев.

Мама чуть нахмурилась, но не стала делать ему замечание за грубость — она слишком хорошо знала, что эта резкость не от злости, а от растерянности и страха перед неизвестностью.

— Ты же знаешь, папа получил здесь новую работу, на много лучше, чем прежняя. Вот увидишь, здесь мы заживём по-новому. Дом станет уютным, ты привыкнешь к школе, найдёшь ребят, с которыми будет интересно... И однажды ты оглянешься и поймёшь, что не захочешь возвращаться обратно. Здесь начнётся что-то своё, настоящее.

Макс едва заметно дёрнул плечами, будто хотел стряхнуть с себя эти ободряющие слова вместе с прохладным утренним воздухом. В груди всё ещё теснилось упрямое «не хочу», но он не стал спорить вслух: спорить с маминой уверенностью было всё равно что пытаться остановить ветер. Вместо этого он лишь слегка кивнул, чтобы не расстраивать её ещё больше, и покосился на калитку, за которой уже виднелась тропинка, ведущая к школе...

Неделю назад...

Это было обычное летнее утро в конце августа — такое, когда воздух ещё тёплый, но в нём уже прячется первая, едва уловимая прохлада, предвещающая скорый сентябрь.

Мама как обычно готовила завтрак на кухне. Запах жареного бекона, шкворчащего на сковороде, разносился по всей квартире и выходил в окно настежь открытого балкона на 12 этаже.

— Макс, пора вставать! — послышался такой родной мамин голос, призывающий немедленно встать и пойти завтракать.

Открыв глаза Макс лежа на кровати сразу же, уставился в потолок. «Спасть... спать...» — крутилось в его голове, но яркие лучи солнца уже не давали заснуть снова. Они освещали всю комнату и уходили в самый конец длинного темно-зеленого коридора ведущего в гостиную, где играла младшая сестренка Джесси. Папа тоже не спал, это было сразу понятно, звонкое клацанье клавиатуры было лучше любого будильника, он всегда встает в шесть утра и начинает работать, даже по выходным.

Макс натянул одеяло до самого подбородка и продолжил пялиться в потолок. Он знал, что сейчас позавтракает и отправится гулять со своими друзьями. Ведь до школы оставалось совсем ничего и нужно успеть захватить последние свободные денечки и отдохнуть по полной. Макс со своими друзьями очень любили гулять возле морского причала и наблюдать за плавно отходящими от него яхтами и лодками. Сиэтл... милый Сиэтл. Макс обожал этот город. Здесь он родился и вырос. Это его родной дом. И здесь он будет жить еще очень-очень долго...

Именно так думал мальчик до последней минуты. И тут, как гром среди ясного неба прогремел звонок папиного телефона. Он долго о чем-то разговаривал, после чего отправился к маме на кухню. Там они снова о чем-то говорили и говорили, иногда даже на повышенных тонах. Макс накрылся одеялом с головой и отвернулся к стенке. Он почти снова заснул, как в комнату забежала Джесси, прыгнула к Максy на кровать и громко и радостно закричала:

— Урааааа, мы переезжаем в другой город, мы переезжаем. Вставай Макс, мы переезжаем.

— Джесси, успокойся, — раздраженно буркнул Макс и снова плюхнулся на подушку. — Иди, переезжай у себя в комнате, дай поспать.

— Мы по-настоящему переезжаем, так мама с папой сказали, — недовольно продолжила Джесси, обидевшись на брата.

Мальчик медленно сел, откинул одеяло и в полной растерянности глянув на сестру, сидящую на его кровати, спросил:

— Мама с папой сказали?

— Да, да, иди сам спроси, а я пошла складывать игрушки в коробки, — недовольно ответила девочка и убежала в свою комнату.

Макс задумчиво сидел, сжимая в пальцах край одеяла и не мог понять, что происходит. Может это ему снится... Такой странный, тягучий сон, где слова звучат как будто сквозь вату, а реальность слегка плывёт по краям. Чтобы проверить, он ущипнул себя за ногу со всей силы — и вскрикнул от резкой, настоящей боли, которая мгновенно прогнала остатки сонной дымки. Это был не сон. Разочарованно, с тяжёлым вздохом додумал мальчик: хуже всего было именно то, что это была реальность.

Медленно, будто каждое движение давалось с трудом, он встал с кровати и поплёлся на кухню. Его сердце бешено колотилось, отдаваясь гулким стуком, где-то в горле, а в голове царил хаос: мысли насакивали друг на друга, обрывались на полуслове и снова кружились в безумном хороводе. «Переезд... Что это вообще значит? Другой дом, с чужими стенами и незнакомыми запахами. Другая школа, где никто не знает его имени, где придётся стоять у доски и чувствовать на себе десятки любопытных взглядов. Другие друзья... Или вообще никаких». Мысль о том, что ему придётся оставить всё, что он так любит, сдавила горло колючей, холодной проволокой.

Из кухни доносились голоса родителей — они говорили громко, перебивая друг друга, и в их интонациях слышалось напряжение, как перед грозой, когда воздух становится тяжёлым и неподвижным. Макс замер у двери, прислушиваясь, и с каждым словом его надежда таяла, как лёд в горячей воде. Уже у самой кухни он окончательно понял: Джесси ничего не придумала, это была чистая, горькая правда, от которой хотелось зажмуриться и закричать: «Нет, не надо!» Но вместо крика он тихо, почти шёпотом, будто боялся спугнуть эту реальность, переспросил:

— Это что, правда? — в его голосе дрожала надежда услышать отрицательный ответ, такой простой и спасительный: «Да шутим мы, Макс, не переживай». — Мы переезжаем?

Родители обернулись и посмотрели на сына. В их взглядах было столько невысказанного, столько осторожной, почти болезненной заботы, что у Макса внутри всё сжалось ещё до того, как прозвучали первые слова. Мама стояла у окна, где утренний свет ложился на её волосы тонкими золотыми нитями, и в этом свете она вдруг показалась ему не такой сильной, как всегда. Папа замер у книжного шкафа — он будто специально выбрал это место, чуть в стороне, чтобы не давить, чтобы дать маме пространство для самого трудного разговора. Он знал: только она сможет сказать эту новость так, чтобы в ней было не просто «надо», а «я понимаю, как тебе тяжело». Они знали, что для него это будет совсем не в радость. Знали, как сильно он любит этот город — с его знакомыми улицами, по которым он мог ходить с закрытыми глазами, с парком, где каждое дерево было частью его истории, с кафе у остановки, где ему всегда давали лишнюю печенку. Знали про школу, про друзей, с которыми они строили планы на лето и

делились секретами. Для Макса этот город был не просто местом, а целым миром, в котором он чувствовал себя на своём месте.

Но у них не было выбора. Переезд был обязателен, и тут ничего не поделаешь: папину работу перевели в другой филиал, условия были жёсткими, сроки — короткими, а отказывать в таких случаях не принято. Это решение далось родителям нелегко: они неделями обсуждали его по вечерам, когда думали, что Макс уже спит, взвешивали все «за» и «против», пытались найти хоть какой-то выход, но каждый раз упирались в одну и ту же стену. И теперь им предстояло сказать об этом сыну — и увидеть, как рушится его маленький, такой хрупкий мир.

Мама медленно подошла к Макс, её шаги были тихими, будто она боялась спугнуть его, как пугливого зверька. Она села на рядом стоящий стул — тот самый, на котором он когда-то сидел, когда разбивал коленку и она осторожно промывала рану, тихо приговаривая, что всё заживёт. Теперь ей нужно было сделать куда более болезненную вещь: ранить его словами. Мальчик заметил, как сложно ей было начать этот разговор с ним. Её губы чуть дрогнули, она сделала глубокий вдох, словно собиралась нырнуть в холодную воду, взяла сына за руку и на секунду закрыла глаза, будто пыталась найти внутри себя нужные слова — не те, что звучат правильно, а те, что смогут хоть немного смягчить удар.

— Макс, — наконец тихо произнесла она, и её голос, обычно такой уверенный и бодрый, звучал непривычно мягко, почти беззащитно. — Нам нужно кое-что тебе сказать. Это непросто..., и я очень не хочу, чтобы ты думал, что нам всё равно. Нам не всё равно. Совсем не всё равно. Да, милый, это правда. Знаю, как тебе сложно это понять, но всё это к лучшему. И знаешь, что, Макс? У нас будет свой дом! — она улыбнулась, и в этой улыбке было столько старания быть радостной, что она казалась почти хрупкой, будто могла рассыпаться от любого резкого звука. — Помнишь, как ты мечтал о собственном доме?

— А как же мои друзья? — обиженно спросил мальчик, и на его глазах появились слёзы, крупные, тяжёлые, которые не скатывались по щекам, а просто стояли в глазах, делая взгляд по-взрослому серьёзным и бесконечно грустным. — Мне их всех забыть?

— Ты же можешь звонить им хоть каждый день, общаться по видео.

— Но ты же понимаешь, что это совсем не то, мам...

Макс грустно посмотрел на родителей, и в этом взгляде было столько невысказанного, столько вопросов, на которые не существовало правильных ответов, что у мамы внутри всё сжалось. Он медленно, будто ноги стали вдруг в два раза тяжелее, развернулся и ушёл к себе в комнату. Дверь он прикрыл не хлопнув, а очень тихо, почти бережно, и от этого тихого щелчка замка маме стало ещё больнее — будто он не злился, а просто хотел спрятаться, чтобы никто не видел, как ему плохо.

Тишина, наступившая после этого, была не пустой, а густой, наполненной невыплаканными слезами и общими переживаниями. Мама заплакала, не сдерживаясь, не пытаясь спрятать лицо, потому что сил на это уже не осталось. Она понимала, каково это — начинать всё сначала. Ведь в детстве ей тоже пришлось это пережить: новый город, новая школа, чужие лица в коридорах, которые смотрели на неё с любопытством или равнодушием, и долгие вечера, когда она сидела у окна и ждала, что кто-нибудь постучит в дверь и позовёт гулять. Она помнила это чувство, когда кажется, что весь мир вдруг стал огромным и холодным, а ты в нём — совсем один.

К ней подошёл папа, в его движениях была та особая, бережная неторопливость, которая появляется, когда хочется не просто успокоить, а буквально забрать чужую боль себе. Он сел на корточки, взял её мокрые от слёз ладони и прижал к своим щекам — тёплым, чуть колючим от утренней щетины.

— Не переживай, родная, всё наладится, — очень ласково и уверенно говорил папа, глядя ей прямо в глаза, будто хотел, чтобы она не просто услышала эти слова, а почувствовала

их правдивость. — Макс ещё ребёнок, он быстро привыкнет к новому дому. Там будет новая школа, новые друзья, новые впечатления. Вот увидишь, через месяц он ещё спасибо скажет.

Мама посмотрела на него, глубоко вздохнула, словно пыталась вобрать в себя эту уверенность, и, медленно вытерев слёзы краешком рукава, улыбнулась. Ей стало гораздо легче от папиных слов, от этой спокойной силы, которую он умел дарить одним только своим присутствием.

— Да, ты прав, там будут новые впечатления. Ладно, пойду ещё поговорю с Максом, и будем собирать вещи.

Войдя в комнату сына, она увидела, что он лежит на кровати, уткнувшись в подушку. Она медленно подошла и села рядом с ним. Погладила его по голове, перебирая пальцами мягкие, чуть взъерошенные волосы и вполголоса сказала:

— Любимый мой мальчик, ты же знаешь, как сильно мы с папой любим тебя и ни в коем случае не хотели сделать тебе больно. Ты даже не представляешь, каких сил мне стоило сказать тебе об этом. Каждый раз, когда приходится сообщать что-то такое, внутри всё сжимается, потому что хочется оградить тебя от любых трудностей, а тут сама же и приношу эту новость.

Она помолчала, собираясь с мыслями, а потом продолжила, вспоминая те далёкие годы, когда сама была такой же растерянной и испуганной:

— Когда я была маленькой, мы с родителями очень часто переезжали. И ты знаешь, за восемь лет мне пришлось сменить школу четыре раза. Ты представляешь, сколько раз мне приходилось заново учиться находить общий язык с одноклассниками, запоминать дорогу до школы, привыкать к новым учителям и даже к тому, как пахнет в коридоре. Каждый раз это было как начинать жизнь с чистого листа, и каждый раз мне казалось, что я никогда не смогу вписаться, что все будут смотреть на меня как на чужую.

Её голос стал тише, будто она делилась не просто воспоминаниями, а чем-то очень личным, спрятанным глубоко внутри:

— Но знаешь, что в этом было хорошего? У меня было очень много друзей. В каждой школе, в каждом городе находились ребята, с которыми мы быстро находили общий язык, вместе придумывали игры, делились секретами, поддерживали друг друга. И сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что эти переезды научили меня быть смелее, не бояться нового, видеть в переменах не только сложности, но и возможности. Это огромный плюс в данной ситуации, правда. И я верю, что и для тебя это станет чем-то таким же — возможностью открыть для себя целый мир, который ты раньше не замечал.

Макс медленно сел и посмотрел на маму.

— А где мы там будем жить? — тоскливо поинтересовался мальчик, и в его голосе прозвучала не капризная обида, а тихое, почти беззащитное недоумение. Ему всё ещё казалось, что этот переезд — какая-то ошибка, нелепый сон, который вот-вот рассеется, стоит только хорошенько встряхнуться.

— Там у нас будет свой собственный дом. Дом моей бабушки, — улыбнувшись, ответила мама. Она осторожно поправила смятую простыню, будто этим простым движением хотела всё расставить по местам. В её глазах светилось столько надежды, что Макс невольно почувствовал себя виноватым за свою угрюмость. Она заметила, что он понемногу свыкается с мыслью о переезде, что в его взгляде уже не было прежнего острого протеста, а только усталость и растерянность — и это её очень обрадовало.

— Прости меня, мам, что я так повёл себя... Я не хотел обидеть вас с папой, просто мне ещё очень сложно в это поверить, — опустив голову, еле слышно произнёс мальчик. Его пальцы теребили край одеяла, словно искали в нём опору, какое-то привычное, знакомое ощущение, которое помогло бы удержаться на месте, когда всё вокруг сдвигается с привычной колеи.

— Я всё понимаю, — тихо сказала мама и мягко положила ладонь ему на плечо. Её рука была тёплой и твёрдой, и от этого прикосновения тревога в груди Макса чуть-чуть отступила.

— Вот увидишь, тебе там понравится. Будешь обустраивать свою новую комнату, выберешь, где поставить стол, куда повесить постеры... Найдёшь новых друзей, и грусть пройдёт.

Макс поднял глаза, пытаясь разглядеть в маминых словах хоть крупицу той уверенности, которая в них звучала.

— Наверное ты права. А когда мы переезжаем?

— Мы должны успеть к началу школьных занятий.

— То есть у нас одна неделя? — Макс невольно сглотнул. Неделя казалась одновременно и бесконечно долгой, и до смешного короткой — будто времени должно хватить на всё, но его явно не хватит ни на что.

— Да, всего неделя, а работы ещё очень много, — вздохнула мама, но тут же снова улыбнулась, стараясь не показывать, как сильно она волнуется. — Но мы справимся. Вместе.

Макс улыбнулся и обнял маму — крепко, по-детски доверчиво, уткнувшись лицом в её платье.

— Поможешь нам с папой со сборкой вещей? — довольным голосом спросила мама, обнимая его в ответ и на мгновение прижимая к себе, будто хотела этим объятием передать ему часть своей уверенности.

— Конечно, — с натянутой улыбкой, но уже с более хорошим настроением ответил Макс.

«Спустя неделю изнурительных сборов мы наконец въезжали в наш новый маленький городок. Он казался тесным и каким-то настороженным: ряды одноэтажных и двухэтажных домов жались друг к другу, а их оконные проёмы глядели на меня, словно огромные немигающие глаза, готовые поглотить любого чужака. В груди ворочалось глухое, тяжёлое чувство — совсем не похожее на предвкушение новой жизни.

«Где мы? Зачем мы здесь? Нет, нет, это неправда... Увезите меня обратно, домой!» — мысленно твердил я, вцепившись пальцами в край сиденья. Город будто не хотел принимать нас, и каждый его угол казался чужим и неприветливым.

Спустя ещё несколько минут бесконечных разъездов по узким улочкам машина наконец остановилась возле ничем не примечательного дома. Неужели это он? Сердце ёкнуло: неужели именно здесь нам предстояло начать всё заново?

Этот дом, когда-то принадлежал маминой бабушке. Она ушла из жизни, когда маме едва исполнилось восемнадцать, и дом по наследству перешёл к ней. Строение было старым, но не безнадежным — в нём вполне можно было жить, стоило лишь вложить немало сил в ремонт.

Дом оказался небольшим, но двухэтажным, с чуть покосившейся крышей и потемневшими от времени досками. Едва мы переступили порог, как нас окутал особенный запах — смесь пыли, застоявшегося воздуха, выцветших обоев и старой древесины, будто само время оставило здесь свой терпкий след.

Гостиная — самое просторное помещение на первом этаже — казалась застывшим осколком прошлого. Она была плотно заставлена старой мебелью, покрытой толстым слоем пыли, словно её нарочно укутали в серое покрывало забвения. Тяжёлые бархатные портьеры, когда-то, наверное, роскошные, теперь выцвели почти до серого оттенка и почти не пропускали свет, создавая в комнате тягучий полумрак. В центре стоял большой дубовый стол — мамина бабушка рассказывала, что за ним в праздники собиралась вся семья: смеялись, спорили, делились новостями, и воздух звенел от голосов и счастья. Теперь же он выглядел одиноким и немного грустным. На стенах висели потемневшие фотографии в простых рамках: на них были изображены незнакомые мне люди — родственники бабушки, чьи лица казались призрачными и далёкими, словно они принадлежали другому миру.

Кухня оказалась небольшой, но удивительно уютной, несмотря на свой почтенный возраст. Старая плита, похожая на музейный экспонат, угрюмо стояла в углу, рядом с массивным буфетом, до отказа набитым посудой: вычурными чашками, потёртыми тарелками, стеклянными вазочками, каждая из которых хранила частичку семейной истории. На стенах тяну-

лись полки, уставленные разнокалиберными банками — казалось, каждая из них шептала свою маленькую историю.

Ванная комната выглядела самой «современной» частью дома — хотя и ей отчаянно требовался ремонт. Старая ванна с пожелтевшей эмалью притаилась в углу, словно стыдясь своего вида, а рядом стоял умывальник с потрескавшейся раковиной. Трубы вздыхали и шумели, издавая странные, почти жалобные звуки, будто ворчали на свой преклонный возраст и не хотели мириться с тем, что их время прошло.

Спальня на первом этаже была маленькой и очень скромной. Простая деревянная кровать стояла в центре комнаты, укрытая пыльным покрывалом, которое, казалось, не трогали годами. Рядом приютилась небольшая тумбочка, а на ней — пожелтевшая фотография молодой женщины: маминой бабушки. Её улыбка была такой живой, такой тёплой, что на мгновение мне показалось, будто она смотрит прямо на меня и тихо говорит: «Не бойся, здесь будет хорошо». Воздух в комнате был пропитан едва уловимым запахом лаванды и старой древесины — запахом времени, запахом жизни, которую дом бережно хранил в своих стенах.

Когда мы с мамой поднялись по лестнице на второй этаж, она протестующе скрипнула, словно старая колыбель, качающая воспоминания. Каждый шаг отдавался глухим эхом, и в этом звуке слышалось прошлое — голоса, смех, шаги, которые, когда-то наполняли эти комнаты.

Стоя наверху, мы поняли: работы предстоит невероятно много. Но в этом была и своя награда: шанс вдохнуть в эти стены новую жизнь, наполнить их смехом, разговорами, теплом — и при этом не потерять, не стереть память о прежней жизни, о тех, кто когда-то любил этот дом и жил в нём.»

Сегодня...

Он снова сжал лямки рюкзака, глубоко вдохнул прохладный воздух и шагнул вперёд, стараясь не замечать, как мама стоит у порога, провожая его взглядом, в котором смешались тревога и надежда. Этот день только начинался, и пока никто не знал, каким он окажется — тяжёлым испытанием или первым шагом к чему-то хорошему.

— Ну все, мам, я побежал! Опаздываю ужасно, — поцеловал маму в ответ и выскочил за дверь.

Макс мчался, сломя голову, и в своей спешке совсем не смотрел по сторонам. Как вдруг, врзаясь в девочку, которая, погрузившись в предвкушение любимых мелодий, включала музыку на телефоне. От толчка он вылетел у нее из рук и звонко ударился о тротуар.

— Ох, прости пожалуйста! Я тебя не заметил, — с искренним раскаянием проговорил мальчик и кинулся поднимать злополучный гаджет.

— Смотри куда идешь! Это же мой новый телефон! Если он сломался, мне не жить, папа меня живьем закопает!

Макс, чувствуя себя виноватым до глубины души, осторожно повертел телефон в руках, всматриваясь в экран, выискивая хоть одну предательскую трещину. Сердце стучало, где-то в горле, а перед глазами мелькали картины: вот отец девочки строго смотрит на него, вот она плачет, вот он сам пытается объяснить, что это вышло случайно...

— Вроде бы цел... — выдохнул он наконец, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри всё дрожало.

— Дай сюда! — девочка лихорадочно включила телефон. Фух, работает! Слава Богу!

— Прости меня, пожалуйста! Я правда не хотел...

— Да ладно, забудь. Мне пора, я в школу опаздываю, — она резко рванула вперед.

— Стой! А можно с тобой? Я тут новенький, никого и ничего не знаю, — выпалил Макс, сам удивившись, как громко прозвучал его голос.

Девочка на секунду остановилась, склонила голову набок, будто оценивая его, и вдруг чуть заметно кивнула.

— Ладно, пошли. Меня, кстати, Лили зовут, а тебя?

— Макс. Давно здесь живёшь? — спросил он, стараясь говорить спокойно, хотя сердце снова заколотилось, но теперь уже от чего-то похожего на предвкушение.

— Нет, мы с родителями месяц назад переехали, так что я здесь тоже как белая ворона. Всё ещё не могу запомнить, где какой поворот, и каждый день кажется, что вот-вот заблужусь.

— Лили пожала плечами, и в этом простом движении было столько понимания, что Макс невольно выдохнул, будто с плеч свалился камень.

— А мы только вчера переехали, даже вещи ещё не разобрали. Папа здесь работу получил. Поэтому придется жить здесь, — с тяжелым вздохом промолвил мальчик.

— Понятно, — спокойно сказала девочка, и они пошли рядом, подстраиваясь под шаг друг друга. Их тени тянулись по тротуару, сплетаясь и снова расходясь, а утренний ветер шевелил листья на деревьях, будто шептал, что всё не так страшно, когда ты не один.

— Совсем немного осталось. Вот и наша школа, — Лили указала вперёд, где за поворотом уже виднелось знакомое здание.

Она поражала своими размерами. Огромная, в два этажа, она возвышалась, словно крепость знаний. Насыщенный темно-красный цвет стен контрастировал с белоснежными рамами больших окон. Вокруг раскинулись могучие деревья, создавая уютную тень. А прямо перед входом журчал прекрасный круглый фонтан: вода тонкими струйками поднималась вверх и с тихим плеском опускалась обратно в чашу, выложенную гладкими камешками.

— Да, для нашего города — просто дворец! — тихо пробормотал Макс, задрав голову и пытаясь охватить взглядом всё здание сразу. Ему казалось, что он стоит перед чем-то огромным и непостижимым, как перед древней крепостью, чьи тайны придётся разгадывать день за днём.

— Ну, пойдём, — с легким подталкиванием в плечо поторопила его девочка. В этом жесте не было ни спешки, ни раздражения — только тихое понимание: она и сама стояла на этом месте, чувствуя себя не в своей тарелке.

Несмотря на то, что был первый учебный день, школа уже гудела жизнью. Старшеклассники расхаживали по лужайке с уверенным видом, будто твёрдо знали, что им тут самое место. Кучка девятиклассников сбилась в тесный кружок, в десятый раз сверяя расписания. Где-то сбоку парни громко спорили о предстоящем футбольном матче — их голоса разносились по всему двору. У всех уже были свои дела, свои люди, свой ритм — и Максу вдруг отчаянно захотелось стать частью этого привычного шума, а не оставаться снаружи, глядя на всё через стекло.

Внутри школа впечатляла ещё сильнее. Потолки уходили высоко вверх, украшенные витиеватой лепниной, которая явно повидала не одно десятилетие. С них свисали старинные люстры — их явно регулярно чистили, но всё равно чувствовалась их почтенная давность. Широкие коридоры разбегались в разные стороны, уставленные рядами шкафчиков выцветшего голубого цвета; на стенах висели доски объявлений, сплошь заклеенные листовками о секциях, спортивных матчах и школьных распродажах выпечки.

Шум накрыл Макса волной: наслоение сотен голосов, хлопанье дверей шкафчиков, топот ног ребят, которые неслись по коридору, чтобы успеть до звонка. В воздухе витал особенный школьный запах — меловая пыль, старые учебники, антисептик, запах кроссовок и ещё что-то неуловимо учебное.

Макс шёл следом за Лили, стараясь не отставать и при этом незаметно подмечать всё вокруг: номера кабинетов, стрелки, указывающие путь к спортзалу и столовой, витрину с кубками, где поблёскивали награды за спортивные победы прошлых лет. Сердце колотилось в груди, и в этом ритме смешивались страх и любопытство. Что ждёт его здесь? Сможет ли он

влиться в этот новый мир, отыскать свой уголок, завести друзей, с которыми будет по-настоящему легко? Или так и останется новеньким — тем, кого все замечают, но никто по-настоящему не видит...

— У нас сейчас алгебра. Кабинет двести пять. Скорее всего, на втором этаже, пошли.

Макс, доверившись ей, двинулся следом.

Поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж, Макс невольно замедлил шаг. Каждый звук, каждый взгляд казался ему значимым. Он чувствовал, как его руки начинают слегка дрожать. Но рядом была она – его новая подруга, ее уверенный взгляд и легкая улыбка придавали ему сил и уверенности.

— Ну вот, двести пятый, — пробормотала Лили, и в её голосе всё-таки скользнула едва уловимая дрожь.

Дверь кабинета была приоткрыта, из щели тянулась полоска света, а изнутри доносились приглушённые голоса — кто-то смеялся, кто-то перешёптывался. Макс глубоко вдохнул и, почувствовав легкое подталкивание в спину, шагнул внутрь.

— Фух, успели, — выдохнула Лили с явным облегчением, будто тяжёлый груз свалился с плеч. Она опустила их, словно наконец позволила себе расслабиться, и бросила на Макса короткий взгляд: мол, первый рубеж пройден.

Они вошли в класс, где уже собрались все ученики. Свободными оставались лишь несколько последних парт в самом конце комнаты — будто специально отведённые для тех, кто всегда оказывается чуть в стороне от общего круга. На удивление, в классе царила тишина, обычно несвойственная таким моментам. Но сейчас ребята, будто предчувствуя что-то важное, тихо переговаривались между собой, понизив голоса до шёпота, и в этом приглушённом шуме чувствовалось напряжение — словно все ждали, как развернутся события.

Кто-то остался равнодушен к их появлению: один парень, сидевший у окна, продолжал листать что-то в телефоне, будто ничего не происходило, а девочка в первом ряду даже не подняла головы от тетради, но многие обернулись, чтобы рассмотреть новых учеников – Макса и Лили. В их взглядах читалось любопытство, смешанное с легким пренебрежением. Они оценивающе осмотрели их с ног до головы, но промолчали, словно взвешивая, стоит ли тратить слова на этих новичков.

Макс почувствовал, как внутри него закипает смесь неловкости и вызова. Этот оценивающий взгляд толпы, словно сканером, прошелся по нему, выхватывая каждую деталь: Старые джинсы, поношенные кроссовки, чуть взъерошенные волосы. Он невольно поправил лямку рюкзака, будто пытаясь спрятаться за ним от этих пристальных глаз, и на секунду замер, не решаясь сделать следующий шаг. Ему казалось, что все в классе слышат, как громко стучит его сердце, и это делало его ещё более заметным. Лили держалась чуть увереннее, но мальчик видел, как дрожат ее руки.

Они прошли к свободным партам, ощущая на себе тяжесть взглядов. Каждый шаг отдавался гулким эхом в этой звенящей тишине и Максу казалось, что даже скрип его кроссовок звучит слишком громко, слишком неправильно. Садясь, он украдкой оглянулся, стараясь не делать это слишком заметно, чтобы никто не подумал, будто он ищет чьего-то одобрения. И в одном из взглядов, среди всей этой настороженности и безразличия, он заметил нечто иное — тень сочувствия, проблеск понимания. Это был взгляд мальчика в середине класса: он не пялился, не ухмылялся, просто посмотрел на Макса чуть дольше остальных, и в его глазах мелькнуло что-то знакомое — будто он сам, когда-то стоял на этом месте, чувствуя себя чужим. В этом взгляде не было ни насмешки, ни высокомерия — только тихое «я знаю, каково это». И от этого короткого, почти незаметного контакта внутри у Макса что-то чуть-чуть расслабилось. Может быть, не все здесь были чужими? Может быть, где-то среди этих настороженных лиц прятались те, кто однажды станет друзьями?

Лили тихонько вздохнула, придвигаясь ближе. Она видела, как ее друг нервничает.

— Всё будет хорошо. Не обращай внимания, привыкнут, — прошептала она, и в её голосе звучала такая нежность и поддержка, что слова будто обволакивали, как тёплый плед в холодный вечер. Она слегка коснулась его локтя — совсем на мгновение, но этого хватило.

Мальчик почувствовал, как ее тепло медленно разливается по его телу, изгоняя холод неуверенности. Плечо Лили стало для него чемто вроде якоря в этом штормящем море чужих взглядов. В этот момент он вдруг ясно понял: он не один. Есть человек, который разделит с ним этот новый, пугающий мир.

В ту же секунду раздался резкий, пронзительный звонок — такой, какой бывает только в школе: громкий, властный, не терпящий возражений. Дети мгновенно вскочили со своих мест, стулья с грохотом отодвинулись, в воздухе повисло то самое короткое, лихорадочное оживление, которое всегда накрывает класс перед началом урока. Кто-то торопливо закидывал вещи в рюкзак, кто-то перебрасывался последними фразами, кто-то поправлял одежду, будто пытаясь за эти несколько секунд стать чуть увереннее. И вот в класс вошла учительница — высокая, стройная женщина с короткой, аккуратно уложенной стрижкой, в которой серебрились тонкие нити седины. На вид ей было около шестидесяти, не меньше, и в её осанке чувствовалась та спокойная уверенность, которая приходит с годами и опытом. На ней был тёмно-синий пиджак, строгий, но не суровый, а на шее — тонкая нитка жемчуга, придававшая её облику едва уловимую мягкость.

— Здравствуйте, дети, садитесь, — произнесла она ровным, хорошо поставленным голосом. В нём звучала привычная строгость, которую вырабатывают за долгие годы преподавания, но в глубине её глаз таилась тёплая искорка доброты — та самая, которая даёт понять: она строга не из вредности, а потому что хочет, чтобы всё шло как надо.

Она обвела класс спокойным взглядом, будто проверяя, все ли на месте, все ли готовы к уроку, и затем её взгляд остановился на Максе и Лили.

— У нас двое новеньких ребят. «Давайте поприветствуем их», — сказала она мягко, но достаточно громко, чтобы услышали все.

Ребята, ощущая неловкость, поднялись со своих мест. Стулья чуть скрипнули, кто-то неловко переступил с ноги на ногу, а в классе повисла та самая звенящая тишина, когда все одновременно хотят и посмотреть, и сделать вид, что не смотрят.

— Здравствуйте! — с энтузиазмом отозвалась Лили, расправив плечи и будто пытаясь вложить в этот привет весь свой запас уверенности. — Меня зовут Лили, мы с семьёй переехали из Сан Диего.

Её голос прозвучал чуть громче, чем нужно, и по классу прокатился тихий шёпот: кто-то хмыкнул, кто-то наклонился к соседу, чтобы что-то прошептать. Макс краем глаза заметил, как один парень в третьем ряду закатил глаза, а девочка рядом с ним тихо хихикнула, прикрыв рот ладонью.

— Здравствуйте, — робко начал мальчик, чувствуя, как слова застревают в горле и выходят какими-то сухими и чужими. — Меня зовут Макс. Мы переехали из Сиэтла. Папа получил здесь работу, и теперь я буду учиться с вами.

Он старался смотреть прямо, на учительницу, чтобы не встречаться взглядом с одноклассниками, но всё равно ловил на себе эти быстрые, оценивающие взгляды — будто его проверяли на прочность. Ему казалось, что все видят, как дрожат его пальцы, как он нервно сжимает и разжимает их, пытаясь унять дрожь.

— Рады знакомству, Лили и Макс. Садитесь, пожалуйста, — спокойно и доброжелательно произнесла учительница, чуть склонив голову. Её голос мягко рассеял напряжение, и ребята медленно опустили на свои места, будто только сейчас разрешили себе снова дышать.

Одноклассники ещё несколько секунд продолжали окидывать новеньких оценивающими взглядами, а потом, один за другим, стали отворачиваться: кто-то достал телефон и сделал вид, что проверяет сообщения, кто-то принялся перебирать ручки в пенале, кто-то снова уткнулся

в учебник. В этом движении было что-то почти облегчённое: знакомство состоялось, можно было вернуться к привычному распорядку.

Учительница подошла к доске и начала писать дату и тему урока чёткими, уверенными движениями. Мелок поскрипывал, оставляя на тёмно-зелёной поверхности белые полосы, и этот привычный звук постепенно возвращал класс к будничной рутине.

Макс и Лили переглянулись — в этом коротком взгляде уместилось сразу всё: и «ну вот, пережили», и «что дальше?», и тихое «я рядом». Они открыли тетради, достали ручки и принялись старательно переписывать вслед за учительницей, выводя буквы чуть крупнее обычного, будто хотели, чтобы эти ровные строчки стали для них опорой. Макс старался сосредоточиться на словах, но краем глаза всё равно замечал, как сосед по ряду что-то шепчет, как кто-то тихо посмеивается, и от этого ему хотелось писать ещё старательнее, чтобы доказать хотя бы самому себе, что он может быть таким же, как все.

Казалось, урок тянется бесконечно долго. Минуты ползли медленно, как будто кто-то нарочно замедлил время. Каждый скрип стула, каждый шорох тетради, каждый тихий смешок отдавались в голове Макса особенно громко, и он всё сильнее вжимал плечи, стараясь стать незаметнее.

Наконец прозвенел звонок — резкий, долгожданный, словно освобождающий. После того как учительница отпустила класс, все начали собираться. В классе снова поднялся привычный гул, и напряжение, висевшее в воздухе всё это время, понемногу начало рассеиваться.

— Кажется, мы не всем здесь нравимся, — прошептал Макс Лили на ухо, незаметно указывая взглядом на одноклассников: на ту самую девочку, которая всё ещё поглядывала на них с лёгким пренебрежением, и на парня, который демонстративно отвернулся, будто не хотел даже случайно встретиться с ними глазами.

— Не парься, привыкнут, — ободряюще ответила Лили, чуть пожав плечами, но в её голосе всё же проскользнула тень усталости — будто и ей было не так легко, как она старалась показать. — Пошли, у нас сейчас физика. Терпеть её не могу.

— Пошли, — тихо согласился Макс, застёгивая рюкзак.

Покинув класс, ребята старались держаться вместе, будто боялись, что если разойдутся хоть на шаг, то этот хрупкий островок безопасности тут же растворится в шумных школьных коридорах. Толпы учеников неслись мимо, кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то торопливо листал учебник, пытаясь за пять минут перемены выучить полглавы. Для Макса и Лили этот гул казался чужим, немного враждебным, и только их общая неловкость и одиночество связывали их крепче любой верёвки. На перемене, в классе физики, словно утоляя жажду общения, они делились сокровенным — говорили о мелочах: о любимых напитках, о том, какие завтраки им готовили дома, о своих страхах и надеждах. И радость от того, что есть кто-то, кто слушает и не смеётся, согревала их сердца, прогоняя холод чужого места.

Звонок резко возвестил о начале урока, и они замерли у парт, на секунду задержав дыхание, как перед прыжком в холодную воду. Учительница физики встретила их приветливой улыбкой — в её глазах не было ни удивления, ни осуждения, только спокойное «добро пожаловать». Урок промчался мгновенно, будто кто-то незаметно ускорил время: формулы и законы сменяли друг друга, доска покрывалась строками уравнений, а Макс и Лили, хоть и не всё понимали, старались не отставать, ловя каждое слово.

А потом пришла информатика. Заняв свободные места, они с грустью обнаружили, что сидят порознь: Макс — на среднем ряду, Лили — у окна, в другом конце класса.

На мгновение их взгляды встретились, и в этом коротком обмене было столько невысказанного: «Не теряйся», «Я тут», «Мы ещё увидимся». Но стремление к дружбе было сильнее расстояния. Они тут же решили, что не будут сидеть молча, и первым делом познакомятся с новыми соседями по парте.

Макс украдкой поглядывал на соседку, замечая, как она сосредоточенно хмурит брови, пытаясь понять сложную тему. Её пальцы быстро бегали по клавиатуре, а на полях тетради она делала крошечные пометки, вырисовывая рядом с формулами маленькие сердечки и звёздочки. В этом странном сочетании серьёзности и детской привычки прятать в скучных вещах что-то своё, было что-то невероятно притягательное.

— Привет. Я Макс, — прозвучало робко, почти шёпотом, чтобы учительница, стоявшая у проектора, не услышала. — Как тебя зовут?

— Стейси, — ответила девочка, чуть приподняв голову, и на её лице мелькнула лёгкая улыбка. В её взгляде не было ни насмешки, ни равнодушия — только спокойное любопытство.

Лили тоже познакомилась со своим новым соседом — Диланом. Он сидел, слегка наклонившись вперёд, будто весь был готов сорваться с места и куда-то бежать. На его пенале красовались наклейки с героями старых видеоигр, а в тетради вместо конспектов были наброски каких-то фантастических существ.

Во время урока ребята иногда болтали — шёпотом, осторожно, стараясь, чтобы учительница их не услышала. Стейси оказалась очаровательной и очень умной: она так просто и понятно объясняла Максу запутанные моменты, что сложные алгоритмы вдруг становились почти понятными. Макс почувствовал мгновенную симпатию, словно встретил родственную душу — того, кто не будет смеяться над его ошибками, а просто спокойно подскажет, как сделать лучше.

Лили, в свою очередь, обнаружила, что Дилан — парень с невероятным чувством юмора. Его шутки были немного нелепыми, но такими заразительными, что она смеялась до слёз, прикрывая рот ладонью, чтобы не привлечь к себе внимание. А его рассказы о приключениях — о том, как он однажды заблудился в соседнем парке и три часа искал дорогу, или как пытался собрать робота из старых деталей и чуть не спалил гараж, — увлекали её в мир фантазий и грёз. Она чувствовала, как между ними устанавливается особая связь, основанная на взаимном уважении и искреннем интересе друг к другу: он не пытался казаться круче, чем есть, а она не боялась быть смешной.

Учебный день завершился настойчивым трезвоном, оставив после себя приятную усталость. После уроков ребята устремились к выходу. Макс и Стейси, Лили и Дилан — четверо новоиспеченных друзей не спешили расставаться. Они задержались возле школы, желая продлить мимолетные мгновения счастья. Ребята были рады, что у них появились друзья. Но, увы, Стейси и Дилан, жили в другой части района. И им пришлось попрощаться. Макс и Лили, полные тёплых чувств, вместе отправились домой. Шаги поначалу давались тяжело — от усталости и переполнявших эмоций, но с каждым шагом становилось легче.

В их сердцах горел огонёк новой дружбы. И пусть расстояние разделяет их со Стейси и Диланом, этот день навсегда останется в памяти — день, когда чужие коридоры стали чуть ближе, а новый город — не таким уж чужим.

— Ну как тебе первый день в школе? — с нескрываемым интересом спросил Макс у Лили.

— Да вроде норм, — с робкой улыбкой ответила девочка, пряча руки в карманы куртки, чтобы скрыть лёгкую дрожь. — Обычно так и бывает, когда переходишь в новую школу. Сначала ты будешь всех бесить одним своим видом, потому что ты новенький, а потом привыкнут. Просто нужно время.

Макс тихо хмыкнул: — Наверное, ты права. А что насчет твоего соседа по парте? Как он?

— Дилан? Он, кстати, классный! — Лили чуть оживилась, и её голос стал звонче, будто одно воспоминание о нём прогоняло остатки неловкости. — Даже помог мне с кое-чем. Думаю, мы подружимся. А как тебе Стейси?

— Она... интересная, — Макс на секунду замялся, подбирая слова, будто боялся сказать, что-то не, то. — Умная и такая... светлая, что ли. С ней спокойно. Не давит, не пытается казаться круче, чем есть.

— Ох, держись, это только начало! — засмеялась девочка.

Спустя десять минут ребята наконец добрались до родной улицы — хотя для обоих она была ещё совсем не родной, но уже начинала казаться чуть ближе, чуть привычнее. Их дома стояли друг напротив друга, разделённые узкой дорогой, по которой изредка проезжали машины.

— Ты здесь живёшь? — удивлённо спросил мальчик, резко остановившись и оглядываясь по сторонам, будто только сейчас заметил эти знакомые очертания домов.

— Да, а ты? — Лили тоже замерла, приподняв брови, и в её взгляде мелькнуло предвкушение чего-то хорошего.

— А я здесь, — кивнув в сторону своего скромного дома буркнул Макс.

— Так мы ещё и соседи, здорово! — обрадовалась Лили, и её глаза засветились так ярко, что Макс невольно улыбнулся в ответ. В этом совпадении было что-то правильное, словно сама судьба подталкивала их друг к другу.

Мальчик тоже был рад такому соседству. Теперь не нужно было переживать, что утром он снова проснётся в этом чужом месте совсем один. Теперь рядом будет Лили — человек, который тоже всё это чувствует, понимает и не станет делать вид, что всё просто.

— Ну ладно, до завтра, — тихо прошептала девочка, пряча взгляд и слегка шаркая носком кроссовка по асфальту. Ей, наверное, тоже не хотелось прощаться, но день уже закончился, и каждый должен был вернуться в свой дом.

— До завтра. Во сколько встречаемся? — Макс постарался спросить как можно спокойнее, чтобы не выдать, как сильно ему хочется, чтобы эта встреча точно состоялась.

— Может в половине восьмого?

— Отлично. До встречи! — Макс кивнул, стараясь выглядеть уверенным.

— До встречи!

Лили ушла домой, а Макс застыл, словно приросший к тротуару, напротив своего нового жилища. Неужели, этот изматывающий, дебютный день в новой школе наконец позади? Он все еще не мог поверить, что теперь его жизнь связана с этим местом, а все его друзья остались далеко, в Сиэтле.

Безусловно, в этом дне были и светлые моменты — новые лица, новые знакомства, что не могло не согревать душу. В памяти Макса тут же всплывали улыбки Лили, спокойный взгляд Стейси, нелепые, но такие заразительные шутки Дилана — и от этих воспоминаний на сердце становилось чуть теплее, будто кто-то незаметно подкидывал поленья в маленький костёр надежды.

Однако тоска по родному Сиэтлу, по уютной комнате с постерами любимых групп на стенах, по верным друзьям, с которыми они каждый день после школы бежали к набережной, терзала его изнутри, острыми иголками впиваясь в грудь при каждой попытке привыкнуть к новому. Этот дом... Как же сложно было принять мысль, что именно здесь ему предстоит провести годы, вплоть до окончания школы, что эти стены станут его убежищем — или тюрьмой, если он так и не сможет их принять.

Собравшись с духом, мальчик двинулся к дому. Дверь скрипнула, впуская его в полутёмный коридор, где пахло чем-то непривычным — не тем домашним уютом, к которому он привык, а чем-то новым, ещё не ставшим своим. Макс замер на секунду, прислушиваясь к тишине, а потом, будто сбрасывая с себя тяжесть дня, выдохнул:

— Мам, я дома, — взволнованно и грустно произнёс он, бросая рюкзак на пол и вешая куртку на вешалку.

— Здравствуй, дорогой! Ну как ты? Как первый день в школе? — с теплотой спросила мама, выходя из кухни. Она остановилась в дверях, внимательно вглядываясь в лицо сына, пытаясь уловить малейшие изменения в его настроении, прочесть то, что он не скажет вслух.

— Так себе... Ничего особенного, — буркнул он, отводя взгляд.

— Удалось с кем-нибудь познакомиться? — мягко спросила мама, не настаивая, но не отпуская ситуацию, потому что знала: если сейчас не вытянуть из него хоть что-то, он уйдёт в себя ещё глубже.

— Да, с девчонкой, живёт напротив. Зовут Лили, — коротко ответил Макс, всё ещё не поднимая глаз.

— Так это же здорово. И как она тебе, симпатичная? — улыбнувшись спросила мама, пытаясь разрядить обстановку.

— Мам, перестань. Девчонка как девчонка. Нормальная, — Макс чуть поморщился, будто сама мысль о том, что мама может подумать, что-то лишнее, была ему невыносима. — Завтра вместе в школу пойдём.

— Ну и отлично. Ты голоден? Пошли обедать.

— Можно я попозже? Что-то я устал после первого дня в новой школе, — съязвил мальчик.

Мама понимала, как ему сложно привыкнуть к новому месту жительства, и старалась не задевать его лишней раз, не давить вопросами, не требовать той радости, которой он пока не чувствовал. Она просто тихо вздохнула, чуть склонив голову, и сказала:

— Ну ладно, отдохни. Позже пообедаешь. Но и про уроки не забывай.

— Да, мам.

Мальчик схватил рюкзак и медленным шагом поднялся в свою комнату, будто каждая ступень лестницы тянула из него остатки и без того скудных сил. Дверь тихо скрипнула, впуская его в пространство, которое по-прежнему казалось не до конца своим: на столе всё ещё лежали коробки, не распакованные с переезда, на стене висела только одна полка, а на полу — свёрнутый ковёр, который мама обещала расстелить «вот-вот, уже на днях».

На кровати, поджав ноги и уютно устроившись на подушке Макса лежала Джесси и самозабвенно играла на его планшете. Её светлые косички смешно подпрыгивали при каждом резком движении, а на лице застыло то самое выражение полной сосредоточенности, какое бывает у детей, когда весь мир сжимается до размеров экрана. Она так увлечённо тыкала пальцем в игру, что даже не заметила, как Макс вошёл.

— Мам, я же просил не давать Джесси мой планшет! — в голосе Макса звучало раздражение, в котором, впрочем, было больше усталости, чем настоящей злости. Он провёл ладонью по лицу, словно пытаясь стереть с себя весь этот длинный день, и уставился на сестру, чувствуя, как внутри поднимается волна несправедливости: даже его личное пространство, пусть и временное, оказалось под угрозой.

— Я разрешила ей поиграть полчаса. Не сердись.

Макс только вздохнул, но спорить не стал. Вместо этого он повернулся к сестре: — А ну брысь с моей кровати, малявка! — прикрикнул он на Джесси. — Я же тебе не разрешал брать его.

— Мне мама разрешила, — упрямо повторила Джесси, не отрываясь от экрана, и в её голосе прозвучало то детское, непоколебимое чувство справедливости, когда «мама сказала можно» перевешивает все остальные аргументы.

— А я — нет! Иди мультики смотри, хватит уже.

— Мам, он выгоняет меня из комнаты.

— Оставь сестру в покое. Поиграет ещё 15 минут и вернет тебе твой планшет.

— У тебя пятнадцать минут! — буркнул он, стараясь говорить твёрдо, хотя внутри уже не было столько злости, сколько хотелось показать.

Девочка на секунду подняла на него глаза, а потом, не говоря ни слова, показала ему язык — этот привычный, дерзкий жест, который означал «я тебя не боюсь» и одновременно «ты всё равно меня любишь». Она схватила планшет и, спустившись с кровати, убежала к маме.

— Вот ведь козявка мелкая. Ну подожди, дождёшься ещё у меня, — буркнул себе под нос мальчик, но в этом ворчании не было настоящей злости — скорее привычная бравада, за которой пряталась усталость.

Макс сел за стол, который пока стоял у окна чуть криво, будто ещё не нашёл своего места в этой комнате. Он посмотрел в стекло, и взгляд его невольно скользнул вниз, во двор. Там, на лужайке, Лили играла со своей собакой. Девочка смеялась, бросая ей мячик, и её смех, пусть и не долетал до второго этажа, словно пробивался сквозь стекло, лёгкий и звонкий, как солнечный луч. Макс улыбнулся — тихо, почти незаметно, но эта улыбка была настоящей, не натянутой. Радость от того, что у него появилась подруга, на мгновение прогнала серость дня, как солнце разгоняет утренний туман.

Через какое-то время он вспомнил, что нужно делать уроки, а он ещё даже не обедал. Рюкзак так и валялся у двери, а тетрадки, которые он с такой старательностью раскладывал утром, теперь казались чужими и ненужными. Мальчик медленно спустился вниз, перешагивая через третью ступеньку, которая поскрипывала особенно громко, и уже на подходе к кухне почувствовал знакомый, родной запах.

На кухне стоял аромат его любимой свежеприготовленной жареной курочки — с хрустящей золотистой корочкой, пахнувшей чесноком и травами. Этот запах был из прежней жизни, из тех вечеров, когда после школы он вбегал домой, скидывал рюкзак и первым делом бежал на кухню, зная, что там его ждёт что-то тёплое и своё. Но сегодня даже он не мог разогнать тоску, поселившуюся в его сердце. Тоска была тяжёлой, вязкой, она оседала, где-то под рёбрами и мешала дышать полной грудью.

— Мам, я поем? — тихо спросил он, стоя в дверях и теребя край футболки, будто этот жест мог придать ему уверенности.

— Конечно, давно пора. Я сегодня специально для тебя приготовила твою любимую курочку с пюре. Садись за стол, — мама тут же повернулась к нему, и в её глазах было столько заботы, что у Макса на секунду защемило в груди. На столе уже стояла тарелка, рядом — стакан молока, а на краю — маленькая салфетка с вышитым цветочком, которую он помнил ещё с Сиэтла.

Мама, заметив его подавленное состояние — ту самую неловкую скованность, с которой он старался казаться взрослым и сильным, — тихо подошла и обняла его, крепко, но бережно, словно боялась сломать. В её объятиях он снова почувствовал себя маленьким мальчиком, которому не нужно ничего доказывать, не нужно быть смелым и стойким. Это было как кокон: тёплый, мягкий, защищающий от всех ветров и бурь, где нет места печали и разочарованию.

— Все будет хорошо, — прошептала она, глядя его по волосам. — Я знаю, как тебе сейчас тяжело. Но мы справимся, вместе.

Эти слова, простые и искренние, тронули его до глубины души. Он прижался к маме крепче, чувствуя, как слёзы подступают к глазам и щиплют веки, грозя вот-вот пролиться. Он так скучал по прежней жизни: по своему старому району, где каждый переулок был знаком, по двору, где они с друзьями до темноты гоняли мяч, по своей комнате, где на полке стояли фигурки, собранные годами, а на стене висела карта мира, вся утыканная булавками с мечтами о будущих путешествиях. Всё это теперь казалось далёким, почти нереальным сном. Но он знал: мама всегда будет рядом, поддержит и поможет пройти через любые трудности — даже если сам путь будет казаться бесконечным.

— Папа ещё не вернулся? — тоска звучала в каждом слове, и голос Макса чуть дрогнул, будто ему было стыдно показывать эту слабость, но он не смог её скрыть.

— Нет, солнышко, у папы теперь новый график, он заканчивает только в шесть вечера, и еще дорога... — мамин голос был полон сочувствия.

— Понятно... Спасибо за курочку, мам, — прошептал он, потерянный в своих мыслях.

— Не за что, дорогой. Приятного аппетита, — она улыбнулась, но в этой улыбке Макс заметил тень собственной усталости: на маминых плечах тоже лежала тяжесть переезда, только она старалась не показывать её, прятала за заботой и домашними делами. — Я пойду пока займусь разборкой вещей, а ты поешь и сразу за уроки, ладно?

— Хорошо, — тихо отозвался он, не поднимая глаз.

— И кстати, на выходные никаких планов. Надо столько всего разобрать и прибрать... Все эти коробки... я боюсь, что, если мы их не тронем, они пустят корни и станут частью интерьера.

— Ну мам... Я хотел погулять по городу, всё посмотреть, — грустно произнёс мальчик, и в его голосе прозвучала вся та надежда, которую он лелеял весь день: пройтись по незнакомым улицам, заглянуть в маленькие магазинчики, найти какой-нибудь уютный уголок, который однажды сможет назвать своим.

— Ничего, не последние выходные. Успеешь еще.

Мама ушла в гостиную разбирать коробки, а Макс остался один на кухне. Он смотрел на тарелку и понимал, что у него совсем нет аппетита. Задумчиво ковыряясь вилкой в пюре, он вспоминал, как хорошо было дома, за своим столом, на своём родном стуле, который скрипел, если на нём чуть-чуть покачаться. Только сейчас он понял, что самые счастливые дни остались там... Через полчаса он наконец-то опустошил тарелку — не потому, что хотел есть, а потому, что знал: маме будет приятно, если он хотя бы немного поест. Он аккуратно убрал тарелку в раковину, стараясь не шуметь, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, и на секунду замер, глядя на капли воды, стекающие по фарфору.

— Спасибо, мам. «Я к себе», — тихо сказал он, стоя в дверях и будто спрашивая разрешения уйти в свой маленький мир, где можно было просто выдохнуть и побыть наедине с собой.

— Хорошо, — отозвалась мама из гостиной.

Макс поднялся в свою комнату. Он сел за стол, положил перед собой учебник по алгебре и тяжело вздохнул. Страницы казались серыми и скучными, а формулы — непонятными заколючками, которые никак не желали складываться в стройную картину. В этот день ему очень не хотелось делать уроки. Мысли снова и снова ускользали от уравнений и возвращались к школе: к тому, как Лили подбадривающе ему улыбалась, к тихому голосу Стейси, терпеливо объяснявшей непонятное, к нелепым шуткам Дилана, от которых хотелось смеяться вопреки всему.

И тут его осенило: возможно, Лили есть в соцсетях. Эта мысль вспыхнула, как маленькая лампочка, прогоняя скуку. Он потянулся за планшетом, который уже успел остыть после стычки с Джесси, и открыл социальную сеть. Пальцы чуть подрагивали от нетерпения, пока он набирал имя и фамилию Лили. Она была почти в самом верху списка — будто сама судьба подталкивала его к этому шагу. Мальчик обрадовался, что нашёл её, и сразу нажал «Добавить в друзья». На секунду экран замер, будто растягивая момент ожидания, а потом выскочило тихое «Заявка отправлена». Макс откинулся на спинку стула, выдохнул и, сам того не замечая, расплылся в довольной ухмылке. Теперь можно было взяться за алгебру.

Он просидел за уроками почти два часа, время от времени потирая уставшие глаза и отхлёбывая остывший чай, который мама принесла ему наверх. Задачи не давались легко: где-то приходилось возвращаться к примерам в учебнике, где-то — переписывать решение заново, стирая ластиком кривые строчки. Но он не сдавался, упрямо выводил цифры и знаки, словно каждая решённая задача была маленьким шагом к тому, чтобы почувствовать себя хоть чуточку увереннее в этом новом мире. И когда последняя страница была заполнена аккурат-

ными вычислениями, он откинулся назад, чувствуя приятную усталость и тихую гордость: всё сделано.

Вдруг на планшет пришло уведомление — короткий, бодрый звук, от которого сердце подпрыгнуло, где-то в груди. Схватив устройство, он увидел: Лили приняла его заявку в друзья. Макс очень обрадовался. Экран будто стал ярче, а комната — чуть уютнее. Следом прилетело ещё одно уведомление — сообщение от Лили.

«Привет, сосед. Сделал уроки?»

Его лицо расплылось в счастливой улыбке, и он тут же начал набирать ответ, стараясь, чтобы буквы не прыгали от волнения.

«Привет, соседка. Да, а ты?»

«Давно уже, смотрю телек. А ты чем занимаешься?»

Максу стало немного стыдно писать, что он только что доделал уроки, будто это делало его каким-то не таким, слишком старательным или, наоборот, медлительным. Поэтому он написал то, что казалось более «нормальным», более похожим на обычную жизнь:

«Разбираю коробки. Несколько уже разобрал, осталось немного». Он покосился на большую стопку коробок у двери — они по-прежнему громоздились, как молчаливые свидетели переезда, и добавил: «Пара штук осталась».

«Ясно», — ответила Лили.

Мальчик очень хотел продолжения их диалога, но тишина после «Ясно» от Лили стала горьким разочарованием — словно кто-то выключил свет в комнате, где только что было уютно. Тяжкий вздох сорвался с его губ, и он, с поникшими плечами, принялся за унылую разборку вещей. Он достал из коробки стопку футболок, аккуратно сложил их, потом переложил пару книг, будто надеялся, что среди них найдётся что-то, что отвлечёт его от этой неловкой пустоты в переписке. Время тянулось мучительно медленно: каждая минута будто растягивалась, как резинка, не желая переходить в следующую. Вскоре его взгляд упал на часы — стрелки показывали почти семь вечера, а в комнате уже сгущались сумерки, и только тусклый свет настольной лампы выхватывал из темноты углы и коробки.

— Семья, я дома! — голос отца, полный теплоты, но с едва уловимой тенью усталости, наполнил дом.

— Урааа, папочка пришёл! — восторженный крик Джесси пронзил воздух, звонкий и чистый, как колокольчик. Она сорвалась с места и, не разбирая дороги, бросилась навстречу отцу. Её косички подпрыгивали при каждом шаге, а на лице сияла такая радость, будто это был не обычный вечер, а настоящий праздник. Отец, чуть наклонившись, с любовью подхватил её на руки, крепко прижал к себе, и на секунду замер, словно впитывая этот момент, чтобы сохранить его, где-то глубоко внутри, там, где живёт самое дорогое.

— Привет, папочка. Как прошёл твой день на работе? — её голос звучал нежно и заботливо, по-детски искренне, без всякой игры просто потому, что ей действительно было важно знать, как у него дела.

— Привет, милая. Всё отлично! — отец улыбнулся, и эта улыбка, хоть и была немного усталой, всё равно светилась теплом. — А как вы тут без меня? Что делали?

— Хорошо! Мы с мамой разбирали коробки, — радостно отчиталась Джесси, болтая ногами в воздухе и крепко обнимая папу за шею.

— Какие вы молодцы. Много разобрали?

— Очень много, штук пятьсот! — с гордостью заявила Джесси, широко распахнув глаза, будто сама верила в эту цифру.

— Неужели? — засмеялся папа. — У нас, наверное, столько и нет.

Затем подошла мама — в её движениях чувствовалась та самая тихая собранность, которая появляется, когда день был долгим, но ты всё равно рада его закончить вот так, рядом с близкими. А следом, чуть помедлив на верхней ступеньке, спустился Макс. Он старался дер-

жаться спокойно, не показывать, как сильно ему хотелось сейчас просто подойти и уткнуться отцу в плечо, как это делала Джесси. Но он уже считал себя слишком взрослым для таких порывов, поэтому просто остановился в дверях, слегка ссутулившись, и тихо произнёс:

— Привет, пап.

Отец тут же заметил его, чуть прищурился, будто пытаясь прочитать в лице сына всё, что тот не говорил вслух, и тепло кивнул:

— Привет, сынок. Как твой первый день? Рассказывай.

Макс хотел было сказать «нормально», привычно спрятать всё за одним словом, но в папином взгляде было столько искреннего интереса, что слова сами начали складываться в предложения — про алгебру, про Лили, про Стейси и Дилана, про то, как всё было странно и немного страшно, но как в этом странном дне всё-таки нашлось место чему-то хорошему.

Мама всех позвала за стол, ужинать. На столе дымилась тарелка с горячей запеканкой, рядом стояли миски с салатом, а в центре — хлебница с ломтиками свежего хлеба. Всё было простым, но таким нужным: запах еды, тихий разговор, стук вилок о тарелки, смех Джесси, которая рассказывала какую-то свою, только ей понятную историю, размахивая вилкой, как дирижёрской палочкой.

После ужина они долго общались в гостиной. Коробки по-прежнему громоздились по углам, напоминая о том, сколько всего ещё предстоит сделать, но сейчас они уже не казались такими пугающими. Папа раскладывал на полу план дома, чертил карандашом какие-то линии, предлагал, где лучше поставить книжный шкаф, а где — стол для рисования Джесси. Мама кивала, иногда вставляла свои замечания, а Макс сидел на диване, подтянув колени к груди, и слушал, как взрослые обсуждают будущее, будто уже видят этот дом не пустым и чужим, а своим — с расписанными полками, со смешными наклейками на холодильнике, с запахом кофе по утрам и тихими вечерами у окна.

И в какой-то момент Макс вдруг понял, что, возможно, этот вечер — один из тех, из которых и собирается настоящая жизнь. Не из больших побед и громких слов, а из вот таких минут: когда папа смеётся над выдумками Джесси, мама поправляет плед, а ты сидишь и чувствуешь, что ты дома — не просто в четырёх стенах, а там, где тебя ждут и любят. И даже если Лили пока ничего не пишет, даже если впереди ещё много коробок и незнакомых дней, у него есть это — его семья, его опора, его тихий островок, где можно выдохнуть и снова поверить, что всё будет хорошо.

— Ладно, уже поздно. Давайте собираться спать. Завтра всем рано вставать, — мама посмотрела на часы, было уже начало одиннадцатого.

Макс и Джесси поднялись в свою комнату, где их ждала уютная двухъярусная кровать. Девочка, как всегда, заняла нижний ярус — она обожала это место: там было теплее, уютнее, и можно было завернуться в одеяло так, что наружу торчал только нос. Она тут же устроилась поудобнее, подтащила к себе плюшевого зайца, которого не выпускала из рук с трёх лет, и тихонько засопела, будто весь день копила силы именно для этого момента — чтобы наконец закрыть глаза и уплыть в сон.

А Макс взобрался на верхний ярус. Лестница чуть поскрипывала под его весом, и этот звук почему-то показался ему особенно громким в наступившей тишине. Он улёгся на спину, чувствуя, как жёсткий матрас всё ещё не привык к его весу, и уставился в потолок, где плясали отсветы уличного фонаря — тонкие полоски света, которые скользили по голубой краске, словно живые. Мягкий свет ночника разлился по комнате, окутывая их теплом и спокойствием.

Джесси почти сразу уснула, её дыхание стало ровным и глубоким, а в комнате повисла та особенная ночная тишина, когда даже самые обычные звуки — тиканье часов, далёкий гудок машины, скрип старого дома — становятся громче и будто наполняются каким-то новым смыслом. А мальчик долго ворочался, переворачиваясь с боку на бок, натягивая одеяло то до подбородка, то сбрасывая его, потому что становилось то холодно, то невыносимо жарко.

Его мысли снова и снова возвращались к Лили, к её короткому сообщению и внезапному молчанию. Он снова прокручивал в голове их переписку, выискивая в словах какой-то скрытый смысл, гадая, не сказал ли он чего-то не того, не прозвучало ли его «разбираю коробки» глупо или слишком подетски. Он чувствовал себя немного отвергнутым, словно протянул руку, а её не приняли. Эта маленькая неудача болезненно отозвалась в его сердце, напомнив об одиночестве на новом месте — о том колющем, тяжёлом чувстве, когда ты стоишь посреди шумного коридора, а вокруг все разбились на привычные компании, и ты вдруг понимаешь, что ты здесь чужой.

Макс достал из-под подушки телефон, на секунду задержав дыхание, будто боялся увидеть то, чего нет. Экран мягко засветился, но новых уведомлений не было. Он ещё немного посидел, глядя на чёрную полосу экрана, потом тяжело вздохнул и убрал телефон обратно. В темноте комнаты этот тихий звук — его собственный вздох — показался ему особенно горьким.

Внезапно в дверь тихонько постучали. Это был папа. Он подошел к кровати и погладил Макса по голове.

— Как ты, сынок? Вижу, что тебя что-то беспокоит.

Мальчик почувствовал тепло отцовской руки и, не сдержавшись, рассказал обо всём: и о школе, и о Лили, и о тоске по прежней жизни. Слова лились торопливо, будто если он остановится, то снова всё спрячет глубоко внутри.

Папа слушал внимательно, не перебивая. Когда Макс закончил, он сказал:

— Я понимаю, сынок. Переезд – это всегда тяжело. Но помни, что мы рядом. И что впереди много всего хорошего. А Лили... может она просто занята. Дай ее время.

Слова отца успокоили мальчика. Он почувствовал себя не таким одиноким и вскоре заснул.

Глава 2

Шаг в неизвестность.

Следующим утром проснувшись от назойливого будильника, он резко выключил его, чтобы не разбудить Джесси и посмотрел вниз: на нижнем ярусе кровати она крепко спала, свернувшись клубочком и обнимая своего любимого зайца с наполовину оторванным ухом. Игрушка была совсем потрёпанной, но для Джесси она значила больше любых новых плюшевых зверей. Он улыбнулся краешком губ, глядя на сестру, и постарался как можно тише спуститься с кровати. Лестница снова чуть скрипнула под его весом, и он замер на секунду, прислушиваясь: Джесси не шевельнулась. Быстро одевшись в привычные джинсы и тёмно-синюю толстовку, он собрал рюкзак, проверяя, всё ли на месте: учебник по алгебре, тетрадь, пенал... Убедившись, что ничего не забыл, Макс тихонько прокрался из комнаты, прикрыв за собой дверь, чтобы сохранить этот хрупкий островок сна для сестры.

Мама и папа уже не спали. Папа собирался на работу, а мама готовила завтрак. Спускаясь по лестнице, он уловил запах, от которого сразу потеплело внутри: ммм, запах блинчиков стоял на весь дом, смешиваясь с ароматом свежесваренного кофе. Это был любимый завтрак всей семьи, и мама почему-то всегда готовила блинчики именно по пятницам — будто хотела сделать начало дня чуть уютнее, чуть радостнее, особенно в такие непростые времена.

— Доброе утро, милый, — улыбнулась мама, когда Макс вошёл на кухню. — Иди умывайся и садись за стол.

— Доброе утро, мам, пап, — тихо ответил мальчик, чувствуя, как в груди потихоньку тает утренняя скованность.

Папа уже сидел за столом, просматривая что-то в телефоне, но тут же поднял глаза и тепло кивнул:

— Доброе утро. Как спалось?

— Нормально, — Макс пожал плечами, сам не зная, как описать это странное чувство: вроде и спал, а вроде и нет, будто весь день вчерашний никак не хотел отпустить.

Он отправился в ванную. Умылся прохладной водой, которая окончательно прогнала остатки сна, почистил зубы, посмотрел на своё отражение в зеркале — и на секунду задержал взгляд, словно пытаясь разглядеть в нём что-то новое, то, что появилось за эти дни. Потом, выдохнув, пошёл на кухню.

Мама как раз сняла с плиты последний блинчик и поставила на стол большую тарелку со стопкой горячих, золотистых блинов. Рядом тут же появилась соусница со сгущённым молоком — густым, тягучим, с карамельным оттенком. Папа уже налил себе кофе, а маме поставил чашку травяного чая — она всегда пила его по утрам.

Макс сел за стол, чувствуя, как желудок отзывается на ароматы. Мама тут же положила ему на тарелку несколько блинчиков, щедро полив их сгущёнкой — ровно так, как он любил: чтобы сладость растекалась по каждому кусочку.

— Спасибо, мам. Я бы и сам справился, — улыбчиво произнёс Макс

— Ничего, дай я за тобой поухаживаю.

Папа доел свой завтрак и встал из-за стола. Он аккуратно убрал свою тарелку и кружку в раковину — делал он это всегда, не дожидаясь напоминаний, — а потом подошёл к маме, обнял ее и поцеловал. Мама расцвела в улыбке, словно осенний цветок, который вдруг поймал последний луч солнца: в этой улыбке было столько света, что она будто озарила всю кухню.

— Спасибо за завтрак. Все было великолепно. Впрочем, как и всегда — папа чуть склонил голову, глядя на неё с той самой тихой благодарностью, которую не нужно произносить громко — она и так слышна в каждом слове, в каждом жесте.

Он ушёл в прихожую собираться на работу. Мама вышла с ним, на ходу поправляя ему воротник рубашки, будто он всё ещё был тем самым мальчишкой, которого нужно было провозжать в школу. Макс доел блины — последний кусочек он ел медленно, смакуя, чтобы prolongировать это ощущение уюта. Потом убрал всё со стола: собрал тарелки, протёр столешницу тряпкой, прислушиваясь к привычным домашним звукам — тихому гулу холодильника, далёкому голосу мамы из прихожей, скрипу половиц. Он подошёл к окну, чувствуя, как в его душе разливается тепло от яркого солнца, заливающего улицу золотистым светом. Лучи скользили по крышам, играли на стёклах, подсвечивали опавшие листья, устилавшие тротуар.

Он посмотрел на дом Лили. Её папа как раз садился в машину. А рядом, не в силах усидеть на месте, бегал их пёс.

— Макс, я ушёл. Отличной тебе учёбы. До вечера, — голос папы прозвучал из прихожей, тёплый и уверенный.

— Спасибо, пап. И тебе хорошего дня. Увидимся, — Макс обернулся, успев поймать папин взгляд — тот самый, в котором читалось: «Я знаю, что тебе непросто, но ты справишься».

Мальчик глянул на часы — двадцать пять минут восьмого! Сердце ёкнуло от тревоги, а потом застучало быстрее, разгоняя по венам адреналин.

— Ох, черт, опаздываю!

Он быстро поднялся в комнату лихорадочно собираясь в школу. Схватил рюкзак и побежал в прихожую надевать кроссовки.

— Эй, ты чуть не снес меня, — с улыбкой сказала мама.

— Извини мам, время. Опаздываю. Мы же с Лили договорились, не хочу ее подводить. Да и одному идти скучно.

— Молодец. Не будем заставлять девочку долго ждать.

Мама поцеловала Макса, и он пулей вылетел из дома. Лили уже ждала его на тротуаре возле калитки, озаряя утро своей улыбкой. Её волосы были слегка растрёпаны ветром, а на плече висел рюкзак с яркими брелоками — каждый из них, казалось, хранил свою маленькую историю.

— Привет. Куда так торопишься? — усмехнулась девочка.

— Привет. Не охота было опаздывать, — Макс чуть запыхался, но постарался говорить спокойно, будто эта беготня была для него обычным делом.

— Мы же договорились, я бы все равно дождалась тебя.

— Спасибо. Идём?

— Идём! — Лили широко улыбнулась, подхватив рюкзак поудобнее.

Ребята медленно зашагали в сторону школы. Десять минут неспешной прогулки отделили их от школьного порога. Вдоль дороги стояли одноэтажные и двухэтажные жилые дома. А в конце улицы, уже перед самой школой стоял небольшой уютный киоск со свежей выпечкой. Его витрина, словно драгоценный сундучок, хранила внутри настоящее сокровище вкуса и аромата. Глаза ребят загорелись.

За стеклом выстроились в соблазнительном порядке аппетитные пончики, напоминающие маленькие солнышки, окутанные блестящей шоколадной глазурью. Разноцветная посыпка — яркие брызги радости — щедро покрывала их бока. Некоторые были украшены завитками из белого шоколада, другие — тонкими полосками молочного. Рядом с пончиками расположились круассаны — золотистые, пухлые, с соблазнительно выглядывающей изнутри начинкой. Шоколадная — темная, богатая, обещающая горьковато-сладкое наслаждение. Карамельная — мягкая, тягучая, с нежным, ванильным оттенком. Тонкие полоски белого и молочного шоколада, изысканно украшающие верхнюю часть, добавляли круассанам элегантности и особой привлекательности. Ребята, зачарованные этим вкусным зрелищем, застыли перед витриной. Воздух вокруг был пропитан тёплым ароматом свежей выпечки, смешанным с лёгкой ноткой

ванили и корицы, и этот запах будто обволакивал их, обещая минуту счастья. Сложно было оторвать взгляд от этого праздника сладостей, от этого волшебного сочетания ароматов и красок. Устоять перед соблазном купить что-нибудь из этого вкусного изобилия было практически невозможно. Это было настоящее искушение, которое мало кто смог бы преодолеть, особенно в такой день, когда впереди ждала школа, а сейчас хотелось просто позволить себе немного радости.

— Ты что будешь? — вежливо обратился мальчик к Лили, чуть наклонив голову и стараясь говорить так, будто выбор пончика — это самое важное решение в его жизни.

— Даже не знаю, мне всё нравится, — Лили закусила губу, склонившись к витрине, и её глаза бегали от одного лакомства к другому, словно она пыталась взглядом попробовать каждый круассан и каждый пончик. — А ты?

— Наверное, пончик, — замедленным тоном ответил Макс, будто сам прислушивался к себе, к тому, чего хочется прямо сейчас. Он на секунду задержал взгляд на пончике с завитками белого шоколада — тот выглядел так, будто его специально выставили вперёд, чтобы именно его и выбрали. — С этой белой штукой сверху.

— Тогда и я пончик, — Лили улыбнулась, будто это было не просто решение, а маленький знак согласия, знак того, что они заодно. — А в следующий раз можно взять круассаны. С карамельной начинкой. Они такие...

— Согласен, — Макс кивнул, и в этом кивке было больше, чем просто «да»: это было обещание, что следующий раз точно будет.

Ребята быстро оплатили покупку — мальчик чуть суетился, доставая из кармана смятую купюру, а девочка, заметив это, тихо шепнула: «Давай пополам», и они сложили деньги вместе, как будто даже эта мелочь должна была быть у них общей. Продавщица, пожилая женщина с добрыми глазами и в белом переднике, улыбнулась им, протянула два тёплых пончика, завернутых в пергаментную бумагу, пахнущую ванилью. Убрав пончики в рюкзак, они снова сорвались с места и побежали в школу. До звонка оставалось пять минут. Они быстро пробежали по коридору, где пахло мелом и старыми учебниками, мимо стендов с объявлениями, мимо расписания, где их класс был обведён красным маркером. И наконец, выдохнув, заняли свои места как раз в тот момент, когда прозвенел звонок — резкий, звонкий, будто подбадривающий: «Вы успели!».

На уроке информатики они шепотом общались с соседями по парте, но только иногда, пока учительница, высокая и строгая, с короткой стрижкой и очками на цепочке, отвлекалась на доску, выводя формулы и схемы, которые тут же казались Максиму сложными и запутанными.

— Слушай, — начала разговор Стейси, наклонившись к Максиму. — Мы с Диланом сегодня решили прогуляться после школы. Не долго. Хотите с нами?

— Я бы с радостью, но только маму надо предупредить, что я задержусь. И спросить Лили, пойдет ли она с нами.

— Ок, после урока договоримся все вместе.

Во время перемены ребята собрались в коридоре у окна, чтобы обсудить предстоящую прогулку. Макс и Лили позвонили родителям, чтобы попросить разрешения пойти погулять после уроков. Получив одобрение, они с нетерпением ожидали окончания занятий.

Время тянулось невероятно долго. Так сильно ребятам не терпелось отправиться гулять с новыми друзьями. На большой перемене они снова встретились, уже в школьной столовой. Нашли тихий уголок у окна, подальше от шумной очереди, и устроились за маленьким столиком, который слегка покачивался, если слишком сильно опереться на край. Они пили чай из бумажных стаканчиков — горячий, чуть терпкий, с лёгкой сладостью от сахара — и ели те самые пончики, которые утром купили у киоска...

Дилан рассказывал какую-то нелепую историю про своего кота, который ночью устроил в доме настоящий марафон, а Стейси закатывала глаза и смеялась, прикрывая рот ладонью,

будто боялась, что её смех разнесётся по всей столовой. Лили тихо хихикала, а Макс просто сидел и слушал, чувствуя, как внутри становится теплее: он был не посторонним, не тем самым новеньким, который всё время держится в стороне, а частью этой маленькой компании, где каждому есть место.

Наконец подошёл к концу последний урок. Учительница закрыла журнал, устало улыбнулась и сказала: «Ну всё, отдыхайте. И постарайтесь на выходных хоть немного забыть про учебники». Ребята в спешке начали собираться: щёлкали застёжки рюкзаков, шуршали тетрадями, кто-то ронял ручку и тут же наклонялся, чтобы поднять её, не теряя ни секунды. Макс проверил, на месте ли телефон, убедился, что куртка не осталась на вешалке, и бросил короткий взгляд на Лили — она уже стояла у двери, поправляя рюкзак, и в её глазах светилось то самое нетерпение, которое он чувствовал и сам.

— Ну все, идемте, — радостно позвала ребят Стейси.

— Идёмте! — с таким же настроением ответили Макс, Лили и Дилан.

— Где вы обычно гуляете? — полюбопытствовал Макс, с нескрываемым интересом.

— Да где хочется, — отозвался Дилан — Давайте прогуляемся вдоль нашей улицы, посмотрите, где мы живём.

— Отличная идея! — Макс кивнул, чувствуя, как внутри разгорается предвкушение: вот он, момент, когда новый район перестаёт быть просто картой в голове и становится настоящей дорогой, по которой можно идти, разговаривать, смеяться.

Они зашагали по тротуару, и улица действительно оказалась почти такой же, как та, где теперь жили Макс и Лили: аккуратные домики выстроились вдоль дороги, словно солдаты на параде, каждый со своим характером. Но один дом выбивался из этой гармонии, будто кто-то случайно поставил сюда деталь из другой мозаики. Он стоял чуть в стороне, чуть глубже, чем остальные, будто старался спрятаться в тени разросшихся деревьев. Краска на стенах облупилась, обнажая тёмные доски, окна казались пустыми и слепыми, а покосившееся крыльцо выглядело так, будто вот-вот рассыплется от первого же порыва ветра. Даже воздух рядом с ним казался гуще, тяжелее, будто время здесь текло медленнее.

— Ой, что это за старый дом? — с дрожью в голосе прошептала Лили, невольно придвинувшись ближе к Макс и обхватив себя руками, будто ей вдруг стало холодно.

— И правда, жуткий какой, — поддержал Макс, и его сердце сжалось от необъяснимого страха, холодного и колючего, как осколки льда. Он сам не понимал, откуда взялось это чувство: ведь днём, при свете солнца, бояться было нечего. Но что-то в этом доме цепляло взгляд и не отпускало, заставляя воображение рисовать мрачные картины.

— Здесь очень давно жила какая-то бабка, — Дилан понизил голос, будто боялся, что его услышит кто-то невидимый, и покосился на тёмные окна. — Говорят, она умела колдовать. Но она умерла, уже давно, а дом так и стоит. Никто не покупает, никто не ремонтирует — будто он сам не хочет, чтобы в него кто-то входил.

— Да, да и по слухам она даже детей воровала. Заманивала их сладостями и говорила, что у нее дома есть маленький котенок. Ребята соглашались, а потом их никто и никогда не видел. Но это только слухи! — попыталась развеять мрак Стейси, но ее смех прозвучал натянуто.

Лили нервно сглотнула и крепче прижала к себе рюкзак, словно он мог защитить её от старых сказок.

— А мне не смешно, аж мурашки пробежали. И как вам не страшно здесь ходить? — её голос дрогнул, и она невольно покосилась на дом, будто боялась, что из тёмного окна сейчас выглянет чья-то тень.

— Мы привыкли... Да и кого теперь бояться, здесь давно никто не живёт, — Дилан пожал плечами, но даже в этом небрежном жесте чувствовалось, что и ему не так уж спокойно.

— А почему его не снесут? Зачем он? Весь вид портит, — Лили нахмурилась, пытаясь спрятать страх за раздражением. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь сказал, что-то простое и разумное, что сразу бы развеяло эту жуткую атмосферу.

— Говорят у этой бабки есть внучка, и она против того, чтобы дом сносили.

— А эта внучка тоже колдунья? — с трепетом в голосе предположила Лили.

— Кто ж её знает, мы ни разу её не видели. Может, она в другом городе живёт, — бодро ответил Дилан, стараясь вернуть разговору лёгкость, и даже усмехнулся, хотя в этом смехе слышалось больше желания казаться смелым, чем настоящей уверенности.

— А давайте сходим туда? — предложила Стейси, и её глаза загорелись от любопытства — того самого, что заставляет лезть туда, куда лучше не соваться, просто чтобы доказать себе, что ты не трус. — Там, наверное, много всего интересного. Старые вещи, старые фотографии... Может, даже какая-нибудь книга заклинаний.

— С ума сошла?! — вспыхнула Лили, резко отступив на шаг и чуть не споткнувшись о выступающий камень в тротуаре. — Ни за что я туда не пойду. А если нас увидят? Всем влетит. Меня мама вообще из дома не выпустит, если узнает, что я к такому дому подошла.

— А мы вечером пойдём, когда темнее станет. И никто нас не заметит.

— Вот же ненормальная, — пробормотала Лили. — Если хотите, идите, а я пас!

— А что, интересно посмотреть, как живут колдуны, — неожиданно для самого себя произнёс Макс. Слова вырвались раньше, чем он успел их обдумать, но, к его удивлению, он вдруг понял, что действительно хочет это сделать. — Я за!

— Я тоже за! — поддержал Дилан, и в его голосе прозвучало то самое мальчишеское «а вдруг там правда, что-то есть», которое сильнее любого здравого смысла.

— Тогда идём? Давайте завтра? Как раз выходной, — Стейси уже мысленно составляла план: кто что возьмёт, где лучше подойти, чтобы не попасться на глаза соседям.

— Блин, завтра не могу, — растерялся Макс, и его решимость тут же рассыпалась, столкнувшись с чувством вины. — Я маме обещал, что помогу ей с уборкой. И вещи ещё не все разобрали. Там столько всего... Она одна столько не успеет.

— Вы что, с дуба рухнули? А если её внучка придёт и увидит вас в доме? — строгим тоном сказала Лили, и в её голосе прозвучало не просто недовольство, а настоящий, почти взрослый испуг — будто она одна видела все те опасности, которые остальным казались выдумкой.

— Не придёт, — упрямо ответил ей Дилан, слегка вздёрнув подбородок, как делают мальчишки, когда хотят показать, что они всё продумали. — Никогда её не видели, а тут вдруг появится. Это очень маловероятно. Макс, решайся, давайте сходим. Будет интересно. Представляешь, старые вещи, пыль, паутина... Как в кино!

Макс замер, разрываясь между двумя желаниями: с одной стороны, его тянуло к этому приключению, к возможности доказать себе, что он не трус, что может шагнуть туда, где страшно. С другой — он видел, как напряжена Лили, как в её глазах мелькает не просто обида, а настоящая тревога, и ему не хотелось, чтобы она чувствовала себя брошенной.

— Ладно, что-нибудь придумаю, — наконец тихо произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри всё дрожало от неопределённости. — А во сколько пойдём?

— Давайте в шесть, — предложила Стейси, и в её глазах снова вспыхнул тот самый огонёк азарта, который загорался каждый раз, когда впереди маячило хоть малейшее приключение. — Уже не так светло будет, но ещё не совсем темно. В самый раз.

— Давайте, — с энтузиазмом подхватил Дилан.

— А что ж не в десять вечера, чтобы вообще темно было? — обиженно добавила Лили.

— Я бы и в десять пошёл, но слишком поздно, родители точно не отпустят, — Дилан пожал плечами, будто это было единственным, что его останавливало, а не сама идея прогулки в темноте.

— Ну и идите. Пусть вас там эта ведьма в лягушек превратит, — с обидой выпалила Лили.

— Да перестань, нет там никого, сто лет уже, — попытался успокоить ее Макс.

— И вообще, я домой пошла, мне ещё уроки делать. И вам тоже, если что! — она бросила это через плечо, уже не столько для них, сколько для себя — чтобы напомнить, что есть нормальная, понятная жизнь, где не нужно лезть в заброшенные дома и бояться ведьм.

— Ладно, давайте по домам, — тихо согласилась Стейси, и её азарт вдруг сдулся, как проколотый шарик, оставив после себя только лёгкую неловкость. — А завтра встречаемся здесь в шесть вечера, — добавила она с надеждой, будто верила, что к завтрашнему дню всё как-нибудь само собой наладится, и Лили тоже придёт. — Договорились?

Согласились все, кроме Лили. Она промолчала. Её молчание было не просто тишиной — оно звенело, как туго натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть. По дороге домой Лили не произнесла ни слова. Она шла чуть впереди, опустив голову, и капюшон её куртки почти полностью скрывал лицо, оставляя видимым только упрямый профиль и тонкую линию сжатых губ.

— Ты чего обиделась?

Но Лили молчала до самого дома. И только когда они пришли, она процедила сквозь зубы, не поднимая глаз:

— Пока!

— Пока, — грустно ответил мальчик, глядя, как она быстро скрывается за калиткой, как щёлкает защёлка, отрезая её от него и от всего этого разговора.

Дома Макс быстро поужинал — почти не чувствуя вкуса маминой запеканки, которую обычно обожал. Он ушёл к себе в комнату, сел за стол, раскрыл тетрадь по математике, но строчки сливались в одну серую полосу, а формулы казались бессмысленными закорючками. Навязчивая мысль об их затее никак не покидала его разум, кружилась, где-то на границе сознания, то затихая, то снова набирая силу.

«А может, зря я согласился?» — промелькнуло в его голове, и эта мысль была не просто сомнением, а тяжёлым, холодным камешком, который тянул вниз. — «Вдруг и правда, что-то пойдёт не так. Вдруг мы сделаем что-то, о чём потом будем жалеть. Вдруг Лили из-за этого ещё больше на меня обидится...»

Но тут же, словно в противовес, поднимался другой голос — тот самый, что шептал: «А вдруг это будет самое настоящее приключение. То, о котором потом будут вспоминать. То, что поможет почувствовать себя своим». Сильнейший интерес брал верх над его мыслями, сплетаясь с предвкушением и страхом в тугой узел, где-то под рёбрами.

Внезапно раздался звук уведомления на планшете, а затем и на телефоне. Макс вздрогнул от неожиданности и стремительно схватил мобильник, пальцы чуть дрогнули, пока он разблокировал экран. Это было сообщение от Лили: «Ты ещё не передумал? Если нет, то я с вами».

Макс замер на секунду, вглядываясь в эти буквы, будто они были не просто текстом, а чем-то гораздо большим. Потом его губы сами собой растянулись в широкой, искренней улыбке, и плечи, которые весь вечер были напряжены, будто стянуты невидимой верёвкой, наконец расслабились.

Он очень обрадовался, что она согласилась. Ведь с ней он чувствовал себя спокойнее и увереннее.

— Нет, не передумал! — ответил на сообщение Макс. — И я очень рад, что ты с нами. Не бойся, все будет хорошо, я буду рядом.

Он не сказал Лили, что ему самому очень страшно. Он же мужчина, и не должен показывать девочке свой страх — так ему казалось, так он привык думать. Но страх всё равно сидел, где-то в груди, холодный и колющий, как льдинка, которую никак не удаётся растопить. В ответ на его сообщение Лили прислала сияющий смайлик — точно луч солнца, пробившийся сквозь тяжёлые, серые тучи. И этот маленький жёлтый кружок с улыбкой вдруг сделал всё чуть

светлее, чуть проще. Ребята помирились — не громкими словами, не объятиями, а вот этим коротким, но таким нужным знаком: «Я тебя слышу. Я с тобой». В голове крутились десятки фраз, которыми можно было бы уговорить маму: «Мам, мы просто погуляем...», «Мы будем недалеко...», «Со мной будут Стейси и Дилан, они тут давно живут, они всё знают...». Он представлял, как мама нахмурится, как посмотрит на него тем самым взглядом, в котором читается: «Ты же понимаешь, что это опасно?», и как ему придётся подбирать слова, чтобы развеять её тревогу, не выдав при этом всей правды. А правда была в том, что они собирались не просто погулять, а пойти в тот самый дом, о котором ходили жуткие слухи. И от этого слова в голове путались, становились неуклюжими, и Макс снова и снова прокручивал в голове разные варианты, пока усталость наконец не взяла верх.

Субботним утром будильник не прозвенел. На выходные Макс его отключал — ему нравилось просыпаться не по сигналу, а когда тело само скажет: «Хватит». Но в этот раз его разбудила мама. Она тихонько приоткрыла дверь, заглянула в комнату, улыбнулась, увидев, что Макс ещё спит, а потом подошла к кровати и мягко коснулась его плеча.

— Мальчишки и девчонки, пора вставать! Завтрак готов. Умываемся и спускаемся вниз. Мы с папой ждём вас. У нас сегодня очень насыщенный день! — звонко проговорила мама, и её голос был таким бодрым, таким полным предвкушения, что даже сон, который ещё цеплялся за Макса, тут же рассыпался на мелкие кусочки.

Джесси, полная энергии и озорства, настойчиво принялась тормошить брата, колотя маленькими ножками по его кровати и одновременно дёргая за край одеяла

— Ма-а-а-акс, вставай же! — протяжно говорила Джесси, и её голос, звонкий и нетерпеливый, пробивался сквозь остатки сонной дымки, в которой ещё плавал Макс.

— Отстань, дай поспать, выходной же, — пробурчал мальчик, пытаясь удержать остатки сна, натянув одеяло до самого носа и уткнувшись лицом в подушку, которая ещё хранила тепло ночи. Ему так хотелось просто лежать, ни о чём не думать, не вспоминать ни про старый дом, ни про то, как он будет уговаривать маму отпустить его на прогулку.

— Если ты сейчас не встанешь, мама придёт, и тогда тебе точно не поздоровится.

— Ладно, ладно, встаю, — сонным голосом пробормотал Макс, окончательно сдаваясь под натиском сестрички. — Ты же не отстанешь!

— Конечно, не отстану! — весело прощбетала Джесси, и её смех зазвенел, как колокольчик, наполняя комнату радостью и предвкушением.

Макс, хоть и сонный, не мог не поддаться заразительному энтузиазму сестры. В её голосе звучала такая искренняя радость, такая неподдельная любовь к приключениям, что сопротивляться было просто невозможно. Он знал, что день, начатый с Джесси, обречён на яркие краски и незабываемые впечатления — даже если эти впечатления будут самыми обычными: завтрак, прогулка, болтовня ни о чём.

Медленно выбираясь из-под одеяла, мальчик почувствовал, как в его сердце просыпается ответное чувство. Он зевнул, потянулся, и скрип старой кровати прозвучал как финальный аккорд его короткого царства сна.

Поднявшись с постели, дети поспешили одеться. Джесси, не теряя ни секунды, кружилась по комнате, пытаясь одновременно влезть в платье и рассказать брату какую-то запутанную историю про своего плюшевого зайца, который «чуть не упал с кровати, представляешь?», и продолжая веселиться, наперегонки побежали в ванную комнату умываться. Затем, словно вихрь, они помчались вниз по старой, скрипучей лестнице. Каждая ступенька отзывалась своим особенным звуком: одна протяжно стонала, другая пощёлкивала, третья вздыхала, будто дом тоже просыпался и ворчал на их шум. На кухне их встретил дразнящий аромат жареных яиц с беконом, смешанный с запахом манной каши — густой, сливочной, с тонким ванильным оттенком.

— С добрым утром сони! — воскликнула мама.

— Фууу, каша. Мам, а ничего другого нет? — с надеждой в голосе спросил Макс, присаживаясь на стул и стараясь выглядеть как можно более несчастным, хотя в глубине души уже предвкушал горячую яичницу.

— Каша для Джесси. А для тебя яичница с беконом, — бодро ответила мама, ловко переворачивая ломтики бекона, которые тут же издавали аппетитное шипение.

— А доброе утро вас говорить не учили? — с ласковой улыбкой заметил папа, сидя за столом с газетой и чашкой кофе. В его голосе не было строгости — только тёплое ожидание, которое всегда заставляло детей улыбаться в ответ.

— Доброе утро, пап, мам, — сонно пробормотал мальчик, потирая глаза и чувствуя, как запах еды окончательно прогоняет остатки дремоты. — Яйца с беконом намного лучше, чем каша. А каша — это для малышей, — с ухмылкой сказал Макс, подмигнув Джесси.

— Мам, скажи ему. Что он дразнится? — с обидой воскликнула девочка, надув щёки.

— Макс, а ну прекрати, — с нежной улыбкой сказала мама, подходя к столу и ставя перед Джесси тарелку с дымящейся кашей, украшенной сверху крошечным кусочком сливочного масла, который тут же начал таять, растекаясь золотистыми лужицами. — Ты ведь тоже, когда-то обожал манную кашу.

— Это ложь, я никогда не любил манную кашу, — упрямо буркнул Макс.

Девочка залилась звонким смехом и показала брату язык — быстро, озорно, а потом тут же уткнулась носом в кашу.

— Джесс, так нельзя делать, — строго, но с любовью сказал папа, чуть приподняв бровь, а в уголках глаз уже пряталась улыбка — он и сердиться-то на неё толком не умел. — Показывать язык некультурно. Тем более ты за столом — юная леди.

— Хорошо, папочка. Извини. Я больше так не буду! — весело ответила девочка, тут же соорудив самое невинное лицо, какое только могла: глаза распахнуты, ресницы хлопают, будто она и не думала никого дразнить.

— Мам, пап, можно я сегодня схожу к другу? — Макс выпалил это быстро, будто боялся, что если потянет с вопросом, то слова застрянут в горле. — Нам задали задание по физике — одно на двоих. Ну, так всей группе задали. А я по максимуму вам сегодня помогу, а вечером сбегая, и мы быстренько сделаем задание. Не хочется в начале года получить двойку.

Папа с мамой обменялись взглядами, полными любви и понимания.

— А может твой друг придет к нам?

Макс замялся, прежде чем ответить, но все же выдал из себя:

— Мам, я не хотел тебе говорить... Ну, в общем, понимаешь, мне стыдно приглашать друзей в наш дом, — он опустил голову, и голос его стал тихим, почти неслышным, будто каждое слово давалось ему с трудом. — Понимаешь, у всех моих друзей новые, красивые дома, а у нас... Ну сама понимаешь...

В комнате на секунду повисла тишина, нарушаемая только тихим звяканьем ложки о чашку и далёким криком вороны за окном.

— Почему же? — с изумлением поинтересовалась мама, и в её голосе не было упрёка, только искреннее непонимание.

Папа с мамой снова переглянулись. Папа чуть кивнул маме головой, словно говоря: «Дай ему это пережить, дай ему понять, что мы всё понимаем».

— Ладно, только не задерживайся. Как только закончите с уроками, сразу домой. Я буду переживать, — мама наконец произнесла эти слова, и в них было столько нежности, столько доверия, что у Макса на секунду зашипило в глазах.

— Хорошо, спасибо вам огромное! — радостно воскликнул Макс и, не сдержавшись, крепко обнял родителей.

— Ну всё, подкрепились — и за дело! — решительно объявила мама, отряхивая руки, будто сбрасывая с них остатки утренней расслабленности и возвращаясь к привычным заботам.

— Макс, дорогой, отправляйся к себе и разбери, наконец, все эти коробки. А мы с папой займёмся двором. Нужно выбросить всё лишнее, чтобы было место для чего-то нового.

— А что я буду делать? — робко спросила Джесси, и в её глазах вспыхнула надежда, смешанная с лёгким опасением: вдруг ей поручат что-то совсем скучное.

— А ты наша принцесса, будешь нашей главной помощницей. Будешь помогать нам с мамой относить ненужные вещи к мусорному контейнеру, — ласково ответил папа, наклонившись к ней и легонько щёлкнув её по носу, как он делал всегда, когда хотел её подбодрить.

— Ну это же совсем не женское дело, — пробурчала девочка, скривившись от разочарования так забавно, что мама с папой не выдержали и засмеялись, глядя на её обиженно надутые губки и сердито поджатые плечи.

— Женское, женское, — улыбнулась мама, притянув Джесси к себе и поцеловав в макушку. — Ты будешь не просто носить, ты будешь нашим главным контролёром: скажешь, что точно надо выбросить, а что ещё пригодится. У тебя самый лучший взгляд на такие вещи.

Джесси на секунду задумалась, будто взвешивая это новое звание, потом гордо расправила плечи и кивнула.

— Отлично! Никто не помешает мне спокойно обустроить свою комнату, — ликовал Макс, предвкушая свободу. В его голове уже складывался идеальный порядок: учебники — на полку, любимые комиксы — рядом, а на тумбочку он поставит маленькую фигурку робота, которую мама вчера нашла в коробке и с улыбкой протянула ему: «Кажется, это твой старый друг».

Мама быстро убрала со стола, и все разошлись по своим новым обязанностям. Едва переступив порог комнаты, Макс быстро схватил телефон. Пальцы забегали по экрану, выводя сообщение Лили: «Планы на вечер в силе. Мама дала добро!» Он на секунду задержал дыхание, будто от её ответа зависело что-то очень важное, и почти сразу телефон тихо звякнул.

— Замечательно! — моментально пришел ответ от Лили. — Во сколько встречаемся?

Макс глянул на часы, прикинул, сколько уйдёт времени на дорогу, сколько придётся ещё помочь маме, и быстро напечатал:

«Думаю, можно в семнадцать сорок. К восемнадцати будем на месте.»

«Ок, договорились», — пришло в ответ, и под этими словами будто повисло тихое «я рада, что мы идём вместе».

Макс положил телефон на тумбочку, но не убрал далеко — так, чтобы видеть краешек экрана, если вдруг придёт ещё одно сообщение. Потом глубоко вдохнул, оглядел комнату, которая понемногу становилась похожей на его личное пространство, и почувствовал, как предвкушение смешивается с лёгкой тревогой: впереди был вечер, полный неизвестности, но теперь он точно знал — он не пойдёт туда один.

Он включил музыку на компьютере — тихий, ритмичный бит, который не заглушал мысли, а будто помогал их упорядочить. С головой окунулся в разбор коробок: тянул за картонные клапаны, будто срывал старые слои прежней жизни, и доставал вещи одну за другой. Новые стены казались пустыми и чужими — голые, с едва заметными следами от креплений, они будто ещё не успели привыкнуть к нему, как и он к ним. Но мысль о предстоящей встрече с Лили наполняла сердце теплом и надеждой, согревая лучше любого пледа.

Он перебирал вещи, откладывая памятные мелочи: потёртый брелок, который, когда-то выиграл на школьной ярмарке, старую фотографию с друзьями, чей смех теперь звучал в памяти чуть приглушённо, словно доносился сквозь толстое стекло. Каждая такая деталь отзывалась в груди лёгкой, но острой тоской — будто он одновременно цеплялся за прошлое и потихоньку отпускал его. Макс гнал грустные мысли, прятал их за привычной суетой, а сам всё время ловил себя на том, что поглядывает на часы: стрелки ползли невыносимо медленно. Предвкушение встречи с новыми друзьями помогало дышать ровнее.

Во дворе Джесси, несмотря на протесты, усердно помогала родителям. В ее маленьких ручках старые вещи казались особенно ненужными и печальными.

Вечер приближался, солнце клонилось к закату, окрашивая небо в нежные розовые тона. Макс, закончив с коробками, с нетерпением ждал встречи с друзьями.

Сердце забилось чаще, когда долгожданный час пробил. Стрелки часов возвестили – пора! Макс прихватил с собой рюкзак и учебник физики для правдоподобия его выдуманной истории. Чтобы не вызвать у мамы ни малейшего подозрения.

— Мам, пап, я убежал! — выкрикнул мальчик, стараясь скрыть дрожь в голосе, и рванул к двери.

— Хорошо, только не задерживайся, милый, — прозвучал в ответ нежный голос мамы, полный заботы и любви.

Макс довольный выбежал из дома, но Лили нигде не было видно. Он с тревогой набрал ее номер, и она попросила подождать ее у ворот дома. Макс подошёл к воротам, и тут раздался звонкий лай – это была собака Лили. Вскоре появилась и сама девочка, ее глаза сияли предвкушением.

— Вулкан, замолчи! — прикрикнула на собаку, но в её голосе не было настоящей строгости — скорее привычная усталость от бесконечной энергии пса. Она наклонилась, схватила его за ошейник и притянула к себе, чтобы он хоть на секунду замер.

— Вулкан? — удивлённо спросил Макс, чуть приподняв брови. — Почему Вулкан?

— Да потому что активный, как Вулкан, — Лили рассмеялась, и этот смех прогнал последние остатки неловкости. — Покоя от него не дождёшься, ему всегда хочется играть, бегать, лаять, копать... В общем, сплошной вулкан эмоций. Не бойся, он душка, просто чужих поначалу не жалуется. Подожди ещё, и к тебе привыкнет, — заверила девочка с тёплой улыбкой и почесала пса за ухом. Тот тут же ткнулся носом ей в ладонь, будто хотел сказать: «Ну ладно, я буду хорошим... хотя бы пять минут».

— Я тоже хочу собаку, но родители пока против, — тихо вздохнул Макс. — Говорят, им некогда за ней ухаживать.

— Да, Вулкан требует много внимания. Он еще молоденький и поэтому такой активный.

— Ладно, нам пора! — проговорил Макс, чувствуя, как тревога сковывает сердце тугим узлом. Слова прозвучали твёрже, чем он себя ощущал: ему хотелось, чтобы Лили услышала в них уверенность, которой самому отчаянно не хватало.

— Раз уж решили, идем! — с трепетом в голосе прошептала Лили.

Через десять минут ребята были на месте. Воздух уже не был таким свежим, как утром: он стал гуще, тяжелее, будто впитал в себя напряжение, которое витало между ними. Стейси и Дилан уже ждали их в назначенном месте, возле того самого дома.

— Может, передумаем? — взмолилась Лили, её голос был полон отчаяния и дрожал — Ну правда... Давайте просто пойдём в парк. Или на площадку. Куда угодно, только не сюда.

— Ну уж нет! — отрезал Дилан, его глаза горели азартом. Раз уж решили, назад дороги нет.

— Дорога назад есть всегда, — прошептала девочка, почти неслышно, надеясь на чудо.

Макс тихонько подтолкнул её локтем — не сильно, просто чтобы напомнить, что он рядом. Потом, не раздумывая, взял Лили за руку, он сжал её чуть крепче, стараясь передать хоть немного своей уверенности, даже если она была наполовину придуманной.

— Перестань, мы уже на месте, — тихо, но твёрдо ответил мальчик, глядя ей прямо в глаза, чтобы она видела: он не собирается бросать её ни при каких обстоятельствах. — Будет интересно. Честно. И если вдруг станет совсем жутко — сразу уходим. Обещаю.

Девочка почувствовала, как холодный пот покрывает её ладони, и каждый нерв в её теле кричал о необходимости бежать, бежать без оглядки, как можно дальше от этого мрачного места, от покосившегося крыльца, от окон, похожих на пустые глазницы. Но рука Макса была

тёплой и настоящей, и эта теплота, пробиваясь сквозь страх, удерживала её на месте, не давала сорваться и броситься прочь.

Стейси и Дилан, казалось, не замечали ее страха. Они были поглощены волнением и предвкушением, их глаза блестели нездоровым блеском. Лили не понимала, что они надеются найти в этом проклятом доме, для неё он был не приключением, а воплощением всех детских кошмаров, где за каждым углом прячется беда.

Ребята дружно посмотрели в сторону заброшенного дома. По их телам пробежали мурашки, но никто не подал виду — каждый старался казаться смелее, чем был на самом деле.

Когда-то белоснежный фасад теперь зиял грязными серыми пятнами — печатью времени и запустения. Краска облупилась лохмотьями, обнажая потемневшие доски, а крыша местами просела, будто устала держать на себе тяжесть лет. Ставни окон угрожающе повисли на проржавевших петлях, издавая жалобный скрип при каждом порыве ветра.

Входная дверь была не заперта, а лишь слегка прикрыта, словно кто-то совсем недавно выходил и вот-вот должен был вернуться. Эта полуоткрытая створка пугала даже больше, чем запертая: в ней чувствовалась зловещая небрежность, будто строение не скрывало своих тайн, а, наоборот, манило заглянуть внутрь, чтобы потом уже никогда не забыть увиденного.

Буйная растительность, словно живой забор, окружила здание, преграждая путь. Сорняки и крапива вымахали почти в человеческий рост, цепляясь за одежду, будто пытались удержать непрошенных гостей. Среди травы и кустов виднелись обломки бывшего уюта: старые разбитые вазы, осколки которых поблёскивали в тусклом свете, словно застывшие слёзы; куклы с оторванными руками и ногами, чьи пустые глаза будто следили за каждым движением ребят; сломанные стулья, чьи ножки торчали под неестественными углами, напоминая кости давно забытых существ; и даже спинка дивана, частично перекрывавшая вход на крыльцо, будто нарочно загораживала путь, предупреждая: «Не ходи дальше».

— Жуть какая, — прошептала Лили, дрожа всем телом. Её голос прозвучал так тихо, что почти утонул в шелесте листвы и скрипе ставен, но в этой тишине он прозвучал особенно отчётливо. — Пожалуйста, давайте вернёмся, мне очень страшно!

Ребята бросили на неё суровые взгляды — не злые, а скорее упрямые, полные решимости не отступать, когда цель уже так близко. В их глазах читалось: «Мы зашли так далеко, нельзя поворачивать назад».

— Не будь трусихой, Лили, — пробурчал Дилан, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Это просто старый дом. Ничего больше! Ну все, заходим! — решительно объявил он, первым устремившись вперед.

Остальные, объединённые общим трепетом, последовали за ним. Каждый шаг к дому казался вечностью. Земля под ногами хрустела, словно кости, напоминая о чём-то забытом, похороненном в глубине этого места. Внутри нарастало ощущение неминуемой беды, будто тёмная сила тянула их в свою бездну, обещая, что назад дороги уже не будет. Прорываясь сквозь колючие ветви, которые цеплялись за куртки и волосы, они наконец достигли крыльца.

Сердце Лили замерло в груди, а потом забилося так быстро и громко, что, казалось, его слышат все. Она чувствовала, как внутри неё разгорается панический ужас — жаркий, обжигающий, лишаящий способности думать. Этот дом, казалось, дышал злобой, впитывая в себя все страхи, превращая их в реальность. Тени в пустых окнах шевелились, хотя никакого ветра не было, а покосившиеся доски крыльца будто стонали от каждого движения воздуха.

Несколько мгновений, скованные невидимым страхом, они замерли, не решаясь ступить на покосившуюся лестницу. Стейси, собравшись с духом, сделала первый шаг. Пронзительный скрип старых досок эхом разнесся в тишине, заставив их в ужасе отпрянуть. Дыхание сперло, каждый звук казался предательством. Стейси, преодолевая дрожь, продолжила подъем, за ней, сдерживая волнение, двинулся Дилан, а следом, связанные одной нитью страха, Лили и Макс. Вдруг под ногами мальчика что-то хрустнуло.

— Блин, кажется, я кого-то раздавил, — шёпотом произнёс Макс, и в его голосе слышался не столько испуг, сколько облегчение от того, что можно наконец, что-то сказать, нарушить эту давящую тишину.

Ребята посмотрели ему под ноги.

— Поздравляю, ты раздавил деревянную палку, — так же шёпотом ответил Дилан, и в его тоне прозвучала едва заметная насмешка над их общим страхом.

Девочки невольно прыснули от смеха, но тут же замолчали, подавленные общим чувством тревоги. Любой звук казался кошунством. Наконец, они добрались до двери, за которой таилась неизведанность.

Лили, чувствуя, как подкашиваются ноги, крепче сжала руку Макса, ища в его прикосновении хоть каплю утешения. Её пальцы были ледяными, но хватка — отчаянной, будто если она его отпустит, то тут же растворится в этой сгустившейся тьме. Сердце бешено колотилось, отстукивая ритм первобытного страха.

— Ну, кто первый? — сглотнув ком в горле, спросил Дилан. — Кто тут самый смелый?

— Ты! — хором ответили Макс и Лили, их голоса дрожали от предвкушения и страха.

— Лаадно, — протянул мальчик, и его уверенность, казавшаяся такой твёрдой ещё минуту назад, слегка пошатнулась под напором всеобщего внимания. Он нервно поправил рукав куртки, будто хотел спрятаться в ней, как черепаха в панцирь, и сделал полшага вперёд, а потом снова замер.

— А кто-нибудь взял с собой фонарик? — шепотом спросила Лили.

— Нет, — ответил ей Макс. — Но у каждого из нас есть телефон, а значит, встроенный фонарик.

— Точно! — облегченно выдохнула девочка, почувствовав, как страх немного отступает.

Дилан попытался открыть дверь. Та застряла, будто не хотела пускать их внутрь, и подавалась только рывками, открываясь с жутким, пронзительным скрипом — таким, что казалось, будто дом кричит, протестуя против вторжения. Звук резал уши, вибрировал в костях, заставлял сжиматься от ужаса. Девочки, не в силах вынести этот скрежет, судорожно закрыли уши руками.

— Ты чего, хочешь, чтобы нас весь район услышал? — прошептала Стейси, в ее голосе звучала явная тревога.

— Открывай сама, раз такая умная, — прорычал Дилан, и в его словах сквозило раздражение, смешанное с собственным страхом, который он никак не мог укротить. — Это же твоя идея была — притащить нас сюда. Вот давай, рули процессом.

Стейси почувствовала укол обиды, и ее губы сжались в тонкую линию. Дилан, осознав свою резкость, тут же пожалел о сказанном. Он бросил на Стейси короткий виноватый взгляд, но ничего не сказал — просто стиснул зубы и снова потянул дверь, стараясь делать это как можно тише, сантиметр за сантиметром, будто уговаривая её не скрипеть. Наконец дверь поддалась, со стоном распахнувшись и открыв вид на заброшенную прихожую. Мрак окутал их, лишь слабый свет уличного фонаря проникал сквозь окна, едва освещая пространство.

Прямо перед ними возвышалась лестница, уходящая в темноту второго этажа. Слева виднелся вход в кухню, а справа — в гостиную.

— Может включим фонарики? — прошептала Лили, ее голос дрожал от страха.

— Не надо, зачем привлекать лишнее внимание? — ответила Стейси.

— Какой тогда смысл ползать в темноте, мы все равно ничего не увидим? — поддержал Лили Макс.

— Согласен. Включаем фонарики! — вдогонку ответил Дилан.

В дрожащих руках вспыхнули фонарики, освещая удручающую картину. Пол был усеян обломками прошлого: осколки стекла, разбитая утварь, искореженные куски мебели, даже вырванные с петель двери. Каждая попытка ступить осторожно была обречена на провал.

Звуки разрухи преследовали их: каждый шаг отдавался то скрипом, то треском. Водянистый луч фонарика выхватывал из полумрака детали старого заброшенного дома. Пыль, висевшая в неподвижном воздухе, словно живая, подсвечивалась и кружилась в лучах света, оседая на расстегнутых куртках ребят. Запах затхлости и сырости, смешанный с едва уловимым ароматом плесени и гниющей древесины, вызывали тошнотворное чувство потери и безысходности.

— Давайте разделимся, — предложил Дилан. — Я и Стейси пойдем наверх, а вы осмотритесь на первом этаже.

— Так себе идея! — сомнительно шепнула Лили.

— Да, давайте! — поддержал Дилана Макс. — Так будет быстрее.

Стейси и Дилан пошли наверх, а Макс с Лили направились в гостиную.

Лили проводила взглядом уходящие фигуры, ее сердце сжалось от дурного предчувствия. Она чувствовала, как зловещая тишина дома давит на нее, будто тяжелое одеяло. Страх холодной волной разливался по телу, сковывая движения и мысли.

— Ох, лучше бы нам держаться вместе, — прошептала девочка, больше себе, чем Макс, и её голос дрогнул, потерявшись в гулкой тишине дома.

Огромная гостиная встречала пятью узкими окнами, печально увешанными обрывками штор, танцующими в холодном сквозняке. Пол, когда-то, возможно, покрытый паркетом, теперь представлял собой мозаику из прогнивших досок, обломков фанеры и слоя спрессованной пыли, под которой скрывалось неизвестно что. Наступить на целую доску было настоящим везением — чаще всего нога проваливалась в пустоту, сопровождая это событие неприятным хрустом. Огромная люстра, когда-то, вероятно, сверкавшая хрусталем, висела, опасно накренившись, грозя в любой момент рухнуть вниз. Ее кристаллы, покрытые паутиной и слоем пыли, потускнели, утратив былой блеск. На стенах висели оторванные обои, местами отслаивающиеся огромными пластами, показывая под собой обнаженный кирпич, пропитанный влагой и покрытый мхом. Макс и Лили осторожно пробирались сквозь лабиринт мебели и хлама. Каждый их шаг сопровождался скрипом, треском, шуршанием и едва слышным хрустом под ногами. Создавалось впечатление, что дом сам сопротивляется вторжению, стараясь удержать в себе тайны прошлого.

— Что вообще мы здесь ищем? — с опаской произнесла Лили, оглядываясь по сторонам, будто ожидая, что из темноты вот-вот выглянет что-то недоброе. — Если тут что-то и было, то уже давно всё растащили.

— Я и сам не знаю, — тихо признался Макс, на секунду опустив глаза, будто стыдясь своей собственной затеи. — Просто хотел лучше узнать ребят. Чтобы мы стали настоящей командой, а не просто компанией, которая ходит вместе в школу.

— Серьезно? Другого способа не нашлось?

— Ты же знаешь, приключения сближают, — Макс попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой, неуверенной.

— Тоже мне, нашёл приключения.

— Эй, ребята, идите скорей сюда! — раздался приглушённый крик Дилана, полный надежды и мальчишеского азарта. — Мы тут что-то нашли!

Макс и Лили вздрогнули от резкого шума, который эхом прокатился по пустым комнатам, нарушив хрупкое равновесие тишины.

— Вот же блин, чуть сердце не остановилось, — выдохнула девочка, хватаясь за грудь. Её глаза расширились, а лицо на мгновение стало совсем бледным.

— Идём, — ответил Дилану Макс.

Ребята направились в сторону лестницы. Лили пошла вперед, а Макс плёлся где-то сзади.

Внезапно, споткнувшись обо что-то, он с оглушительным грохотом рухнул на пол. Звук получился такой, будто обрушилась целая полка: зазвенели какие-то жестяные банки, что-то

покатилось по полу, а в тишине дома этот шум прозвучал особенно громко. Телефон выскользнул у него из рук, глухо ударился о половицу и погас, будто испугался собственного падения.

— Что там у вас? — с тревогой в голосе спросил Дилан, выглядывая из-за перил второго этажа. В его голосе слышалось не просто любопытство, а настоящее беспокойство: он уже успел вообразить худшее — что приключение закончится, даже не начавшись.

— Всё нормально! Просто Макс грохнулся, — поспешила заверить Лили, оборачиваясь и глядя вниз с такой смесью облегчения и лёгкой паники, будто сама испугалась этого грохота. — Ты как? Не ушибся?

— Всё отлично! — поднимаясь с пола, ответил мальчик, стараясь казаться бодрым, хотя в колене неприятно пульсировало, а локоть саднил. Он даже выдавил из себя смешок, чтобы никто не понял, как сильно он сейчас смущён. — Иди, я догоню. Вот же угораздило!

Макс встал с пола, отряхнул джинсы от лишнего мусора и на ощупь стал искать свой телефон. В потемках сложно было что-то разглядеть. Как вдруг его пальцы наткнулись на тонкую цепочку. Подняв ее, он почувствовал, что к ней прикреплен какой-то кулон. Он на секунду замер, разглядывая находку в полумраке, но не смог толком ничего увидеть.

«Ладно, потом посмотрю» — подумал Макс пряча находку в карман куртки. Наконец он нашел телефон, включил фонарик и поспешил к друзьям на второй этаж, чувствуя, как волнение отступает.

— Эй, где Вы там? — шепотом спросил мальчик поднявшись наверх.

— Мы здесь, поворачивай направо, — раздался голос Лили — не испуганный, а собранный, будто она взяла себя в руки и теперь была готова ко всему.

Макс повернул направо. Это оказалась спальня. Войдя, он замер, увидев ребят у старинного комода.

— Что там у Вас?

— Смотри, — кивнула Стейси в сторону комода.

На нем, под толстым слоем пыли, стояли фотографии. Их было почти невозможно разглядеть. Стейси, с трепетом взяла одну из них, осторожно сдула пыль, а затем бережно протерла рукавом куртки.

На пожелтевшем снимке была изображена женщина, лет пятидесяти, нежно прижимающая к себе маленькую девочку. В их глазах читалась такая безграничная любовь, что у Макса сжалось сердце. Воспоминания вихрем пронесли в его голове, хотя он и не мог понять, чьи это воспоминания. Может, это были отголоски его собственных вечеров с мамой, когда он, ещё совсем маленький, забирался к ней на колени, и она обнимала его так крепко, что казалось, никакая беда не сможет до него добраться. Ему вдруг стало невыносимо жаль эту женщину, эту девочку, их безвозвратное прошлое, заключенное в этом пожелтевшем снимке.

— Видимо это она, — шепнула Стейси.

— Кто, она? — с недоумением отозвалась Лили, склоняясь ближе и шурясь, словно пыталась разглядеть в этих лицах какой-то скрытый смысл.

— Колдунья. А на руках скорее всего ее внука.

Лили взяла фотографию и посмотрела на женщину с девочкой, медленно скользя взглядом по деталям снимка.

— Они красивые. Наверное, очень старая фотка. Интересно, сколько сейчас лет этой девочке.

— А мне не интересно, — с презрением сказала Стейси — И давайте уже пойдем отсюда. Здесь нет ничего интересного.

— Да, правда. Давайте лучше погуляем, — поддержал её Макс, стараясь разрядить напряжённую обстановку. Он бросил ещё один короткий взгляд на снимок, словно хотел удержать в памяти эти лица, а потом решительно шагнул к выходу, будто стремился оставить прошлое там, где ему и положено быть — на пожелтевшей фотографии, в тихом уголке забытого дома.

Внезапно, тишину разорвал оглушительный грохот, эхом прокатившийся по дому. Звук разбитого стекла, пронзительный и безжалостный, заставил ребят вздрогнуть от ужаса, и они, охваченные паникой, бросились бежать к выходу, спотыкаясь о разбросанные половицы и цепляясь за облезлые дверные косяки. В тот же миг, мимо них промелькнула черная тень – кошка, исчезающая в темноте. Они застыли на месте.

Сердце Лили бешено колотилось, отдаваясь глухим эхом в ушах, и этот стук казался ей громче недавнего грохота. Страх сковал её, не давая пошевелиться; она словно приросла к полу, а в груди разрастался ледяной ком, мешающий сделать вдох. В полумраке комнаты черты её лица казались застывшими, а глаза расширились так, что в них отражался каждый дрожащий отблеск тусклого света. Она почувствовала, как влажные ладони Стейси вцепились в её руку, словно утопающий хватается за соломинку, и эта хватка была почти болезненной — такой отчаянной и крепкой, будто Стейси пыталась через прикосновение убедиться, что Лили реальна, что они обе ещё здесь, а не стали частью этого зловещего дома.

— Тебя еще тут не хватало! — взвизгнула Стейси.

— Скорее выходим отсюда! — прокричал Дилан, в его голосе слышался неподдельный ужас.

Мгновение, и они снова стояли перед воротами заброшенного дома, пытаясь отдышаться и унять дрожь, вызванную леденящим душу страхом. Тишина, повисшая между ними, казалась густой и липкой, как паутина. Каждый из них ощущал на себе отпечаток ужаса, въевшегося в самую душу. Слова застревали в горле, не в силах передать весь кошмар, который они только что пережили. Дыхание казалось хриплым и неровным, а сердца бешено колотились, пытаясь вырваться из груди.

Лили обхватила себя руками, пытаясь согреться, но дрожь не унималась. Страх сковал ее тело, словно ледяные оковы, лишив способности мыслить и двигаться. В глазах стояли слезы, готовые в любой момент хлынуть потоком отчаяния, и она крепко сжимала веки, стараясь удержать их, потому что знала: стоит ей заплакать, и она окончательно потеряет остатки самообладания.

Дилан, обычно такой смелый и невозмутимый, сейчас казался тенью самого себя. Его лицо было искажено гримасой ужаса, а взгляд блуждал в поисках чего-то, за что можно было зацепиться, чтобы вернуть себе хоть каплю уверенности.

— Я чуть в штаны не наделал! — выдохнул он, с трудом переводя дыхание.

— Не только ты, — добавил Макс.

— Что это, черт возьми, было? — дрожащим голосом спросила Лили.

— Да кто его знает! — отрезал Дилан, пытаясь скрыть свой испуг. — Может эта кошка что-то уронила.

— Надеюсь, что кошка, — пролепетала Стейси, вся, дрожа от страха. — Я больше туда ни ногой.

— Согласен! — поддержал Макс.

Охваченные невыразимым чувством — смесью облегчения и тяжёлой, въевшейся в кости тревоги, — друзья отделились от зловещего дома. Макс, бросив взгляд на часы, с тревогой осознал, что время близится к восьми.

— Блин, мне домой пора, родители, наверное, волнуются.

— Так позвони им, скажи, что все нормально, — побеспокоилась Лили.

— А смысл? Всё равно надо домой, — вздохнул Макс, пряча телефон обратно в карман. Он чувствовал, что любой разговор сейчас будет натянутым, а слова — пустыми. — Может, пойдём? — спросил он, вглядываясь в лицо девочки, ища поддержки, какого-то знака, что она тоже хочет поскорее оставить это место позади.

— Да, думаю пора.

— Мы, наверное, тоже пойдём, — сказала Стейси, чувствуя тяжесть расставания.

С печалью в глазах ребята попрощались, каждый погрузившись в свои мысли, направляясь в сторону дома. Прощальные слова прозвучали как-то скомкано, будто им не хватало слов, чтобы выразить всё, что накопилось внутри, и они предпочли просто кивнуть друг другу, надеясь, что взгляды скажут больше, чем любые фразы.

Макс и Лили медленно брели, обмениваясь тихими репликами.

— Ты как? Всё хорошо? — с тревогой в голосе поинтересовался Макс, искоса поглядывая на Лили. Ему хотелось сказать, что-то ободряющее, но слова казались слишком банальными, неспособными пробиться сквозь ту пелену страха, которая всё ещё окутывала девочку.

— Я еще отойти не могу, до сих пор мурашки по телу, — дрожащим голосом ответила Лили. — Зря мы туда полезли, не надо было. Мы вторглись на чужую территорию.

— Там же давно никто не живёт, — возразил Макс, но тут же понял, что это звучит неубедительно. Он потёр ладонью затылок, пытаясь подобрать правильные слова.

— И что? Это не даёт нам право врываться туда как ни в чём не бывало. А если бы в твой дом вошли чужие люди, тебе бы это понравилось? — Лили остановилась на мгновение, глядя на Макса так серьёзно, что он невольно замер. В её глазах читалась не просто обида — в них была глубокая убеждённость в своей правоте, и это заставило его задуматься.

— Нет, конечно, но теперь это ничего не меняет, — признал он, опуская взгляд. Ему не хотелось спорить, да и смысла в этом не было.

— Ладно, давай забудем это всё как страшный сон, не хватало ещё поругаться, — вздохнула Лили, снова трогаясь с места.

— Я и не собирался ругаться! — с теплотой ответил Макс, стремясь успокоить ее.

Ребята подошли к своим домам. Собака Лили снова начала лаять — громко, заливисто, будто хотела предупредить весь мир о возвращении хозяйки. Её хвост метался из стороны в сторону, а лапы нетерпеливо пританцовывали на месте, поднимая крошечные вихри пыли с утоптанной дорожки. Пёс так рвался вперёд, что поводок слегка натягивался, а его ошейник тихо позвякивал при каждом порывистом движении.

— Вулкан, замолчи! — Лили властно одернула пса, ее голос звучал требовательно, но с ноткой ласки.

— Какие планы на завтра? — спросила она у Макса. В её взгляде читалось предвкушение, будто она хранила какой-то маленький секрет и едва сдерживалась, чтобы не выдать его раньше времени. Глаза её чуть блестели в свете уличного фонаря, а на щеках играл лёгкий румянец — то ли от вечернего холода, то ли от волнения.

— Пока не знаю, уроки надо бы сделать, — ответил Макс, слегка пожимая плечами, но тут же поймал себя на том, что невольно подаётся вперёд, будто боится пропустить хоть слово. Он старался говорить спокойно, но внутри всё трепетало в ожидании того, что она скажет дальше.

— А что, есть предложение? — добавил он, стараясь звучать непринуждённо, хотя сердце уже начинало биться быстрее.

— Да, есть. Приходи завтра к нам на ужин. Мама торт испечет.

Макс на мгновение потерял дар речи. Его сердце забилося быстрее — так быстро, что он даже испугался, не слышит ли Лили этот стук. Он неловко переступил с ноги на ногу, чувствуя, как к щекам приливает жар, и поспешно провёл ладонью по волосам, будто это могло хоть немного вернуть ему самообладание.

— Даже не знаю, получится ли, — с улыбкой произнёс он, надеясь, что ничто не помешает его встрече с Лили. В глубине души он уже заранее молился всем известным ему богам и даже несколькими вымышленными, чтобы мама не затеяла ничего срочного вроде генеральной уборки или внезапной поездки к бабушке. — Надо сначала у мамы спросить, есть ли у неё планы на завтра. Но вообще я не против, с радостью приду. Честно.

— Ну вот и отлично, — выдохнула Лили, и в её голосе звучала такая надежда, будто от этого «да» или «нет» зависело что-то очень важное. — Ты спроси у родителей, а как будешь знать ответ, напиши мне.

— Договорились! — радостно воскликнул мальчик, и его лицо расплылось в счастливой улыбке, такой искренней, что даже веснушки на носу будто засияли ярче. — Обязательно напишу.

— Ну ладно, до завтра, — смущённо сказала Лили, опутив ресницы и слегка наклонив голову, будто прятала от него своё волнение.

— До завтра! — отозвался Макс, махнув рукой чуть энергичнее, чем обычно, словно этим взмахом мог передать ей всю свою радость и предвкушение.

Ребята разошлись по домам, на прощание обменявшись тёплыми взглядами. Вечер уже окончательно вступил в свои права: небо потемнело, и на нём робко проступали первые звёзды, а уличные фонари заливали тротуары мягким золотистым светом. Макс шёл по дорожке к своему дому, и с каждым шагом тревога, сковывавшая его весь день, понемногу растворялась, уступая место тихому предвкушению завтрашнего вечера.

— Мам, пап, я дома! — громко крикнул Макс, едва переступив порог. Он быстро снял куртку и кроссовки, аккуратно, почти машинально поставил их на полку — привычка, вбитая годами родительских напоминаний, — и уже было направился в свою комнату, мечтая поскорее достать телефон и написать Лили: «Я всё узнаю, обещаю!»

— Ну, как с физикой? Сделали задание? — с интересом спросила мама, выглянув из кухни.

Макс замер на месте.

— Задание? Ээээ, — слова застряли в горле. Он забыл, что утром наврал маме про физику. Настолько он был рад приглашению Лили. — Да, сделали. Все круто. Было сложно, но мы справились, — быстро среагировал Макс и придумал очередное вранье.

— Молодцы. Иди ужинать, еда на столе.

— Да, мам, сейчас отнесу рюкзак и спущусь, — быстро ответил Макс, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и непринуждённо. Он подхватил рюкзак, будто тот вдруг стал тяжелее из-за всех невыученных параграфов и нерешённых задач, и поспешил в свою комнату. Закрыв за собой дверь, он прислонился к ней спиной и медленно выдохнул:

— Фух... — прошептал он, чувствуя, как напряжение покидает тело, уступая место облегчению. — Пронесло.

Но тут же внутри шевельнулось неприятное чувство — лёгкий укол совести. Ему не нравилось врать, даже по мелочам, но признаться сейчас, означало бы столкнуться с разочарованием в маминых глазах, с долгим разговором о важности учёбы и, возможно, с запретом на завтрашний ужин. А этого Макс точно не хотел.

Он сбросил рюкзак на стул и обессиленно упал на диван, утопая в ворохе вещей. Откинувшись на спинку, чувствуя, как мягкая ткань подушки чуть щекочет шею, и закрыл глаза, позволяя воспоминаниям захлестнуть его. Зброшенный дом... Макс невольно поморщился — перед внутренним взором тут же всплыли покосившиеся доски, паутина в углах и тот неприятный холодок, который пробежал по спине, когда они с ребятами туда забрели. Но нет, в мыслях тут же возник образ Лили, вытеснив всё лишнее, и на его лице появилась робкая улыбка — такая тихая, будто он боялся спугнуть это чувство резким движением. Мысли о Лили проникали в самые глубины его сознания, растворяя остатки усталости и горечи, словно горячий чай растворяет кусочек сахара — постепенно, до последней крупинки. Он вспомнил её глаза, полные доброты и понимания — в них никогда не было той снисходительной насмешки, которую он иногда ловил во взглядах других ребят. Вспомнил голос, ласкающий слух — не громкий, не крикливый, а такой, что хотелось слушать и слушать, даже если она просто рассказывала про расписание уроков или про то, как Вулкан опять стащил со стола бутерброд. Вспомнил

улыбку, способную растопить самый холодный лёд — ту самую, от которой даже хмурый день становился светлее.

— Прикольная девчонка! — невольно вырвалось у Макса, и он тут же смущённо хмыкнул, будто кто-то мог его услышать и поднять на смех.

В этот момент в комнату тихо вошла Джесси — неслышно, как умеют только младшие сёстры, когда им хочется подслушать что-нибудь интересное. Дверь приоткрылась едва-едва, с лёгким скрипом, который Макс обычно не замечал, но сейчас прозвучал в тишине комнаты почти как раскат грома.

— Сам с собой разговариваешь? — насмешливо спросила девочка, хитро прищурившись.

Мальчик от неожиданного появления сестры вздрогнул всем телом.

— Тебе какое дело? — огрызнулся Макс, пытаясь скрыть смущение за грубостью. Он нарочно нахмурился, стараясь выглядеть максимально неприступным.

Джесси заметила, куда направлен взгляд брата — на дом, где жила Лили. Её глаза мгновенно расширились от озарения, а на лице расплылась торжествующая улыбка, полная сестринского коварства.

— Ааа, влюбился, — пропела она, заливаясь смехом.

— Чего? А ну, замолчи, малявка. Мала ещё, чтобы в мои дела лезть, — прорычал он, чувствуя, как краска заливает его щёки и шею, добираясь даже до кончиков ушей. Макс стиснул зубы, стараясь не выдать, насколько сильно его задевает эта дразнилка, но внутри всё сжималось от неловкости.

— Макс влюбился! Макс влюбился! — Джесси, словно заевшая пластинка, повторяла эту фразу, кружась по комнате и размахивая руками, будто исполняла победный танец. Её смех звенел, отражаясь от стен, и каждый звук впивался в уши Макса, делая ситуацию ещё невыносимее.

— Достала! — рявкнул мальчик, окончательно потеряв терпение. Его голос прозвучал резче, чем он хотел, но сдерживаться уже не было сил. Он резко развернулся, так что половицы скрипнули под его ногами, и, хлопнув дверью — чуть сильнее, чем следовало, — направился на кухню, чтобы хоть как-то заглушить нарастающее волнение.

В коридоре на секунду повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь затихающим хихиканьем Джесси, а Макс шёл вперёд, стискивая кулаки и стараясь выровнять дыхание. На кухне было тихо и пахло свежеприготовленным бифштексом с лёгкой пряной ноткой чёрного перца и свежим ароматом хрустящего салата, только что заправленного каплей лимонного сока. Но сейчас Макс не замечал ни запахов, ни звуков. Слова сестры эхом отдавались в голове, выбивая землю из-под ног, снова и снова, как заезженная пластинка, которую никак не выключить.

«Влюбился? Неужели это правда?» — крутилось у него в мыслях, и от этой фразы становилось одновременно и жарко, и холодно, будто его попеременно окунали то в тёплую воду, то в ледяную. Он гнал от себя эту мысль, как назойливую муху, отмахиваясь внутренним жестом, но она упорно возвращалась, всё глубже пуская корни в его сознании.

С аппетитом умяв сочный бифштекс с легким салатом и осушив стакан апельсинового сока, он почувствовал, как сон мягко окутывает его.

Родители уютно расположились на диване в гостиной: папа сидел, слегка откинувшись на подушки, в одной руке держа пульт, другой время от времени поправлял плед, наброшенный на колени; мама, поджав ноги, устроилась рядом, время от времени тихонько смеялась над какой-нибудь репликой из фильма и легонько толкала папу локтем, будто хотела поделиться этой маленькой радостью. На экране мелькали кадры, отбрасывая на стены и мебель быстрые цветные блики, и вся эта картина казалась Максиму островком спокойствия, к которому хотелось прислониться. Джесси тем временем увлечённо играла со своими куклами, сидя прямо на полу, подогнув ноги по-турецки и полностью погрузившись в свой мир. Её драгоценный кукольный

домик — миниатюрная копия настоящего дома, с крошечными окошками, открывающимися дверцами и даже маленьким фонариком внутри, который папа заботливо встроил туда, чтобы вечерами домик светился тёплым жёлтым светом, — был для неё целым миром. Она что-то шептала куклам, расставляла их по комнаткам, устраивала чаепития и, казалось, совершенно забыла про недавнюю выходку с Максом — или просто делала вид, что забыла, сохраняя свою маленькую сестринскую хитрость. Собравшись с духом, Макс, с робкой надеждой, подошёл к родителям. Он остановился в дверях гостиной, немного помялся, переступая с ноги на ногу, и, стараясь говорить как можно спокойнее, произнёс:

— Мам, пап, можно я завтра схожу в гости к Лили? Её мама зовёт на ужин, обещала торт испечь...

Он замер, ожидая ответа, и в эту секунду весь мир будто сжался до размеров гостиной — до мягкого света лампы, до шуршания пледа, до тихого голоса мамы, которая, повернувшись к нему, улыбнулась и сказала:

— На ужин? Как неожиданно. Ну, хорошо, конечно, иди.

Макс едва удержался, чтобы не выдохнуть с облегчением, но тут же постарался сохранить серьёзный вид — всё-таки он уже не маленький, чтобы прыгать от радости. И всё же уголки губ сами собой ползли вверх, а в груди разливалось приятное тепло.

— Может, я тогда завтра испеку шоколадных капкейков, — продолжила мама, уже мысленно представляя, как будет смешивать муку, какао и сахар. — Ты им отнесешь...

— Мои любимые? — не удержался Макс, и в его голосе прорвалась та самая детская радость, которую он так старательно прятал. Глаза загорелись, и он даже чуть подпрыгнул на месте, но тут же снова притворился спокойным, будто это была самая обычная просьба. — Было бы здорово! Спасибо, мам!

Мальчик крепко обнял родителей — сначала маму, уткнувшись носом в её плечо, где пахло ванилью и чем-то родным, потом папу, который на секунду замер, а потом крепко прижал сына к себе, словно хотел передать ему свою уверенность.

— Вы самые лучшие! — тихо, но очень искренне прошептал он, на мгновение прижавшись к ним обоим, будто хотел запомнить этот миг навсегда.

Макс присел рядом с Джесси, любуясь тем, как она заботливо расставляет крошечную посуду на столе, представляя, наверное, важный кукольный обед. В этот момент он почувствовал острую благодарность за свою семью, за этот уютный дом, за эту любовь, которая окружала его со всех сторон.

— Ну все детки, пора в царство снов, — с нежностью проговорила мама. — Джесси, укладывай кукол в кровати и бегите в свою комнату.

Джесси поцеловала родителей, и они с Максом отправились к себе.

Девочка быстро улеглась в свою кровать, натянув одеяло до самого подбородка и поджав ноги, будто хотела свернуться в маленький уютный клубочек. Её волосы, ещё слегка взъерошенные после дня, рассыпались по подушке мягкими волнами, а глаза светились предвкушением — она знала, что Макс не устоит перед её просьбой.

— Почитай мне сказку, пожалуйста, — тихо, но настойчиво попросила Джесси, чуть приподнявшись на локте и глядя на брата с такой искренней надеждой, что у того не осталось ни единого шанса отказать.

— Ну вот, начинается! — с лёгкой усталостью произнёс Макс, но в его голосе не было настоящего раздражения — скорее привычная, почти ласковая ворчливость старшего брата. Он потянулся, разминая плечи, и бросил взгляд на книжную полку, где в ряд стояли потрёпанные, любимые с детства сказки. — Какую на этот раз?

— Мою любимую! — обрадовалась девочка, тут же снова ныряя под одеяло и выглядывая оттуда, как из домика. — Про волшебных летающих единорогов. Ну, там, где они спасают принцессу из замка, который парит над облаками!

— Мы же её совсем недавно читали, всего два дня назад, — попытался возразить Макс, хотя уже знал, что сдастся. Он прекрасно помнил каждую строчку этой сказки — они читали её столько раз, что он мог бы рассказать наизусть, даже если бы его разбудили посреди ночи.

— Ну пожалуйста, давай ещё разочек, умоляю! — прошептала Джесси, складывая ладошки в умоляющем жесте и глядя на него огромными глазами, в которых плясали озорные искорки.

— Хорошо, уговорила! — с теплотой в голосе уступил мальчик, не сдержав лёгкой улыбки. Он взял книгу с полки, сел на край её кровати и, устроившись поудобнее, начал читать. Голос его звучал ровно и мягко, с едва уловимыми интонациями, которыми он наделял каждого персонажа: грозный голос дракона, нежный шёпот принцессы, бодрый тон главного единорога. Джесси слушала, затаив дыхание, время от времени тихонько хихикая или вздрагивая в напряжённые моменты, будто всё происходило прямо здесь, в их комнате.

После сказки Джесси уже почти провалилась в сон. Её веки тяжелели, а дыхание становилось всё тише и ровнее, но, собравшись с последними силами, она вдруг приоткрыла глаза и задала Максу вопрос, прозвучавший в тишине комнаты неожиданно серьёзно:

— А ты и правда влюбился в Лили?

Макс на мгновение замер, будто слова ударили его в самое неожиданное место. Он хотел ответить резко, чтобы сразу пресечь любые домыслы, но тут же смягчился, увидев в полумраке комнаты доверчивый взгляд сестры.

— Нет, конечно, — резко, но ласково ответил он, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ни капли волнения. Он наклонился и легонько щёлкнул её по носу, как делал всегда, когда хотел отвлечь от чего-то серьёзного. — Все, давай спать. Завтра опять рано вставать, а ты опять будешь ныть, что не выспалась.

Он обнял сестру, крепко, но бережно, и поцеловал её в щёчку — в то самое место, где ещё виднелись крошечные веснушки, почти незаметные в темноте. Потом заботливо укрыл её одеялом, подоткнув края, чтобы ночной сквозняк не добрался до неё, и, убедившись, что Джесси наконец-то расслабилась и закрыла глаза, тихо забрался на свою кровать. Какое-то время он ещё думал о предстоящем ужине в гостях у Лили, но вскоре уснул.

Ночью, когда все уже спали, кулон, который лежал в куртке Макса, начал светиться красным светом. Свет был таким ярким, что просвечивал через плотную ткань кармана, окрашивая его в зловещие алые оттенки. Он не мерцал, не пульсировал — он горел ровно, настойчиво, будто внутри кулона пробудилось что-то древнее и нетерпеливое. Макс во сне чуть нахмурился, будто даже сквозь глубокий сон почувствовал этот свет, но не проснулся. А кулон продолжал гореть, бросая тонкие красные блики на стену.

Что бы это могло значить...

Глава 3

Когда мир становится больше.

Следующим утром...

Мама хлопотала на кухне, замешивая нежное тесто для будущих капкейков. Она двигалась легко и уверенно, будто сама кухня была её маленькой сценой, а каждое движение — частью давно отрепетированного танца. Время от времени она слегка постукивала ложкой по краю миски, проверяя густоту теста, и тихонько напевала себе под нос какой-то незамысловатый мотив, который тут же забывался, стоило ей отвлечься на что-то ещё. Аромат ванили и тёплого молока медленно растекался по коридору, смешиваясь с запахом свежесваренного кофе, и казалось, что этот запах сам по себе способен отогнать любые тревоги.

Папа, в гостиной, самозабвенно трудился над сборкой стеллажа, предназначенного для прихожей. Он то и дело склонялся над инструкцией, хмурил брови, пытаясь разобраться в хитросплетениях схем, а потом с лёгкой усмешкой бормотал что-то себе под нос, когда очередная деталь наконец вставала на место. В комнате пахло деревом и лаком, а на полу в аккуратном порядке лежали детали, шурупы и инструменты — всё было разложено так тщательно, будто папа готовился не к сборке мебели, а к какой-то важной научной операции. Дети, только-только пробудившись от сна, лениво нежились в своих кроватях.

Внезапно оглушительный стук в дверь нарушил утреннюю тишину, прозвучав так резко и неожиданно, будто кто-то хотел не просто привлечь внимание, а буквально ворваться в их уютный мир. Звук эхом прокатился по коридору, заставив всех на мгновение замереть: мама остановилась с ложкой в руке, папа поднял голову от инструкции, а дети в своих комнатах вздрогнули, выныривая из полудрёмы.

— Я открою! — воскликнула мама, вытирая руки о фартук и поспешно выходя в прихожую.

На пороге стояла незнакомка. Её длинные чёрные волосы ниспадали почти до талии, будто ночная тень, которую каким-то чудом удалось поймать и заключить в реальность. Пряди слегка вились на концах, придавая образу лёгкую небрежность, но в целом всё в её облике было собрано и строго: ни выбившихся локонов, ни случайных деталей. Она была облачена в плащ глубокого тёмно-синего цвета, почти чёрного, с плотной фактурой, которая не пропускала ни ветер, ни взгляды посторонних. Капюшон слегка затенял лицо, оставляя в полумраке тонкие черты, но не скрывая их полностью: можно было разглядеть прямой нос, чуть приподнятые скулы и глаза — тёмные, внимательные, будто в них отражалась вся собранность и решимость девушки. На вид ей можно было дать от двадцати двух до двадцати пяти лет, но в её осанке и взгляде было что-то такое, что делало её старше, будто она успела повидать куда больше, чем позволял её возраст.

— Здравствуйте! — произнесла девушка с искренней вежливостью, чуть наклонив голову в лёгком полупоклоне. Её голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась внутренняя сила, будто каждое слово было тщательно взвешено. — Я — подруга Макса. Не могли бы вы его позвать? У меня к нему срочное дело. Это касается школы.

Мама была крайне удивлена существованием у Макса таких взрослых друзей. В её голове тут же закружились десятки вопросов: откуда у сына такая знакомая, почему она выглядит так серьёзно, что за срочное дело может быть у студентки к школьнику? Но, сдержав любопытство и не желая смущать ни гостью, ни сына, она решила не расспрашивать, полагая, что Макс сам всё расскажет позже — если, конечно, захочет.

— Здравствуйте! Входите, я сейчас позову его.

— Благодарю, но я, пожалуй, подожду его здесь, — спокойно ответила девушка. Её голос прозвучал ровно, без тени волнения, будто она привыкла стоять на пороге чужих домов и ждать.

В этот момент Макс спускался по лестнице, медленно переставляя ноги, будто каждое движение давалось с усилием. Увидев девушку, он замер на середине лестницы, вцепившись пальцами в перила так, что побелели костяшки.

Его лицо побледнело, будто он увидел призрак. В его глазах отразилось целое море эмоций: испуг, растерянность, и глубокая, затаенная боль. Он не мог вымолвить ни слова, лишь смотрел на незнакомку, пытаясь понять, реальна ли она. Тишина повисла в воздухе, нарушаемая лишь тихим тиканьем часов в гостиной.

— Здравствуй, Макс! — она резко заговорила с ним, не дав сказать ни слова. Её голос прозвучал твёрдо, уверенно, будто она точно знала, что именно эта интонация сможет пробить стену его оцепенения. — Мы договаривались о встрече по поводу решения некоторых школьных вопросов. Помнишь?

Макс опешил. Он видел эту девушку впервые в жизни — в этом он был уверен на все сто процентов. Но не показал вида. Его лицо осталось неподвижным, лишь в глазах мелькнуло что-то, похожее на отчаянную попытку собраться с мыслями. Он стиснул зубы, стараясь не выдать своего замешательства, и медленно спустился на последнюю ступеньку, остановившись в нескольких шагах от девушки.

В голове у него крутились разные вопросы, один страшнее другого, и он резко вспомнил про вчерашний поход в заброшенный дом. «Вот чёрт, а если это внучка той бабки, мне сейчас влетит!» — пронеслось у него в голове, и перед глазами тут же всплыли образы старой фотографии, покосившихся досок и паутины, облепившей углы. «И откуда она знает моё имя и где я живу? А может, это вообще не она... Может, это кто-то другой, кто просто притворяется, чтобы что-то выведать...» — мысли не давали ему покоя, насканивая друг на друга, как волны во время шторма, и каждая новая догадка казалась страшнее предыдущей.

Он скосил взгляд на маму, которая стояла рядом, слегка нахмутив брови, будто пыталась понять, что происходит, но не решалась вмешаться. Макс не посмел поделиться своими страхами с ней — не хотел волновать, да и сам не знал, как объяснить то, чего не понимал. Поэтому он принял решение подыграть незнакомке, надеясь разобраться в происходящем позже, когда останется один и сможет спокойно всё обдумать.

— О, привет! Да, конечно, помню, просто... немного забыл детали. Что там за вопросы?! Мам, это... — Макс запнулся, чувствуя, как внутри всё сжимается от неловкости. Он не знал её имени.

— Айлин, меня зовут Айлин. Мы виделись один раз, забыл, наверное, — с понимающей улыбкой проговорила девушка.

— Ах да, Айлин, точно, — выдохнул Макс, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Он даже попытался слегка улыбнуться, но улыбка вышла кривой, натянутой, как плохо пришитая пуговица.

— Рада знакомству! — с лёгкой настороженностью, но искренней улыбкой ответила мама. В её взгляде всё ещё читался вопрос, но она старательно прятала его за вежливостью. Для неё было важно, чтобы гость чувствовал себя комфортно, даже если этот гость вызывал у неё смутное беспокойство.

— Взаимно! Миссис...

— Эмили Паттерсон! — улыбчиво ответила мама.

— Взаимно, миссис Паттерсон, — повторила Айлин, и в её интонации прозвучало уважение, будто она действительно ценила этот маленький жест доверия.

— Ладно, мы поговорим во дворе, хорошо, мам? — Макс выпалил это быстрее, чем успел подумать, будто боялся, что если задержится в прихожей хоть на секунду, то всё рухнет.

— Да, хорошо. Не задерживайся, завтрак уже на столе.

Макс молча кивнул, наспех накинул куртку — та чуть зацепилась за крючок, и ему пришлось неловко дёргать её, чтобы освободить. Молния не застёгивалась с первого раза, пальцы не слушались, и это раздражало его ещё больше. Наконец, он справился, бросил короткий взгляд на маму, будто прося у неё немого прощения за эту странность, и вышел вслед за Айлин на улицу. Сад встретил их тишиной и прохладой утреннего воздуха. Макс опустился на скамейку, чувствуя, как тяжесть неловкости давит на плечи. Айлин села рядом, оставив между ними небольшое, но ощутимое расстояние. В её глазах читалась печаль, словно она предчувствовала неизбежность неприятного разговора.

— Присаживайтесь, пожалуйста, миссис... — голос Макса дрогнул, прерванный волнением и внезапной забывчивостью. Её имя вылетело из головы, растворившись в панике, которая сжимала грудь стальным обручем.

— Айлин, меня зовут Айлин.

— Но... разве мы знакомы? — пролепетал он, пытаясь скрыть замешательство.

— Ты не знаешь, кто я, но зато я знаю о тебе практически всё, — в её словах звучала загадочность, от которой по коже пробежали мурашки, а волосы на руках встали дыбом. Это прозвучало не как угроза, но как нечто куда более пугающее — как приговор, произнесённый шёпотом.

Макс замер, испуганный внезапным откровением. Сердце бешено колотилось, отдаваясь гулким эхом в ушах, и на мгновение ему показалось, что весь мир сузился до этой скамейки, до этой девушки и до его собственного страха. Но он собрался с духом, стиснул зубы, будто это могло придать ему смелости, и прошептал, едва разжимая губы:

— Кто вы?

Взгляд девушки, полный невыразимой глубины, пронзил его насквозь. Макс показалось, будто в её глазах вспыхнул яркий, неземной свет — не просто отражение солнца, а что-то иное, древнее, будто внутри неё тлело пламя, готовое вырваться наружу. На долю секунды её зрачки расширились, и в них мелькнуло что-то, от чего у Макса перехватило дыхание.

— Вчера ты был в гостях у моей бабушки, — таинственным голосом стала говорить девушка, и каждое слово падало в тишину, как тяжёлый камень в спокойную воду, вызывая круги недоумения и ужаса.

Макс онемел. Он почувствовал острую необходимость оправдаться перед Айлин, объяснить всё, вымолить прощение, будто от этого зависела его жизнь. Слова рвались наружу, сбивчивые, торопливые, цепляющиеся друг за друга:

— Простите нас, я всё объясню, мы с ребятами... мы не хотели ничего плохого, просто... просто зашли посмотреть, там была старая фотография, а потом грохот, и кошка, и...

Но она не дала ему закончить. Её ладонь мягко, но твёрдо поднялась, останавливая поток его отчаянных извинений. В этом жесте не было грубости — лишь спокойная уверенность человека, который знает, что время на оправдания давно истекло.

— Я всё знаю. Не продолжай. Мне совершенно неинтересно, как вы там оказались. Мне важно другое. Ты прихватил оттуда одну вещь...

В памяти мальчика всплыл образ кулона, найденного в доме. С лихорадочной надеждой он залез в карман и нащупал его там. В груди похолодело. Что теперь будет? Его накажут? Заберут кулон? Или случится что-то куда более страшное?

— Да, да. Этот кулон, — отрезала она, в голосе звенела сталь.

Макс был удивлён: как она это делает? Как узнала про дом, и про то, что кулон у него в кармане? Может, она следила за ними? Или это какая-то магия? Сердце бешено колотилось, наполняя грудь невыразимым страхом, от которого хотелось сжаться в комок и исчезнуть.

— Не бойся меня, я тебе не враг. А как раз наоборот. Я здесь, чтобы защитить тебя, — её голос вдруг смягчился.

— Чего? — пролепетал Макс, в его голосе сквозило смятение. — Защитить меня? От кого?

— Я все расскажу тебе, но об этом никто не должен знать. Ты понял меня?! Это очень важно.

Мальчик смотрел на нее, как зачарованный, утопая в глубине ее пронзительных глаз. В них он видел отражение собственной души, испуганной и жаждущей спасения. Он чувствовал, как страх медленно отступает, уступая место робкой надежде.

— Понял, — буркнул Макс, запинаясь от волнения, и кивнул, хотя сам до конца не верил, что соглашается на что-то настолько непонятное и пугающее.

В ее глазах промелькнула тень облегчения. Она протянула руку и нежно коснулась его щеки. Ее прикосновение было прохладным, но в то же время обжигающе теплым.

— Хорошо, — проговорила она тихо, боясь нарушить тишину. — Правда, которую я открою тебе, перевернет твой мир, ты больше никогда не будешь прежним. Но это необходимо, чтобы ты выжил. Разговор будет долгий, поэтому сейчас на него нет времени. Тебе пора. Я найду тебя. И прошу, не потеряй кулон. Теперь, это вся твоя жизнь.

Девушка медленно встала, и резко, точно ветер, скрылась из виду. Мальчик остался сидеть на скамейке, пытаясь собрать воедино обрывки мыслей и чувств. Он дрожащими пальцами достал из кармана кулон, вглядываясь в его мерцающую поверхность, будто пытаясь найти в нем ответы на свои вопросы.

— Вся моя жизнь!?! — удивленно подумал Макс.

Холодок металла коснулся его ладони, проникая в самое сердце. Кулон отзывался на его прикосновения тихим, едва уловимым теплом, будто шептал слова поддержки. Страх и растерянность боролись в нём, тяжёлые, как два диких зверя, сцепившихся в смертельной схватке. Страх шептал, что нужно выбросить кулон, забыть обо всём, вернуться в дом, сесть за стол и есть мамины капкейки, притворяясь, что ничего не случилось. Растерянность твердила, что он ничего не понимает, что всё это слишком сложно, слишком странно, слишком страшно. Но сквозь эту пелену непонимания пробивалось чувство долга — тихое, но упрямое, как далёкий голос, который невозможно игнорировать. Это было обещание, данное незнакомке, ставшей вдруг самым важным человеком в его жизни, хотя он не знал о ней ничего, кроме имени и того, что она пришла из заброшенного дома, полного тайн и теней.

Его сердце сжалось от внезапной потери. Она исчезла так быстро, как и появилась, оставив после себя лишь эхо голоса и ощущение чего-то невероятно важного, ускользающего. «Вся судьба, вся жизнь...» — слова звучали в его голове, заставляя кровь быстрее бежать по венам.

Он поднялся со скамейки, чувствуя, как мир вокруг него изменился навсегда. Обычные звуки улицы казались теперь чужими, наполненными скрытыми смыслами и опасностями. В глазах мальчика застыла решимость. Он не знал, что его ждет впереди, но твердо решил сохранить этот кулон и дождаться ее возвращения. Ведь в этом маленьком предмете заключалась не только надежда, но и частичка ее души.

Спрятав кулон глубоко в карман, он вернулся в дом, точно неся на плечах груз тайны.

— Ну как? «Все выяснили?» — встревоженно спросила мама.

— Эээ, да! — пробормотал Макс, его взгляд блуждал, выдавая замешательство.

— А кто эта девушка? — мамин вопрос прозвучал как удар грома, резкий и неожиданный, и Макс невольно вздрогнул, будто его поймали на месте преступления. Он почувствовал, как по спине пробежал холодный пот, а ладони стали липкими.

Он замялся, ища спасительное объяснение, и судорожно выдумал историю:

— Это... племянница нашей классной руководительницы. Она помогает нам в школе с... с разными делами... — слова давались ему с трудом, словно каждое из них обжигало язык, оставляя горький привкус. Он старался говорить спокойно, но голос предательски дрожал, выдавая его смятение.

— Помогает? В чем именно? — мама насторожилась, ее глаза пронзили Макса насквозь.

— Мы готовим стенд для школьного конкурса... Она нам помогает его оформлять... — оправдывался мальчик, чувствуя, как ложь расплзается по его душе, словно темное пятно, которое невозможно стереть. Он говорил быстро, почти тараторил, надеясь, что, если слов будет много, мама не заметит, насколько они пустые.

— Школьный стенд... Ну хорошо. И когда же этот конкурс? — в мамином голосе не было гнева, только спокойная настойчивость, которая пугала Макса даже больше крика. Она не собиралась отступать, пока не поймёт, что происходит.

— Я не помню точно... Кажется, через неделю, Мам можно мне позавтракать? — попросил он, надеясь сменить тему и убежать от ее пристального взгляда.

Он знал, что обманывать маму — это самое ужасное, что он мог сделать, ведь она всегда была его опорой и поддержкой, тем человеком, к которому он бежал со всеми бедами, зная, что его выслушают и поймут. И теперь, когда он прятал от неё правду, ему казалось, что между ними вырастает невидимая стена, тонкая, но прочная, и каждое ложное слово укладывалось в неё новый кирпич.

Мама с подозрением посмотрела на Макса.

— Конечно, иди. Завтрак на столе.

— Спасибо Мам!

Проходя на кухню, он ощущал на себе ее пристальный взгляд. Этот взгляд, полный любви и одновременно тревоги, прожигал его. Ему хотелось броситься к ней, признаться во всем, рассказать о кулоне, о знакомке, о той невероятной правде, которая перевернет его мир. Но страх, сковавший его сердце, не давал ему произнести ни слова.

За завтраком кусок не лез в горло. Он механически пережевывал пищу, стараясь не смотреть в сторону мамы. Он знал, что она чувствует его ложь, и это разрывало его изнутри. Он видел в ее глазах отражение своей вины и стыда.

«Прости меня, мама», — беззвучно шептали его губы. Он обещал себе, что как только найдет способ, он обязательно расскажет ей всю правду. Он надеялся, что она сможет его понять и простить. Ведь он знал, что без ее любви и поддержки он не сможет справиться с тем, что ему предстояло.

Поднявшись из-за стола, Макс обнял маму.

— Прости меня, — прошептал он, надеясь, что она услышит не только слова, но и боль, с которой они были произнесены.

Мама в ответ лишь крепче прижала его к себе, и в этом объятии он почувствовал тепло и любовь, которые он так боялся потерять.

— Дорогой, мы с папой и Джесси сейчас поедem в магазин выбирать краску для ее спальни. Поедешь с нами?

— Нет, мам, можно я останусь дома? Надо ещё уроки сделать, — быстро ответил Макс, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и убедительно. Он уже мысленно прикинул, что это отличный повод остаться одному — можно будет наконец спокойно подумать, разобраться в том, что творится в голове, и, может быть, даже попробовать понять, что за тайны скрывает кулон.

— У тебя все в порядке? — взволнованно спросила мама.

— Да, все отлично! А что?

— Да нет, ничего! Мне показалось что ты чем-то обеспокоен...

— Нет, мам. Тебе показалось.

— Уверен?

— На все сто! — с натянутой улыбкой ответил Макс, вкладывая в эти слова всю свою решимость. Он даже слегка расправил плечи, стараясь выглядеть старше и серьезнее, чем был на самом деле.

Мама ещё несколько секунд смотрела на него, будто пыталась заглянуть глубже, за эту улыбку, за эти слова, прямо в его душу. Потом медленно кивнула, будто принимая его ответ, хотя в её взгляде всё ещё читалось сомнение.

— Ну ладно, тогда мы поехали. Если что — звони, ладно?

— Договорились! — кивнул Макс, стараясь говорить бодро.

Он тепло попрощался с родителями, закрыл за ними дверь и быстро помчался в свою комнату. Жадно схватил телефон и набрал номер Лили. Но она не ответила. С отчаянием он кинул рюкзак на стул и вытащил учебники. Сел за стол, пытаясь вникнуть в физику, но мысли были заняты кулоном и незнакомкой. Кто она? Как его нашла? Как узнала его имя? От кого она хочет его защитить? Все было очень странно. Тревога и страх сжимали сердце. Уроки были не важны. Как дотянуть до вечера, чтобы рассказать все Лили? Пусть Айлин и просила молчать, но Лили — единственный близкий человек, с кем он мог поделиться этой тайной. Два часа тянулись как вечность, пока родители не вернулись.

Стук входной двери заставил Макса вздрогнуть, будто этот звук прорвал тонкую завесу его напряжённых раздумий. Он выскочил из комнаты, будто его подбросило пружиной, и в ту же секунду попытался сделать невозмутимое лицо — расправить плечи, слегка приподнять подбородок, изобразить ту самую лёгкую, будничную улыбку, которую носил каждый день до сегодняшнего утра. Но внутри всё дрожало, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Родители вошли с улыбками, оживлённо обсуждая оттенки розового и лавандового, споря, какой из них лучше подойдёт к обоям и будет радовать Джесси по утрам. Папа держал в руках несколько образцов, разворачивая их то так, то этак, чтобы поймать свет из окна, а мама кивала, иногда вставляя короткие замечания, но в её взгляде всё ещё мелькала та самая забота, которая не отпускала её с самого утра. Макс слушал их вполуха, улавливая отдельные слова — «пастельный», «не слишком яркий», «чтобы не утомлял глаза» — но смысл ускользал, растворяясь, где-то между его мыслями о кулоне и надеждой на вечернюю встречу с Лили. Всем своим существом он стремился лишь к одному — дождаться вечера, когда можно будет наконец выдохнуть и поделиться тем, что разрывало его изнутри.

— Мне купили рюкзачок с единорогом! — ликовала Джесси, светясь от счастья. — А еще, альбом, фломастеры и раскраску с принцессами.

— Неужели? — Макс с изумлением взглянул на сестру, и на мгновение тревога отступила, вытесненная искренним удивлением. Он даже сумел рассмеяться — и смех этот прозвучал почти естественно, без той натянутой фальши, которую он так боялся выдать. — А раскраску-то купили?

— Разумеется купили! — улыбаясь ответила мама. — А ещё ковёр с единорогами, занавески с единорогами и картину с единорогами! — добавила она, подыгрывая дочке.

— Ух ты! — расхохотался Макс, на этот раз уже без усилий. Смех вырвался сам собой. — А что, самого единорога не купили?

— Если бы продавался, купили бы! — с обидой в голосе ответила Джесси.

— Перестань дразнить сестру! — строго, но без настоящей злости сказал папа, слегка нахмурившись. В его взгляде читалось привычное отцовское желание сохранить мир в семье, не дать мелким ссорам разгореться в бурю. Он положил образцы красок на стол, снял куртку и, прежде чем продолжить разговор, внимательно посмотрел на Макса. — Ты уроки сделал?

— Ээээ, да, почти все! — соврал Макс, ни к чему не притронувшись. — Осталось чуть-чуть.

— Молодец! — слегка взъерошив Максу волосы, ответила мама, чувствуя за него гордость, пусть и немного преждевременную. — Доделывай остальное, а я пойду готовить обед.

— Да, мам. — он хотел признаться, хотел сказать: «Мам, я ничего не сделал, я все это время думал о чём-то странном и страшном», но слова застряли в горле.

Макс быстро побежал в комнату, чтобы наконец заняться уроками. Собрал волю в кулак и отбросил все посторонние мысли, мешавшие ему сосредоточиться. И вот, спустя два часа, вся домашняя работа была триумфально завершена. Выполнив последнее задание, мальчик почувствовал небывалое облегчение. Груз ответственности, давивший на него весь день, наконец-то отступил. Он вспомнил, что обманул маму, и от этого осознания в груди защемило. Ему хотелось немедленно признаться, рассказать, что уроки были не сделаны до их прихода, что он схитрил, дабы избежать упреков. Но страх перед разочарованием в глазах мамы сковал его.

В душе Макса разгорался конфликт. С одной стороны, ему хотелось сохранить образ прилежного сына, оправдать надежды родителей. С другой – мучила совесть, разъедающая его изнутри. Он понимал, что ложь – это скользкий путь, и однажды она может привести к непредсказуемым последствиям.

— Все за стол! Обед готов! — прозвучал ласковый голос мамы.

На кухне витал божественный аромат сырной пасты — густой, сливочный, с лёгкой ноткой чеснока и пряных трав. Это было одно из любимых блюд всей семьи, и каждый раз, когда мама его готовила, казалось, что сам воздух становился вкуснее. А вчерашний бифштекс, тонко нарезанный и слегка поджаренный, добавлял нотку пикантности и завершал эту симфонию вкуса, словно последний аккорд в любимой песне. На тарелке он лежал аккуратными ломтиками, румяными по краям и сочными внутри, и от одного взгляда на него у Макса невольно потекли слюнки.

— Как вкусно пахнет мам! — воскликнул мальчик, вдыхая этот волшебный запах.

— Скорее садитесь за стол! — поторопила всех мама, желая поделиться теплом этого момента.

— Мамочка, а можно я не буду есть мясо? — жалобно спросила Джесси, поджимая губы и глядя на бифштекс так, будто он был чем-то опасным и совершенно несъедобным.

— Конечно, милая, ешь свою любимую пасту, — ответила она с пониманием, наклоняясь и ласково поглаживая Джесси по голове.

Взгляд Макса упал на другой стол, где красовались восхитительные шоколадные капкейки. Покрытые шапочкой из белого сливочного крема, усыпанные шоколадной крошкой. Это были его любимые капкейки.

— Мам, это для Лили? — с неподдельным восторгом вырвалось у Макса.

— Да, для Лили! — улыбаясь ответила мама. — Но и нам останется. Я много напекла.

— Ураааа, у нас пирожные, — обрадовалась Джесси. — Можно мне вон то, оно самое-самое большое? Пожалуйста!

— Да нет, милая, тебе показалось, они все одинаковые! — мягко возразила мама.

— Если хочешь капкейк, тогда нужно показать, какая ты умница, и съесть всю пасту, — добавил папа, обращаясь к дочке. В его голосе звучала привычная отцовская твёрдость, но в глазах плясали смешинки. Он подмигнул Джесси, давая понять, что это не наказание, а скорее игра, в которой можно выиграть что-то очень вкусное. — Тогда пирожное станет заслуженной наградой.

Джесси на секунду замерла, и в ее глазах отразилась борьба между желанием и необходимостью. Личико немного помрачнело, но она быстро взяла себя в руки. В ее юном сердечке жила непоколебимая решимость заслужить эту маленькую награду.

— Хорошо, папочка! Я съем всю пасту! — проговорила она с таким энтузиазмом, будто ей предложили отправиться в захватывающее приключение. — Макс, давай наперегонки?

— Давай! — поддержал сестру мальчик, стараясь, чтобы его голос звучал так же бодро и весело, как её. Он даже хлопнул ладонью по столу, будто давая старт, и тут же напустил на себя серьёзный вид, как у настоящего спортсмена перед забегом. — Раз, два, начали!

На кухне воцарилась особая атмосфера: папа едва сдерживал улыбку, мама тихонько посмеивалась, прикрывая рот ладонью, а воздух будто искрился от детского азарта. Макс знал,

что для Джесси эта маленькая победа будет значить очень много, и потому он специально выбрал тактику: не торопиться, но и не отставать слишком сильно, чтобы гонка выглядела настоящей.

Всего пара минут — и тарелка Джесси сияла чистотой, будто её только что вымыли и отполировали до блеска. Девочка подняла вилку в победном жесте, словно это был меч легендарного рыцаря, и воскликнула:

— Я победила, я победила! — её голос звенел от восторга, а глаза сияли ярче любых лампочек. Она даже подпрыгнула на стуле, не в силах сдержать эмоции, и её хвостики забавно подпрыгнули вместе с ней.

— Ну вот, я опять последний! — Макс напустил на себя печальный вид, слегка опустив плечи и скорбно глядя на свою наполовину пустую тарелку. Он вытянул нижнюю губу, изображая глубокое разочарование, и даже тяжело вздохнул, будто потерпел величайшее поражение в своей жизни.

Но в душе он искренне радовался за сестру. Ему нравилось видеть, как загораются её глаза, как она чувствует себя настоящей победительницей, и ради этого он был готов проигрывать снова и снова. В такие моменты все тревоги, все тайны и страхи кудато отступали, прятались в тёмные углы, уступая место чему-то простому и настоящему — семейному теплу, смеху, радости от маленькой победы.

— Ты ж моя умница, — погладив по голове дочку сказала мама. — Получи свой заслуженный капкейк!

Джесси сияла от гордости, как маленький мак в летнем поле. Капкейк с воздушной шапкой крема и шоколадной крошкой казался ей вершиной кулинарного искусства, трофеем, заслуженным в честной борьбе, хотя она и не подозревала о жертве, принесенной братом.

Макс наблюдал за ее ликующим лицом, и тепло разливалось у него в груди. Видеть ее счастливой было для него важнее любой победы.

Вся семья сидела за столом, наслаждаясь ароматным чаем и нежными пирожными. Пар от чашек поднимался тонкими струйками, а в воздухе витал сладкий запах ванили и шоколада. Дом наполнялся теплом и смехом — папа шутил, Джесси заливисто хохотала, мама улыбалась, глядя на своих детей, и в эти минуты всё плохое будто отступало куда-то далеко, за стены дома, оставляя только уют и покой.

После этого трогательного момента единения каждый нашёл себе занятие по душе. Отец отправился в комнату дочери, чтобы завершить покраску стен. Он аккуратно водил валиком, стараясь не оставлять полос, а время от времени останавливался, чтобы посмотреть на результат и тихонько кивнуть самому себе — ему хотелось, чтобы комната получилась именно такой, какой её мечтала видеть Джесси.

Мама занялась уборкой на кухне, но делала это без суеты, скорее по привычке, чем из необходимости. Она неспешно мыла тарелки, протирала стол, складывала салфетки. В каждом её движении чувствовалась забота — она хотела, чтобы в доме было чисто и уютно, чтобы, когда все снова соберутся за столом, ничто не отвлекало от семейного тепла.

Маленькая Джесси устроилась в гостиной на пушистом ковре, подложив под себя любимую подушку с единорогом. Она погрузилась в мир красок и фантазий, рисуя яркими фломастерами в своём альбоме. Девочка старательно выводила линии, иногда высовывала кончик языка от усердия, а потом вдруг откидывалась назад, чтобы полюбоваться рисунком, и тут же снова склонялась над листом, добавляя новые детали. На бумаге появлялись замки, принцессы, радуги и, конечно, единороги — целые истории рождались прямо на глазах.

Макс усердно трудился вместе с отцом в будущей комнате сестры. Он подавал валик, держал банку с краской, старательно вытирал капли, которые падали на пол, и вообще старался быть полезным. Но дело было не только в помощи — рядом с папой Макс чувствовал себя спокойнее, будто отцовское спокойствие понемногу перетекало и в него. Время пролетело неза-

метно: они успели покрасить одну стену, потом вторую, немного поспорили, какой оттенок лучше смотрится в углу, и даже посмеялись над тем, как по-разному видят цвета.

Вскоре Макс глянул на часы и с нетерпением стал собираться в гости к Лили. Сердце билось чуть быстрее обычного: он так хотел поделиться всем, что накопилось, рассказать про кулон, про Айлин, про свои страхи. Ему казалось, что, если он просто выговорит всё это вслух, станет хоть чуточку легче.

Мама заметила его сборы и улыбнулась. Она достала нарядную коробку, аккуратно уложила туда ароматные капкейки — каждый на своём месте, чтобы не помялись. Потом перевязала коробку нежной небесно-голубой лентой, завязав аккуратный бантик.

— Ух ты, как красиво Мам, — с восторгом воскликнул Макс, увидев коробку с пирожными в руках матери. Его глаза сияли. — Им точно понравится!

— Несомненно! — добродушно ответила мама. — Пожалуйста, будь дома к восьми.

— Хорошо, мамуль, ну я побежал! — отозвался он, стараясь не выдать, как сильно трепещет сердце в предвкушении встречи. Он быстро поцеловал маму в щёку и, крепко держа в руках драгоценную коробку, выскочил за дверь. Макс медленно шёл к дому Лили, и внутри всё сжималось от волнения. Тревога, будто упрямая тень, не отставала ни на шаг — кралась следом, нашептывала глупые сомнения. Он пытался дышать глубже, но сердце всё равно кололось, где-то у самого горла.

Едва он приблизился к воротам, как оглушительный лай Вулкана разорвал тишину. Макс вздрогнул так сильно, что коробка с капкейками едва не выскользнула из рук. Он застыл, будто ноги вросли в землю, и смотрел на эти ненавистные ворота, не решаясь сделать следующий шаг. В голове мелькнула мысль: «Может, лучше уйти? Написать ей потом...»

Но тут из дома выбежала Лили. Услышав яростный лай, она сразу поняла, кто стоит у ворот. Её сердце дрогнуло при виде друга, такого растерянного и напряжённого.

— Не бойся, входи. Он не кусается, — ласково проговорила она, и в её голосе было столько спокойствия, что тревога на миг отступила.

Макс наконец решился: распахнул ворота и неспешно пошёл к Лили, которая ждала его у дверей.

— Привет! — тихо сказал он, стараясь звучать обычно, будто ничего особенного не происходит. Но голос всё равно чуть дрогнул.

— Привет! Проходи! — улыбнулась Лили, и её улыбка сразу сделала всё чуть проще.

Он переступил порог, и тут же его окутало привычное домашнее тепло. В прихожей стояли родители Лили — миссис Беннет смотрела на него с мягкой улыбкой, а мистер Беннет чуть наклонил голову, будто приветствовал старого друга. В их взглядах не было ни строгости, ни равнодушия — только искреннее радушие.

В животе у Макса всё сжалось, кровь прилила к лицу, и он понял, что краснеет. Ему казалось, будто все видят, сколько всего сейчас творится у него внутри: и страх, и надежду, и ту самую тайну, которую он так хотел кому-то рассказать, но боялся показаться нелепым, боялся, что взрослые подумают: «Да он просто нафантазировал».

— Здравствуй, Макс. Очень рады тебя видеть! — мягко сказала миссис Беннет, и её голос прозвучал как тихий оберег, который чуть-чуть отогнал тревоги.

— Здравствуйте, — ответил Макс, протягивая коробку с капкейками. Он старался говорить твёрдо, но голос всё равно звучал тоньше обычного. — Это вам.

— Ах, какая прелесть! Какой же ты внимательный, спасибо огромное! — воскликнула мама Лили, принимая коробку с такой бережностью, будто это был не просто десерт, а маленький знак доверия. — Проходи в гостиную, устраивайся.

И Макс вдруг почувствовал, как напряжение понемногу отпускает плечи. Искренняя радость взрослых согрела его, и он не смог сдержать лёгкую улыбку. Сердце наполнилось теплом — таким знакомым, будто он вернулся домой после долгого и беспокойного дня.

Проходя в гостиную, он вдыхал уютный запах дома: чуть сладковатый, с нотками ванили и свежей выпечки. Здесь пахло спокойствием. И впервые за долгое время ему показалось, что, может быть, сейчас самое время всё рассказать.

Гостиная поражала простором и светом — будто сюда специально пускали все солнечные лучи, чтобы в комнате всегда было тепло.

В центре стояли два больших светло-бежевых дивана. Макс сразу подумал, что на них наверняка очень уютно — обивка выглядела такой мягкой, что хотелось просто плюхнуться и посидеть, ни о чём не думая. На диванах лежали белоснежные подушки с изящными золотыми узорами — будто из сказки про принцесс. Между диванами стоял небольшой столик из тёмного дерева, его поверхность так блестела, что в ней можно было разглядеть своё отражение. На столике — ваза с высокими белыми лилиями. Макс не чувствовал их запаха, но ему казалось, что воздух тут же наполняется свежестью, стоит только представить этот аромат.

Главным в комнате был огромный мраморный камин. Его холодно-белая поверхность ловила свет и будто чуть-чуть мерцала, создавая ощущение, что пламя вот-вот появится само собой. На каминной полке теснились разные мелочи: старинные часы в резном футляре, книги в кожаных переплётах и маленькая бронзовая фигурка крылатого льва — будто страж этого уютного дома. Пол из светлого паркета был отполирован до блеска, а в углу стоял высокий белый стеллаж, плотно уставленный книгами. На верхней полке выстроилась аккуратная коллекция фарфоровых статуэток — крошечных, изящных, будто из другого мира.

Вся комната словно говорила: «Здесь всё на своём месте, здесь безопасно». И Макс вдруг почувствовал, как понемногу отпускает напряжение — здесь было спокойно, почти как дома.

Справа виднелась столовая. Там стоял большой стол, накрытый белоснежной скатертью с золотистыми нитями — в тон подушкам в гостиной. Стол ломился от угощений: румяная индейка, салаты, фрукты и большой розовый торт, украшенный завитками крема и ягодами. Всё выглядело таким нарядным и чистым, что Макс даже стало немного страшно: а вдруг он случайно, что-нибудь заденет или прольёт?

— Присаживайся за стол, — улыбнулась Лили, чуть подтолкнув его вперёд.

Макс, немного робея, прошёл в столовую и сел на стул. Он старался не смотреть по столам, чтобы не выдать, как сильно волнуется. Лили взяла тарелку, положила туда кусочек индейки и немного салата — так заботливо, будто делала это уже тысячу раз.

— Угощайся, — робко сказала она, будто боялась, что он откажется.

— Большое спасибо! — пробормотал Макс, опустив взгляд на тарелку. Аромат индейки был потрясающим, но от волнения кусок не лез в горло. Ему казалось, что все в комнате смотрят на него и пытаются угадать, что творится у него в голове.

Лили села напротив и улыбнулась — просто, без всякого напряжения, так, как умеют только настоящие друзья.

— Не стесняйся, ешь. Мои родители совсем не кусаются, — тихо пошутила она, чуть наклонив голову.

Отец Лили, крупный мужчина с добрыми, чуть смеющимися глазами, кивнул:

— Да, Макс, мы рады, что ты сегодня с нами. Лили много о тебе рассказывала.

От этих слов внутри у Макса что-то тихо оттаяло. Не так уж страшно быть здесь. Не так уж сложно просто посидеть за столом, попробовать индейку и, может быть, чуть позже рассказать Лили то, что так тяжело держать в себе. Он взял вилку, чуть улыбнулся в ответ и подумал: «Ладно. Сначала поем. А потом — разберёмся».

— Очень вкусно, спасибо! — сказал Макс, и в его голосе звучала настоящая искренность, без лишней дрожи. Он наклонился к Лили и тихо, чтобы не мешать общему разговору, прошептал: — Нам нужно поговорить.

— О чём? — едва слышно отозвалась девочка, чуть наклонив голову.

— О заброшенном доме, — так же шёпотом ответил Макс.

Лили на мгновение замерла, в её глазах мелькнуло удивление, смешанное с любопытством. Она прикусила нижнюю губу, будто прикидывала, когда лучше выкроить время, а потом шепнула:

— Ладно, давай позже. Когда сможем побыть одни.

— Хорошо, — кивнул Макс, и внутри у него всё будто встало на место: Лили не отмахнулась, не стала смеяться, просто согласилась подождать. Этого оказалось достаточно.

Разговор за столом постепенно оживал. Родители Лили делились весёлыми историями: вспоминали, как маленькая Лили всерьёз пыталась научить кота кататься на роликах, и рассказывали про семейные пикники, где всё шло наперекосяк — и именно эти нелепые случаиности потом вспоминались с самым тёплым смехом.

Макс поначалу прислушивался насторожённо, будто примерял эти рассказы на себя, проверяя, подойдут ли они к его миру. Но понемногу он втягивался: улавливал оттенки интонаций, улыбался в ответ на удачные шутки, а иногда и сам тихонько посмеивался. И с каждым таким мгновением напряжение таяло — ему становилось спокойно, будто он наконец нашёл своё место в этом разговоре.

С особым интересом он слушал про детство Лили, про её озорные выходки и про семейные обычаи, которые бережно хранили и передавали из поколения в поколение. Эти истории словно приоткрывали дверь в особый мир, и Макс чувствовал себя его частью — будто он знал этих людей давным-давно и просто ненадолго отлучился, а теперь вернулся домой.

— Все было очень вкусно! — застенчиво проговорил мальчик, промокнув губы салфеткой, — особенно торт. Огромное спасибо, мистер и миссис Беннет.

— Всегда пожалуйста! Капкейки были восхитительные. Передай большую благодарность своим родителям.

— Обязательно! — улыбнувшись ответил Макс.

После ужина отец Лили предложил сыграть в настольную игру. Макс с радостью согласился, и вскоре они все вместе увлеченно бросали кости и передвигали фишки по полю. Смех и шутки не смолкали, а атмосфера в доме наполнилась еще большей теплотой и радостью.

— Мам, можно мы у меня посидим, поболтаем? — спросила Лили, обращаясь к маме.

— Конечно, мои дорогие, идите, общайтесь.

Макс и Лили поднялись в комнату девочки на втором этаже, где царил ее собственный, такой хрупкий и нежный мир.

— Заходи! — с лучезарной улыбкой Лили распахнула дверь, приглашая Макса в свой мир.

Мальчик вошел и с любопытством огляделся.

Комната была не большая, но очень уютная. Как раз для девочки. Возле окна стояла кровать, укрытая мягким бежевым пледом, утопающая в белоснежных и розовых подушках. Над ней мерцала гирлянда огоньков, обрамляя фотографии Лили, запечатлевшие мгновения ее жизни: вот она с тортом, вот с котёнком, вот строит серьёзную рожицу. Каждый снимок — как маленькая история, и все они вместе складывались в весёлую летопись её жизни. Рядом стоял стол, а на нём — ноутбук, стопка книг и целая россыпь милых мелочей: заколки, брелки, какие-то записки, сложенные в крошечные треугольнички. В общем, та самая «девчачья ерунда», без которой комната была бы совсем не такой живой. Серые стены казались светлыми, наполняя комнату теплом и уютом. На полу лежал бежевый ковер, наверное, под цвет покрывала. Или покрывало под цвет ковра. В общем все как-то сочеталось. И, конечно же, подвесное кресло, укутанное мягкой подушкой и пледом. Наверняка это было самое любимое место Лили, ее личный уголок покоя и мечтаний.

— Садись, — махнула головой девочка в сторону кровати.

— У тебя тут классно! — восхищенно выдохнул Макс.

— Так, о чем ты хотел поговорить? — с нетерпением спросила она, предчувствуя что-то важное.

Макс на мгновение растерялся, словно позабыл о цели своего визита, очарованный её прекрасной комнатой. Он медленно обвёл взглядом подвесное кресло, гирлянду, фотографии на стене — и на секунду ему показалось, что все тайны мира могут подождать, что можно просто остаться здесь, в этом уютном уголке, и болтать о чём-нибудь обычном: о школе, о любимых фильмах, о старых друзьях.

— Ах да, — глубоко вздохнул он, собираясь с духом. И тут же реальность снова навалилась тяжёлым грузом, вытеснив мимолётное ощущение покоя. Он чувствовал, как слова застревают в горле, будто цеплялись за что-то внутри, не желая вырываться наружу. Ему было страшно — не столько от самой истории, сколько от того, как Лили на неё отреагирует. Пове- рит ли? Или решит, что он начитался комиксов и теперь всё смешивает с реальностью?

— Ты не представляешь, что сегодня произошло, — наконец выговорил он, глядя прямо на девочку, будто хотел по её глазам сразу понять: готова ли она услышать эту странную, почти невозможную правду. — Ко мне приходила внучка той ведьмы из заброшенного дома.

Лили, не в силах сдержать потрясения, распахнула глаза, и в них отразилось нескрыва- емое изумление — будто Макс вдруг заговорил на языке, которого она никогда раньше не слышала. Её сердце забилося быстрее, гулко и торопливо, от неожиданности услышанного. Неужели это правда? Внучка таинственной ведьмы? Сама мысль об этом вызывала дрожь — смесь волнения, детского любопытства и даже лёгкого страха, который бывает, когда слышишь страшную сказку, но всё равно просишь рассказать ещё.

— Шутишь, что ли? — прозвучал её полный недоверия вопрос, и голос чуть дрогнул. — Откуда ей известно про тебя и твой дом? Это же... это вообще как?

— У меня нет ни малейшего представления! — Макс покачал головой, и в этом жесте было столько растерянности, что Лили невольно поверила: он не выдумывает, не пытается её разыграть. — Но одно я знаю наверняка: она точно не простая девчонка. Она заявила, что знает обо мне всё. И ей нужно открыть мне какую-то важную тайну... И ещё кое-что... Когда мы были в том доме, я наткнулся на это, — с этими словами Макс достал из кармана таинственный кулон и протянул его Лили, будто передавал не просто вещь, а часть своей тревоги, надеясь, что вместе с ней станет чуть легче её нести.

Лили с осторожностью перевела взгляд на кулон. Круглый, загадочный, с плотно сомкну- тыми створками, он манил и отталкивал одновременно — словно маленькая запертая дверь, за которой прячется что-то важное. На лицевой стороне в вечном полёте застыла птица с распах- нутыми крыльями, а на обратной стороне виднелись символы — похожие на буквы, но чуж- дые, незнакомые, будто вырезанные на каком-то древнем языке, который никто уже не помнит. Никогда прежде ребята не встречали ничего подобного: ни в книгах, ни в фильмах, ни даже в самых странных снах.

— Боже, какой он красивый! — вырвалось у Лили, полной изумления. Она потянулась к кулону, но тут же отдернула руку, будто боялась, что он окажется горячим или вдруг щёлкнет, раскрывшись сам по себе. — И что теперь с ним делать?

— Я не знаю, правда, — тихо признался Макс, и в его голосе прозвучала такая искрен- ность, что Лили вдруг поняла: он действительно не знает, как поступить, и пришёл к ней не ради приключений, а потому что испугался и не хотел разбираться с этим в одиночку. — Но у меня такое чувство, что он не так прост, как кажется. С его помощью Айлин как-то узнала, кто я и где живу. Какая-то связь между ними точно есть.

— Айлин? — тихо переспросила девочка.

— Да, это её имя, — кивнул Макс. — Она так представилась. И сказала... сказала, что теперь этот кулон — вся моя жизнь.

В комнате на мгновение повисла тишина. Гирлянда мягко мерцала, отбрасывая на стены крошечные золотистые блики, а кулон в руке Макса будто стал тяжелее, словно впитывал в себя все невысказанные вопросы и страхи. Лили смотрела на него, пытаясь соединить в голове все кусочки: заброшенный дом, таинственную девушку, странные слова и этот загадочный предмет. И чем дольше она смотрела, тем яснее понимала: каким бы невероятным это ни казалось, Макс говорит правду. А значит, впереди их ждёт что-то куда более серьёзное, чем просто страшная история на ночь.

— Я же говорила, что нам не стоило туда ходить! К чему это все приведет? А вдруг она тоже ведьма? У меня сердце не на месте!

— Не думаю. Она сказала, что ее цель – защитить меня.

— Защитить? От кого?

— Это я и хочу узнать. Она обещала найти меня и все объяснить, открыть правду. И умоляла никому не рассказывать об этом. Ты – единственная, кто знает. Только ты!

— Я никому! — твёрдо заявила Лили, подняв голову и глядя прямо на Макса. В её взгляде читалась решимость, и он вдруг почувствовал, что может ей доверять.

Они ещё с полчаса сидели, прижавшись к подушкам, и снова и снова перебирали каждую деталь: слова незнакомки, её взгляд, странный кулон, заброшенный дом. Каждый раз, когда один из них вспоминал какую-нибудь мелочь, другой тут же подхватывал: «А помнишь, как она сказала...», «А вдруг это значит...». Им казалось, что если они обсудят всё до последней запятой, то тайна станет чуть понятнее, а страх — чуть тише. Они боялись отпустить этот момент, будто, как только разойдутся по домам, магия разговора рассеется, а тревога вернётся с новой силой.

— Наверное, мне пора, — взглянув на часы, негромко промолвил мальчик. — Дома ещё нужно кое-что успеть... Да и родители, наверное, уже волнуются.

— Да, ты прав, мне тоже, — вздохнула Лили, неохотно поднимаясь с кровати. В её движениях чувствовалась лёгкая грусть от расставания, будто день закончился чуть раньше, чем хотелось.

Она проводила Макса до прихожей, тихонько шаркая тапочками по полу.

— Еще раз огромное спасибо за ужин! — обратился он к родителям Лили с искренней благодарностью. — Все было очень вкусно! Но мне пора.

— Рады были увидеться с тобой, Макс, — мягко улыбнулась миссис Беннет, подходя чуть ближе. — Заходи к нам почаще. Ты всегда здесь желанный гость.

— И вот, возьми, — она протянула ему небольшую коробку с тремя кусочками торта. — Угостишь от нас свою семью. Пусть и у них будет немного этого вечера.

— Огромное спасибо миссис и мистер Беннет. До свидания!

— До встречи! — кивнул мистер Беннет, чуть улыбнувшись.

— Mam, я провожу Макса до ворот, чтобы Вулкан не лаял, а то он опять перепугает всех соседей...

— Конечно.

Ребята подошли к воротам, и на мгновение будто замерли — не хотелось, чтобы этот вечер заканчивался.

— Завтра как обычно? — поинтересовалась девочка, чуть приподняв голову и глядя на друга из-под ресниц.

— Да, конечно! — ответил Макс с сияющей улыбкой, и в этот момент все тревоги, все странные загадки дня будто отступили куда-то далеко. — Спасибо, что пригласила. Теперь моя очередь приглашать тебя к нам. Может, испечём что-нибудь вместе? Или просто посидим, Джесси будет рада тебя видеть.

Лили застенчиво улыбнулась в ответ, потупив взгляд, и слегка покачала головой, будто стеснялась своей радости.

— До завтра, — тихо сказала она.

— До завтра, — повторил Макс, не сводя с неё глаз, будто хотел запомнить каждую деталь: лёгкий румянец, блеск в глазах, выбившуюся из причёски прядь.

Они ещё секунду постояли, улыбаясь друг другу, а потом Лили махнула рукой, повернулась и пошла по дорожке к дому. Мальчик стоял и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью, и только потом развернулся и пошёл в свою сторону.

Он шёл медленно, почти не замечая дороги, и улыбался сам себе. Его переполняло счастье, и это чувство было таким ярким, что казалось, будто внутри у него горит маленький тёплый огонёк.

Лили занимала все его мысли, и сердце трепетно билось в предвкушении новой встречи. Он уже мысленно расставлял в голове дела на завтра: что рассказать ей первым, о чём спросить, может быть, даже прихватить с собой тот самый альбом с наклейками, который пылился на полке, — пусть посмеётся. Ему почему-то хотелось делиться с ней даже такими мелочами.

Этой ночью кулон снова светился. На этот раз еще ярче, чем прежде.

Глава 4

Друзья рядом.

С самого утра безудержный дождь барабанил по стёклам, будто кто-то высыпал на крышу целую гору мелких камешков и теперь гонял их туда-сюда порывистым ветром. Этот монотонный, настойчивый стук лишал покоя, врвался в сон, не давая ни секунды передышки. Макс проснулся от этой назойливой симфонии — она звучала не как привычный шум дождя, а как упрямое требование: «Вставай, хватит прятаться!»

Взглянув на часы, он увидел, что ещё только начало седьмого. До звонка будильника оставался почти час, и Макс решил, что вполне успеет урвать ещё хоть немного сна. Он натянул одеяло до самого носа, зажмурился, старательно отгоняя мысли о школе, о кулоне, о заброшенном доме — о всём, что так настойчиво крутилось в голове. Но тщетно: стоило только начать проваливаться в дрему, как очередной раскат капель по стеклу снова выдергивал его в реальность. Поспать ему больше так и не удалось.

В комнату тихо вошла мама.

— Милый, пора вставать, — негромко, но твёрдо сказала она.

— Я не сплю, мам, — пробурчал Макс, не открывая глаз. — Этот проклятый дождь... Он будто специально решил испортить мне утро.

— Тогда ждём тебя на кухне. Завтрак стынет, поторопись, — спокойно добавила она, поправив край шторы, словно хотела хоть немного приглушить шум ливня.

— Хорошо, — пробормотал Макс прячась под одеяло. — Еще минутку...

— Ждем.

С тяжёлым вздохом Макс поднялся с кровати, будто каждое движение давалось ему с усилием. Он медленно натянул джинсы, накинул любимую тёмно-синюю кофту, потом на секунду замер, проверяя, на месте ли кулон — тот самый, из-за которого всё и началось. Убедившись, что цепочка лежит в кармане, он выдохнул и направился на кухню.

Там его ждала чашка горячего какао — мама поставила её заранее, зная, что утром Макс не любит долгих разговоров. Он сделал пару глотков, чувствуя, как тепло медленно разливается по телу, и на мгновение задержался у окна: за стеклом моросил мелкий дождь, капли стекали по стеклу причудливыми дорожками, а тротуар блестел, будто кто-то рассыпал по нему тысячи крошечных зеркал.

Через полчаса он уже был готов выйти из дома. На улице его ждала Лили — промокшая, но бодрая, с такой энергией, будто дождь только придавал ей сил.

— Ну наконец-то! — воскликнула она. — Я уже думала, ты вообще не выйдешь!

Они двинулись по мокрой дороге, и почти сразу разговор понёсся вперёд, обгоняя их шаги. Они увлечённо обсуждали заброшенный дом — вспоминали каждую деталь. В этом вихре время пролетело незаметно. Они спорили, перебивали друг друга, смеялись над собственными теориями, и казалось, что весь мир сузился до этой мокрой улицы, их голосов и тайны, которая тянулась за ними, как невидимая нить. И вот, когда они уже почти дошли до школы, воздух прорезал резкий, пронзительный звонок на урок. Звук ударил по ушам, возвращая их в реальность.

— Вот чёрт, опоздали! — воскликнула Лили с досадой. — Бежим!

Она сорвалась с места, её кроссовки заскользили на мокром асфальте, но она удержалась и помчалась вперёд. Макс бросился за ней, сердце колотилось, где-то у самого горла, а в голове мелькнуло: «Только бы не потерять кулон!»

Но именно в этот момент он случайно выронил его из кармана. Кулон выскользнул, мелькнув тусклым блеском, и с глухим стуком упал на землю. Макс резко затормозил, будто

налетел на невидимую стену. Он присел, схватил кулон и, не веря, что чуть не лишился его, принялся пристально осматривать.

Убедившись, что кулон цел, мальчик на секунду прижал его к груди, словно извиняясь за то, что чуть не потерял. Потом, чтобы больше не рисковать, он надел его на шею, аккуратно заправил цепочку под кофту и прикрыл тканью — теперь кулон был надёжно спрятан.

Лили ждала его у входа в школу, под навесом, постукивая ногой по бетонной ступеньке.

— Ну что ты там возишься? Давай быстрее! — крикнула она, махнув рукой. — Нас сейчас завуч заметит — и всё, пиши пропало!

— Идём! — отозвался Макс, выпрямляясь и делая глубокий вдох.

В тот момент, когда он переступил порог школы, его охватило странное чувство — будто невидимая рука сжала сердце, наполнив душу необъяснимой тревогой. Воздух здесь казался гуще, чем на улице, будто пропитался тишиной и чем-то ещё, чему Макс не мог подобрать названия.

Школа встретила их безлюдными коридорами. Тишина звенела в ушах, и этот звон был почти осязаемым — он отражался от холодных стен, скользил по гладким плиткам пола, застревал в углах. Все ученики находились на занятиях, и от этого пустота коридоров казалась не просто отсутствием людей, а чем-то нарочитым, словно здание само по себе затаило дыхание.

Ребята побежали на второй этаж, их шаги гулко отдавались в тишине, эхом катились вперёд, будто торопились предупредить: «Они идут!». Дверь в класс была распахнута, и они вошли, чуть запыхавшиеся, с лёгким румянцем на щеках — будто только что вырвались из какой-то другой, более живой реальности.

— Ну вот, опоздавшие явились, — не очень ласково произнесла учительница, не отрывая взгляда от журнала. Её голос прозвучал сухо, как шелест бумаги, и на мгновение даже заглушил ту странную напряжённость, что витала в воздухе.

— Здравствуйте, извините нас, мы задержались у лавки с круассанами, — попыталась вывернуться Лили, привычно пряча неловкость за лёгкой улыбкой. В её голосе слышалась та самая непринуждённость, которая всегда помогала сглаживать острые углы.

— Здр... — Макс не успел закончить фразу.

Он посмотрел в сторону стоящих возле парт учеников — и его резко окутал страх, тяжёлый, густой, будто вдруг на плечи навалился невидимый груз. То, что он увидел, было невероятно, и реальность будто треснула по швам, обнажив что-то совершенно иное. Он стоял и не мог прийти в себя, слова застряли в горле, а мир вокруг замер.

Половина класса перед ним были не люди, а существа, наполовину напоминающие птиц. В целом они выглядели как люди — с двумя ногами и руками, но детали выдавали их чужеродность. На спине у каждого темнели чёрные, длинные крылья, словно сотканые из вороньего пера; они достигали земли, когда существа стояли прямо, и даже в неподвижности казались живыми — будто в любой момент могли взметнуться вверх, рассекая воздух. Эти крылья не были простыми придатками: они были сложными, подвижными, с чётко различимыми перьями, похожими на перья хищных птиц, но чёрными как уголь, без единого белого пятнышка. Каждое перо, казалось, поглощало свет, не отражая его, и от этого крылья выглядели почти как прорехи в самой реальности.

Кожа у существ была бледной, почти прозрачной, сквозь неё просвечивались тонкие, словно паутинки, вены, едва заметные, но от этого ещё более тревожные. Глаза — большие, тёмные, с вертикальными зрачками, как у кошки, — блестели неестественным внутренним светом, будто в них тлел крошечный огонь, не дающий тепла. Их лица были изящны, с тонкими чертами, но нос был слегка крючковатым, а уши — слегка заострёнными, напоминая эльфийские, и эта смесь знакомого и чуждого делала их облик особенно пронзительным. Когти на

их длинных, изящных пальцах были острыми как иглы и имели необычный перламутровый оттенок — будто отливали не светом, а какой-то иной, скрытой субстанцией.

Они казались не просто существами, а неким мостом между мирами, тонкой гранью, где одно переходит в другое. Их нахождение здесь было не случайно — в этом Макс был уверен. Они пришли с целью, которая оставалась загадкой, и сама эта тайна витала вокруг них, как едва уловимый запах озона после грозы. Но сам их вид, их неземная красота, сочетающаяся с неизбежным ощущением скрытой мощи, навсегда запечатлелась в памяти. Они были и прекрасны, и ужасны одновременно — загадка, зашифрованная в каждом движении их чёрных крыльев, в каждом взгляде их необычных глаз. Кто они? Представители неизвестной расы? Ангелы или демоны? Или что-то ещё, совершенно непостижимое для человеческого воображения? Ответ на этот вопрос лежал глубоко в тени их непроницаемых взглядов, и, возможно, он так и останется неразгаданной тайной...

Макс почувствовал, как по спине пробежал ледяной холодок, а пальцы невольно сжались в кулаки, будто тело само искало способ защититься от того, что не укладывалось в голове. Он судорожно втянул воздух, пытаясь вернуть себе хоть каплю ясности, и, наклонившись к Лили, шепнул ей на ухо, так тихо, что сам едва слышал собственный голос:

— Ты тоже это видишь?

— Вижу что? — с интересом и удивлением переспросила девочка, слегка нахмурившись, будто пыталась понять, о чём он говорит, и в её взгляде не было ни тени страха — только искреннее недоумение.

Макс попятился назад, словно от невидимой опасности — так резко, что подошва кроссовка зацепилась за высокий порог класса. Он нелепо взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но тщетно: рухнул на пол, жёстко ударившись локтем. Боль вспыхнула острой искрой, но он её даже не заметил — леденящий ужас затмевал всё. В глазах потемнело, в ушах нарастал гул, будто мир сузился до одной-единственной мысли: «Бежать». Вскочив, он бросился прочь из класса, едва не сбив с ног зазевавшегося младшеклассника в коридоре.

Лили смотрела вслед убегающему другу глазами, полными смущения и неразрешенных вопросов. Она медленно подошла к парте, где сидел Дилан и села рядом, чувствуя его тревогу.

— Что с ним случилось? — спросил мальчик, его лицо выражало искреннее недоумение.

— Сама не понимаю, — прошептала Лили. Она почувствовала, как волна необъяснимой тревоги накрывает её с головой. Она видела ужас в глазах Макса, его внезапный, неконтролируемый страх — такой сильный, что он буквально стёр с лица все остальные эмоции. Что могло так сильно испугать его? Что он увидел в этой обычной комнате, среди привычных вещей и знакомых лиц? Она знала Макса, он не был трусом, он был сильным и уверенным в себе. Но сейчас он бежал, будто преследуемый демонами.

Она посмотрела на Дилана, и увидела в его глазах такое же недоумение, как у себя — будто они оба оказались посреди головоломки, у которой пропала половина деталей. Бросив взгляд на Стейси, она заметила и ее растерянность, с глазами полными вопросов. Лили молча ответила ей, пожав плечами — этот жест получился каким-то беспомощным, слишком маленьким для той бури эмоций, что бушевала внутри.

Макс вырвался из стен школы и помчался в близлежащий парк, словно ища там спасение. Обессиленно рухнув на скамейку, он пытался понять, что же сейчас было в школе и что это за существа... Дождь хлестал без устали, будто сам мир оплакивал его смущение. Капли барабанили по скамейке, стекали по плечам, пробирались под воротник, но Макс почти не замечал холода — его трясло от другого, от чего-то куда более глубокого и тёмного. Парк казался пустынным убежищем: ни прохожих, ни собачников, ни влюблённых парочек — только голые ветви деревьев, склонившиеся под напором ветра, да редкие фонари, светившие тускло, словно боялись привлечь к себе внимание.

Внезапно его пальцы сами собой коснулись кулона на шее — маленького, тяжёлого, с непонятным узором, который будто вибрировал под кожей. Макс резко снял его, словно вещь вдруг стала обжигающей. Какое-то время он держал кулон в дрожащей руке и пристально рассматривал, пытаясь разгадать его тайну: откуда он у него, почему кажется одновременно знакомым и чужим, будто принадлежал кому-то другому, а теперь по ошибке достался ему. На металле тускло играли отблески света, и Макс на миг почудилось, что узор шевелится, складываясь в незнакомые символы.

Неожиданно рядом появилась Айлин. Она возникла будто из ниоткуда — ни шагов, ни шороха, просто вдруг оказалась там, где секунду назад никого не было.

— Поговорим? — спросила она тихо, раскрывая чёрный зонт с потрёпанными краями и аккуратно укрывая его от ледяных капель. Голос её звучал спокойно, почти буднично, будто сидеть под ливнем и предлагать поговорить — самое обычное дело.

Макс вздрогнул от неожиданности, будто призрак прошлого возник прямо перед ним. Сердце подпрыгнуло к горлу и замерло, где-то у самого кадыка.

— Откуда ты? Как ты здесь...? — запинаясь пробормотал он, растерянный и испуганный. — Как ты сюда попала?

— Сейчас не об этом, — твёрдо ответила девушка. Её пронзительный взгляд скользнул сначала по его бледному лицу, задержался на влажных волосах, прилипших ко лбу, а затем остановился на кулоне, зажатом в его пальцах. В её глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание — или на тревогу.

— Что это за вещь? Зачем он мне? От кого ты хочешь меня защитить? И что вообще сейчас было в школе? Кто эти... Кто это вообще? — в отчаянии закричал Макс, глядя на Айлин так, будто она была единственным якорем в этом сходящем с ума мире. Голос сорвался, и последние слова прозвучали почти как всхлип.

— Так, стоп! Не обязательно, чтобы нас все слышали и думали, что у тебя крышу развернуло с запада на восток, — спокойно, но твёрдо прервала его девушка. Она чуть наклонила зонт, прикрывая их обоих плотнее, и кивнула куда-то в сторону: там, за кустами, мелькнула фигура прохожего в жёлтом дождевике — он шёл, уткнувшись в телефон, и пока не обращал на них внимания, но мог в любой момент поднять голову.

Он мгновенно замолк, оглядываясь по сторонам с виноватым видом, будто его поймали на чём-то постыдном. Боялся, что их разговор услышит кто-то посторонний, что кто-нибудь заметит, как дрожат его руки, как расширены зрачки, как весь он сейчас — один сплошной оголённый нерв. И ещё боялся, что если кто-то вмешается, этот хрупкий, едва наметившийся разговор оборвётся, а вместе с ним исчезнет и последняя надежда хоть что-то понять.

— Давай прогуляемся, — нежно предложила Айлин, кладя руку на плечо Максу и указывая взглядом на тихий пруд, мерцающий в центре парка. В этот момент как по волшебству дождь отступил, и первые лучи солнца пробились сквозь пелену туч. Айлин с лёгким щелчком сложила зонтик — тот послушно сжался, стряхнув с купола несколько упрямых капель, которые звонко ударились о брусчатку. На её лице расцвела светлая улыбка, в которой читалось тихое торжество, будто она сама причастна к этому внезапному прояснению.

Мальчик, будто зачарованный, перевёл взгляд на просветлевшее небо — на то, как тяжёлые свинцовые тучи медленно расплзались, открывая лоскутки лазури. Затем он посмотрел на Айлин, в её глаза, где отражался этот новый, умытый мир. Не веря в чудо, он вытянул руку, растопырив пальцы, и ощутил исчезающие капли на ладони — холодные, лёгкие, почти неведомые. Он провёл по коже большим пальцем, стирая влагу, удостовераясь, что дождь действительно прекратился, что это не сон и не игра воображения.

— Ого! — с удивлением произнёс мальчик, приподнимая брови, словно пытался разгадать загадку. — Это ты сделала?

— Что сделала? — с лукавой улыбкой переспросила Айлин, чуть склонив голову набок. В её глазах плясали искорки веселья, а в уголках губ пряталась едва заметная хитринка.

— Дождь... Как он так быстро прекратился? — Макс обвёл рукой вокруг, будто хотел охватить разом весь парк, эти мокрые скамейки, блестящие от влаги кусты и внезапно ставшее ясным небо.

— Ах, дождь... — Айлин легко пожала плечами, и в этом жесте было столько непри-
нуждённости, будто она каждый день управляла погодой. — Просто мне кажется, так гораздо лучше, не так ли?

— Но как это возможно? — в его голосе смешались восхищение и недоверие, словно он балансировал на грани между верой в чудо и попыткой найти разумное объяснение.

— Пустяки, — заверила она с теплотой, мягко коснувшись его руки. — Когда-нибудь и тебя научу. Ну, или хотя бы расскажу пару секретов.

Он медленно поднялся, бережно снял рюкзак, чувствуя под пальцами привычную шеро-
ховатость ткани и холодные металлические застёжки. Торопливо, почти украдкой, спрятал кулон в боковой карман — тот самый, куда обычно клал самые важные мелочи. Металл едва ощутимо звякнул, скользнув по подкладке, и Макс невольно вздрогнул, будто звук этот был слишком громким для тишины вокруг.

Перекинув рюкзак через плечо, он замер на секунду, прислушиваясь к себе: в груди тес-
нилось сразу столько чувств, что трудно было разобрать, где кончается надежда и начинается волнение. И всё же, полный этого странного, трепетного ожидания, Макс последовал за Айлин к пруду, по тропинке, усыпанной золотым ковром опавших листьев, шуршащих под ногами.

Сердце Макса трепетно забилося, словно хотело вырваться из груди в предвкушении чуда. В присутствии Айлин обыденность отступала, растворяясь в ореоле необъяснимой магии, которая будто струилась от неё лёгкими, едва уловимыми волнами. Даже воздух рядом с ней казался другим — чище, прозрачнее, наполненным каким-то особенным смыслом. Он чув-
ствовал себя избранным, допущенным к тайне, которую ещё предстояло узнать, и от этого по спине бежали мурашки.

— Этот кулон, который теперь принадлежит тебе, не совсем обычная безделушка...

— Это я уже понял, — с ноткой горечи проронил мальчик. В глубине души он совсем не желал владеть этой вещью. Предчувствуя, что она принесет только беды.

— Начну с антримексов, именно так называют этих полулюдей, полуптиц, которых ты сейчас видел у себя в классе — замедленно продолжила девушка, будто подбирая слова, чтобы они не прозвучали слишком дико. — Они уже много лет живут наравне с людьми. Им при-
шлось, не было выбора. Они абсолютно безобидны и тебе не стоит их бояться. Но есть еще одно существо, отличающееся от антримексов — гигантский орел. Он не просто большой, он огромный. И пока он находится в другом мире, мы все в безопасности, но в любой момент он может попасть в наш мир и уничтожить не только антримексов, но и людей. Он считает, что антримексы — это угроза и хочет уничтожить их всех, чтобы сохранить свою власть. А люди... они просто окажутся под его когтями.

Макс, скептически изогнув бровь, слушал Айлин. Её слова хоть и звучали захватывающе, казались ему очередной выдумкой — такой же, как сюжеты фантастических фильмов, кото-
рые он так любил пересматривать по вечерам, замороженно следя за невероятными битвами и невозможными чудесами. Только сейчас перед ним сидела не актриса на экране, а живая Айлин — и это сбивало с толку.

Её голос то чуть дрожал, то становился твёрже, будто она сама пыталась удержать в себе эту странную правду и не дать ей рассыпаться от малейшего сомнения. А в её глазах, в самой их глубине, Макс вдруг увидел, что-то... настоящее. Не игру, не попытку впечатлить — искрен-
ний отсвет того, во что она сама безоговорочно верила. Что-то, что заставляло поверить и его, несмотря на всю абсурдность ситуации.

Огромный орёл, способный убивать людей и антримексов? Звучало невероятно, почти нелепо — словно строчка из какой-то мрачной легенды или забытой сказки, которую рассказывают шёпотом у костра. Но Айлин говорила с такой убедительностью, с такой неподдельной дрожью в голосе, что сомнения постепенно отступали, растворяясь в напряжённой тишине комнаты. И где-то внутри у Макса зарождалось странное чувство: а вдруг это всё-таки правда?

— Зачем ему кулон? — поинтересовался Макс.

— Ты ведь заметил, он открыл тебе глаза на этих созданий, — тихо ответила Айлин, не отводя взгляда. — Но его дар этим не ограничивается. О других его свойствах ты узнаешь позже, когда придёт время. Именно поэтому он будет одержим его поисками. Он жаждет заполучить всю его мощь — эта мысль словно въелась ему в кости, стала навязчивой идеей, от которой он уже не сможет избавиться. В разных ситуациях, связанных с антримексами, кулон будет действовать по-разному. Он может стать щитом, укрывающим от смертоносных чар, либо смертельным оружием, способным испепелить врага одной только вспышкой. Но это зависит от того, кому он принадлежит. Поэтому он не должен попасть в плохие руки. А точнее — лапы... — Айлин чуть скривила губы, будто сама почувствовала горечь от этих слов. — Его нужно охранять всеми возможными и невозможными способами. Ты уязвим, и тебе самому нужна защита. А я помогу тебе в этом.

Макс, несмотря на свой скептицизм, затаил дыхание. Он смотрел на Айлин, на её прекрасное, но немного усталое лицо, на её большие чёрные глаза, в которых читалась не просто решимость, а груз долгих ночей и тяжёлых решений. Ему стало не по себе — не от страха перед выдуманным орлом, не от жутких историй, а от чего-то другого... от неизъяснимого ощущения правды, которое исходило от девушки, словно тихий, но уверенный гул, проникающий под кожу.

— Но как... как ты можешь мне помочь? — растерянно спросил мальчик.

— Я — антримекс Макс.

— И ты тоже? — удивленно переспросил он и резко отпрянул назад.

— Не бойся меня. Я лишь хочу помочь. Ведь только я знаю, как сражаться с ним, знаю его слабости, знаю, где он прячется — в каких тенях, в каких заброшенных местах, куда даже свет боится заглядывать. Но и мне нужна помощь. Твоя помощь. А этот кулон — ключ к победе. Он поможет нам найти орла и победить его.

Мальчик не знал, верить ли ей, существовала ли эта угроза на самом деле, но что-то в ее глазах, в ее голосе, в ее уверенности заставляло его поверить.

— И ещё кое-что, — вспомнила она, пристально глянув на Макса, словно пытаясь разглядеть каждую черту его лица. — Обращай внимание на кулон. Он может многое тебе сообщить. При этом он загорается разным светом. Если свет красный, значит, рядом опасность, если жёлтым — значит, должно произойти какое-то важное событие, но не предвещающее опасности.

— Красный-опасность, желтый-событие, не предвещающее беды... — медленно пробормotal мальчик. — Я понял. Буду следить за ним.

— Отлично. И что бы не происходило с кулоном, каждый раз сообщай мне об этом. И мы вместе будем принимать решение о дальнейших действиях.

— Да, конечно.

— Ладно, нужно прощаться. Отправляйся в школу и делай вид, что ничего не произошло. Знаю, будет сложно, но ты справишься. Я верю в тебя.

Девушка обняла мальчика прижав к себе.

— Удачи! — прошептала она, чуть отстранившись, чтобы снова заглянуть в его глаза.

— Макс неуверенно кивнул головой и медленно повернулся в сторону школы пристально посмотрев на нее. Повернувшись в сторону Айлин, он с удивлением обнаружил, что ее нигде нет.

— И как это у нее получается... — фыркнул себе под нос.

Школа встретила его привычным гулом перемены. Коридоры бурлили жизнью, полной юношеского задора и порой бессмысленной агрессии. Шутки, смех, обсуждение последних новостей – жизнь шла своим чередом, будто ничего и не произошло. Но для Макса все изменилось навсегда. Он смотрел на них, этих беспечных, ничего не подозревающих ребят, и чувствовал себя безумно одиноким. В груди мальчика поселилось тягучее чувство тоски. Он с трудом заставил себя идти вперед, сквозь этот шумный людской поток, стараясь не выдать волнения. Каждое лицо казалось чужим, далеким, и только слова Айлин эхом отдавались в голове: «Делай вид, что ничего не произошло». Но как можно притворяться, когда мир вокруг тебя стремительно меняется, когда на плечи ложится такая ответственность.

— Дурдом, — прошептал мальчик, и направился в сторону своего класса. Взор его был прикован к полу, будто там скрывалась разгадка всех бед. Внезапно, словно вихрь, налетел старшеклассник, едва не сбив его с ног.

— Эй, смотри куда прешь! — грубо бросил он.

Макс поднял глаза, встретившись взглядом с обидчиком, который, не удостоив его вниманием, прошел мимо. Мальчик застыл как вкопанный глядя ему в след терзаясь вопросами: «Кто же он, антримекс или обычный человек...» Другие ребята проходили мимо, каждый раз случайно толкая его в плечи, но Макс этого будто не замечал. Его сейчас волновало совсем другое. Он все прокручивал в голове недавно состоявшийся разговор с Айлин. Вдруг почувствовав чью-то руку у себя на плече, Макс обернулся. Это была Лили.

— Ты куда пропал? Что случилось? — в ее голосе звучала искренняя обеспокоенность.

Макс всё ещё не мог прийти в себя — перед глазами всё плыло, а в ушах стоял странный гул, похожий на отдалённый шёпот ветра. Он словно только что вынырнул из глубокого сна и никак не мог сообразить, где находится.

— Эй, очнись! — Лили легонько потрясла его за плечо, и от этого простого, человеческого прикосновения Макс вздрогнул, будто его ударило током. — Я с тобой разговариваю.

— А? Что? — резко опомнился мальчик, тряхнув головой, чтобы прогнать остатки странного оцепенения.

— Почему ты убежал? Что произошло? — не унималась девочка, нахмутив брови.

— Я... — заторможено отвечал Макс, подбирая слова, которые звучали бы правдоподобно, но не выдавали бы всей правды. В голове мелькали десятки отговорок, но ни одна не казалась достаточно убедительной. — Живот прихватило, пришлось уйти.

— Уйти? — удивилась она, округлив глаза так, что они стали казаться ещё больше. Лили скрестила руки на груди, и в этом жесте было столько недоверия, что Макс почувствовал себя пойманным на лжи, даже если она была вынужденной. — Да ты вылетел из класса, как ошпаренный, и ничего не сказал. Я думала, ты... ну, не знаю... что-то случилось. Что произошло? Рассказывай.

Мальчик посмотрел в её встревоженные глаза, и внутри него разгорелась тихая борьба: с одной стороны, ему отчаянно хотелось поделиться всем, что с ним происходит, потому что держать это в себе становилось невыносимо; с другой — он помнил слова Айлин о том, что нельзя никому доверять, пока не разберёшься, что к чему. Он не знал, как доверить ей свою тайну, и стоит ли впутывать её в этот кошмар, который с каждым днём становился всё запутаннее. Спасительный звонок прозвенел, даруя ему передышку.

— Ладно, последний урок остался, потом расскажешь, пошли!

Возле класса Макс снова застыл.

— Ну что встал? Заходи! — потребовала Лили, в голосе звенела нетерпеливость, смешанная с лёгким раздражением. — Что, опять живот прихватило?

— Какой живот? — растерянно пробормотал мальчик. Он начисто забыл, что наврал ей про живот минуту назад. — Ах да, живот, да нет, просто задумался. Идем.

Лили быстро прошла по классу, ловко лавируя между партами, и села на своё место у окна — туда, где солнечные лучи ложились тёплым пятном на столешницу и где она всегда раскладывала ручки в строгом порядке, будто от этого зависел порядок во всём мире. Она бросила на Макса короткий взгляд — в нём читалось лёгкое нетерпение и всё та же затаённая тревога, — но тут же отвернулась, делая вид, что целиком поглощена доставанием тетради из рюкзака.

Макс не торопился. Он медленно шёл по проходу, опустив голову вниз и разглядывая ноги одноклассников: потрёпанные кроссовки, кеды с развязанными шнурками, ботинки с поцарапанными носами... Он всматривался под каждую парту боясь увидеть вместо ног лапы с длинными изогнутыми когтями. Страх парализовал его волю, заставляя дрожать всем телом. В голове всплывали обрывки страшных сказок, рассказанных бабушкой на ночь, и они казались теперь не вымыслом, а зловещей реальностью. Что если все эти улыбающиеся лица — лишь маска, скрывающая истинную сущность. Что если за каждым беззаботным смехом таится голодный хищный оскал? Он чувствовал себя чужим, одиноким кораблем в бушующем океане, обреченным на гибель.

— Мы долго будем ждать Вас, Ваше величество? — прозвучал строгий вопрос учительницы, адресованный Максусу. Голос её был ровным, но в нём отчётливо слышались стальные нотки — так она обычно говорила с теми, кто слишком долго задерживал внимание всего класса. Она стояла у доски, слегка приподняв бровь, а её строгий взгляд из-под очков будто проникал прямо под кожу, заставляя чувствовать себя ещё более уязвимым. Класс на мгновение притих, и десятки любопытных глаз обратились к Максусу, словно ожидая, что он сейчас скажет, что-то, что объяснит его странное поведение.

Мальчик вздрогнул, будто его окатили ледяной водой, и, поспешно подняв голову, взглянул на одноклассников. В его глазах плескалось смутение — такое глубокое, что казалось, в них можно утонуть: смесь страха, растерянности и отчаянного желания, чтобы всё это оказалось просто дурным сном. Он обвёл взглядом класс, и на мгновение ему почудилось, что привычные лица ребят исказились, стали чужими, будто кто-то подменил их масками — чуть перекошенными, с неестественно застывшими улыбками. Но стоило моргнуть — и всё возвращалось на свои места: кто-то зевал, кто-то торопливо дописывал что-то в тетради, кто-то шёпотом переговаривался с соседом.

Он резко подошёл к парте, будто боялся, что если задержится хоть на секунду, то снова потеряет опору под ногами. Тяжёлый рюкзак, набитый учебниками, казался сейчас не просто грузом, а чем-то вроде якоря — вещью, которая хоть немного привязывала его к реальности. Макс повесил его на крючок, и металл тихо звякнул, этот привычный звук на миг вернул ему ощущение нормальности. Затем он осторожно опустился на стул, будто боялся провалиться сквозь него, и тут же, не в силах удержаться, с опаской поглядел на свою соседку Стейси.

— Ты чего? — прошептала она, обеспокоенно глядя на Макса. — Странный какой-то. Ты почему с урока сбежал?

— Да... Живот прихватило, — пробормотал мальчик, не находя более убедительного объяснения. Слова прозвучали жалко и неубедительно даже для его собственных ушей, но другого оправдания у него не было.

Он медленно, будто через силу, извлёк из рюкзака учебник и тетрадь, не отрывая взгляда от Стейси, словно боялся, что стоит ему отвести глаза хоть на секунду — и она превратится во что-то совершенно иное. Кто это рядом с ним... Неужели это правда Стейси, обычная девочка из его класса, или же перед ним лишь искусная иллюзия, скрывающая нечто пугающее и опасное?

Звонок, точно освобождение, пронзил воздух. Он еле дождался конца урока: последние минуты тянулись невыносимо долго, каждая секунда растягивалась в целую вечность, а время

будто нарочно замедлило свой бег, издеваясь над его нетерпением. Ему хотелось побыстрее сбежать отсюда, из этого места, где каждый вздох давался с трудом.

Ребята начали собираться: кто-то с грохотом захлопывал тетради, кто-то смеялся, обсуждая планы на перемену, кто-то лениво потягивался, стряхивая с себя остатки скучного урока. Для них это был обычный день, ничем не примечательный, но для Макса класс будто превратился в ловушку, из которой нужно было вырваться любой ценой.

Он тоже встал, медленно и как будто неохотно, словно ноги не хотели подчиняться и начал складывать вещи в рюкзак, но движения выходили неловкими, дёргаными: учебник никак не хотел ложиться ровно, тетрадь выскользнула из пальцев и упала на пол, ручка покатилась по проходу. Каждый промах только усиливал его раздражение и смущение — ему казалось, что все вокруг смотрят на него, обсуждают его странности, шепчутся за спиной.

Неожиданно к нему подлетела Лили. Её рыжие волосы взметнулись в воздухе, а глаза горели решимостью. Она не стала тратить время на вежливые фразы или осторожные расспросы — просто схватила Макса за руку и потянула вперёд.

— Что ты копаешься? Шевелись давай! — выпалила она, и в её голосе слышалось не раздражение, а скорее отчаянное желание вытащить друга из той ямы, в которую он, похоже, проваливался прямо на её глазах.

Он торопливо закинул всё, что ещё оставалось на парте, в рюкзак — даже не глядя, попадёт ли туда то, что нужно. Лили, не теряя ни секунды, потащила его прочь из класса, не давая Максиму ни шанса остановиться или передумать.

— Ты чего? — спросил Макс, не понимая её напора. Он едва успевал за ней, спотыкаясь о собственные ноги и пытаясь одновременно удержать рюкзак и не потерять равновесие. В груди колотилось сердце, а в голове крутилась одна мысль: «Куда она меня тащит?».

— Я чего? Думаешь, я ничего не понимаю? «Ты сам не свой с самого утра», — прошептала она, боясь быть услышанной. — Это все из-за кулона? Что-то произошло?

Мальчик посмотрел ей в глаза, ища в них хоть каплю той уверенности, которой ему самому так отчаянно не хватало и резко выпалил:

— Пошли! Надо поговорить!

В парке Макс выложил Лили все, что услышал от Айлин. Глаза девочки расширились от ужаса, она замерла, словно окаменевшая. Потом резко заговорила:

— Я же так и думала, что эта Айлин какая-то странная, у нее явно проблемы с головой. Она и тебя сюда втянула.

— Если бы не она, я бы просто сошёл с ума. Я бы уже был в психушке, — запнулся Макс, и в его голосе прозвучала горькая, почти отчаянная искренность. Он опустил взгляд на свои руки, которые слегка дрожали, и сжал кулаки, пытаясь унять эту дрожь. — Это правда, понимаешь? Я не псих... наверное.

Лили помолчала, будто взвешивая каждое слово, а потом тихо спросила:

— И что теперь? Что ты собираешься делать?

— Я не знаю, но без Айлин мне не справиться. «И без тебя», — произнес он, глядя в ее полные сочувствия глаза.

— Я то, чем смогу помочь?

— Пока не знаю, — тихо ответил он, и в этом «пока» слышалась надежда на то, что вместе они обязательно что-нибудь придумают. — Но ты мой друг. Мой лучший и единственный друг в этом городе.

— Да уж... — вздохнула Лили.

— Я теперь даже не знаю кто нам Стейси и Дилан. Друзья или враги. Но сейчас хочу просто держаться от них подальше.

Лили, полная сочувствия, прижалась к нему, положив голову на плечо. Её рыжие волосы слегка щекотали его шею, но Макс даже не пошевелился — он был благодарен за это простое,

человеческое тепло, которое на мгновение отогнало холод страха. Они сидели так несколько минут, не говоря ни слова, и тишина вокруг них была не пустой, а наполненной невысказанными мыслями и взаимным пониманием. Ветер играл листьями, где-то вдалеке лаяла собака, а город продолжал жить своей обычной жизнью, не подозревая о том, какие бури бушуют в сердцах двух подростков. Вскоре, каждый погруженный в свои мысли, отправились по домам.

Дома Макс старался вести себя как обычно, не привлекая особого внимания, чтобы никто ничего не заподозрил и не начал задавать разных не нужных вопросов. Ему не хотелось снова врать родителям. Но у него на душе скребли кошки.

Бессонница терзала его почти до рассвета. Мысли об Айлин и ее рассказах об антримексах не давали ему покоя, заставляя метаться в постели. Лишь под утро сон, наконец, смилостивился над ним. Стрелки часов показывали половину пятого, когда веки его сомкнулись, и мир вокруг медленно растаял в серой дымке. Но эти несколько часов покоя были слишком короткими, почти насмешливыми: уже через два часа нужно было снова возвращаться в реальность, надевать привычную маску «обычного школьника» и делать вид, что всё в порядке.

Пробуждение стало настоящей пыткой. Глаза отказывались подчиняться, умоляя ещё о минутке покоя.

— Еще чуть-чуть мам, ну хоть пять минуточек дай поспать, — пробормотал Макс, зарываясь лицом в одеяло, в ответ на настойчивые уговоры мамы.

— Опоздаешь, потом не жалуйся — повышенным тоном отвечала мама. — Завтрак на столе.

— Уже встаю... — прошептал мальчик, пытаясь отогнать остатки сна, чувствуя себя разбитым и уставшим.

С трудом поднявшись, Макс поплелся в ванную, словно старик, отягощенный грузом прожитых лет. Холодная вода, брызнувшая в лицо, лишь на миг прогнала липкую пелену усталости. В зеркале отразилось осунувшееся лицо с темными кругами под глазами – свидетельство мучительной, ночи. Он видел в этом отражении не только внешние признаки бессонницы, но и глубокую внутреннюю тревогу, разъедающую его изнутри.

«Всё будет нормально, — повторял он про себя, стараясь поверить в эти слова. — Просто нужно продержаться до конца дня. А потом я снова поговорю с Лили. Или с Айлин. Кто-нибудь поможет мне разобраться».

Вернувшись в спальню, Макс торопливо закинул в рюкзак нужные учебники. После чего, с дрожью в руках, достал из кармана кулон, его глаза горели внутренним пламенем, изучая каждую деталь. Сердце его бешено колотилось, когда он крепко сжал кулон в кулаке, готовясь со всей яростью, швырнуть его в стену. Непонятная, обжигающая злоба терзала его душу, затмевая разум. В этот момент в комнату тихо вошла мама, и Макс, будто пойманный с поличным, судорожно спрятал кулон за спину, скрывая бурю эмоций, бушевавшую внутри него.

— Ты вообще собираешься завтракать?

— Конечно мам, как раз собирался спускаться, — отозвался парень, натянуто улыбаясь. В его сердце бушевала буря, и мысль о еде казалась кошмарной.

Макс быстро спрятал кулон в глубину рюкзака, затолкав его между учебником и пачкой старых листочков с заметками, будто надеялся, что так он станет менее опасным, менее заметным. С трудом пересилив себя, он направился на кухню, стараясь идти ровно, не шаркать ногами, не выдавать своей усталости и смятения.

За завтраком он машинально жевал тост, не чувствуя вкуса. Слова мамы пролетали мимо ушей, он был погружен в собственные мысли, в водоворот образов и фантазий, навеянных рассказами Айлин. В ее голосе звучала такая искренняя вера, такая неприкрытая боль, что невольно закрадывались сомнения – а вдруг она говорит правду? Вдруг в мире действительно существуют вещи, неподвластные нашему пониманию?

Тяжело вздохнув, Макс отбросил остатки тоста. Он понимал, что не может позволить этим мыслям завладеть им целиком. Ему нужно сосредоточиться на учебе, на друзьях, на обычной жизни. Но слова Айлин, как заноза, засели в его сознании, не давая покоя.

После неудавшегося завтрака, он словно преследуемый выбежал на улицу. Там его уже ждала Лили.

— Привет! Что с тобой? Выглядишь, будто всю ночь не спал, — спросила девочка, заметив его измученный вид.

— Какой тут сон, когда такое происходит. Даже позавтракать толком не смог, — выдохнул он, чувствуя, как тяжесть невысказанного давит на плечи.

Лили заметила, что Макс был чем-то глубоко подавлен, но из деликатности не стала вторгаться с вопросами. Она прекрасно понимала его состояние — оказавшись в подобной ситуации, сама бы ощущала себя потерянной. Всю дорогу их окутывало молчание, точно между ними пролегла пропасть. Лишь у самых ворот школы Макс, с трудом выдавил:

— Ты главное не бойся, ладно? «Я буду рядом», — с тревогой произнес он, крепко сжав ее ладонь.

Лили слабо улыбнулась в ответ, не находя слов. В их глазах отражался общий страх, но признаться в этом друг другу казалось невозможным.

— Прости, что втянул тебя во всё это... Зря я тебе всё рассказал. Жила бы себе спокойно, а теперь... — еле слышно пробормотал мальчик, опустив глаза и уставившись на потрескавшийся асфальт, на крошечную травинку, пробившуюся сквозь щель между плитками. Ему казалось, что, поделившись своей тайной, он не просто впустил Лили в свой кошмар, а навсегда связал её с ним, и эта мысль жгла изнутри, заставляя чувствовать себя виноватым.

— А теперь мы вместе. И что бы ни случилось, я всегда буду рядом. «Понял?» — твердо произнесла Лили.

Макс взглянул на нее и улыбнулся. Осознание, что они есть друг у друга, принесло облегчение, и страх отступил. Взявшись за руки, они вместе направились на урок.

Ворота школы нависали над ними, будто злобная пасть, готовая поглотить в пучину неизведанного. Макс невольно замедлил шаг, и Лили почувствовала, как его рука в её ладони слегка дрожит. Она не отпустила его, напротив — сжала пальцы чуть крепче, стараясь передать ему своё тепло и силу, которой сама на самом деле не чувствовала в полной мере.

Внутри царила гнетущая атмосфера. Взгляды учеников, полные любопытства пронзали их насквозь. Девочка старалась не обращать на них внимания, сосредоточившись лишь на Максе. Она видела его боль, его растерянность, и всем сердцем желала оградить его от этого кошмара.

Когда они вошли в класс, тишина стала почти осязаемой. Казалось, даже воздух вокруг них сгустился от напряжения. Лили крепче сжала руку Макса, передавая ему всю свою поддержку — не словами, а этим простым, твёрдым прикосновением, в котором читалось: «Я здесь, я не отпущу». Она знала, что они пройдут через это вместе, и эта уверенность, пусть и хрупкая, была сейчас самым важным.

Уже сидя за партой рядом со Стейси, Макс решил поговорить с ней. Он подумал, что возможно так будет лучше. Недолго думая, с чего же начать разговор, мальчик придумал план. Он потянулся к пеналу, чтобы достать ручку, и почти уже взял ее в руки, но в эту же секунду, стремительно отложил пенал в сторону и неуверенно, с осторожностью обратился к Стейси.

— Извини, я ручку дома забыл, у тебя не будет запасной? — дрожащим голосом спросил мальчик.

Стейси мгновенно откликнулась и протянула ему ручку из своего пенала.

— Держи.

— С... спасибо, — пробормотал Макс, запинаясь от волнения.

Улыбка Стейси коснулась его сердца, прогоняя остатки колючего холода, который ещё недавно сковывал грудь. Макс принялся переписывать записи с доски, и ровные строчки, выводимые чужой ручкой, будто возвращали мир на привычные рельсы. Изредка, украдкой поглядывая на соседку, он начал видеть в ней обычную девчонку, такую же, как и все, со своими переживаниями, своими мечтами, своими «тараканами в голове». Он заметил, как она морщит нос, когда не понимает какую-нибудь формулу, как машинально крутит в пальцах резинку для волос, как время от времени вздыхает, будто весь груз школьной рутины вдруг становится невыносимо тяжёлым.

Он осознал, что она совсем не виновата в том, что является антримексом. Воспоминания о вчерашнем разговоре с Айлин всплыли в его памяти: «Антримексы безобидны, они живут наравне с людьми уже много лет. Они не охотятся, не прячутся, просто существуют — так же, как мы». Слова Айлин теперь звучали не как предупреждение, а почти как утешение. Так чего же ему их бояться? Груз, который столько дней давил на плечи, наконец свалился, и Макс почувствовал, как стало легче дышать — будто он впервые за долгое время смог сделать глубокий, настоящий вдох.

Прозвенел звонок, резкий и бодрый, и этот звук уже не казался ему зловещим предзнаменованием. Набравшись смелости, Макс протянул Стейси ручку. Пальцы слегка дрогнули, но он удержал её ровно и тихо произнёс:

— Спасибо, возьми.

— Оставь себе, — с теплотой в голосе ответила Стейси, чуть улыбнувшись и махнув рукой на свой пенал, где ручек было, кажется, больше, чем нужно на целую четверть. — У нас ещё шесть уроков впереди. Вдруг опять понадобится.

В этих простых словах не было ничего особенного, но для Макса они прозвучали как знак: мир не ополчился против него, в нём по-прежнему есть место доброте и обычной человеческой заботе. Он кивнул, спрятал ручку в пенал и почувствовал, как внутри разливается тихое, едва уловимое спокойствие.

После урока Макс задержался, собирая свои вещи медленнее обычного. Он нарочно возился с застёжками рюкзака, перекладывал тетради с места на место, делая вид, что ищет что-то важное. На самом деле ему просто хотелось ещё немного побыть рядом со Стейси, почувствовать эту новообретённую лёгкость и понимание, впитать их в себя, чтобы хватило на весь день. Когда он наконец поднял глаза, она всё ещё была там — что-то искала в своей сумке, бормоча себе под нос и хмурясь, будто обиженная на весь мир из-за потерянного ластика.

В душе мальчика поселился покой — тихий, непривычный, будто кто-то наконец убавил громкость в мире, где всё слишком долго звучало на предельной громкости. Ему даже стало стыдно за свой прежний страх: за то, как он вглядывался в лица одноклассников, выискивая в них признаки чужой, пугающей сущности, за то, как каждое случайное движение казалось ему угрозой. «Да, возможно, среди антримексов встречаются и злые, но это не значит, что они все такие», — промелькнула мысль в голове Макса, и теперь она звучала не как робкое оправдание, а как твёрдое, выстраданное убеждение.

Ему нестерпимо захотелось поделиться своими чувствами с Лили. Макс обернулся и увидел, как она увлечённо беседует с Диланом. Они стояли у подоконника, и Дилан что-то рассказывал, размахивая руками, а Лили смеялась — не громко, но искренне, запрокинув голову и на секунду забыв обо всём на свете. В этом смехе было столько обычного, земного счастья, что Макс вдруг не захотелось его нарушать. Он не хотел снова тащить за собой тень своих страхов, не хотел, чтобы этот смех погас, столкнувшись с его тревогами.

Не желая нарушать их общение, он взял рюкзак, ощутив пальцами привычную шероховатость ткани, и направился к выходу. Шаги его стали увереннее, чем утром, будто с каждым шагом он оставлял позади ещё один осколок вчерашнего кошмара. В дверях его окликнула Стейси.

Макс обернулся. Девочка стояла рядом, придерживая рукой толстый учебник по истории — тот самый, с потёртой обложкой, на которой кто-то, когда-то нарисовал крошечного дракончика. В ее глазах читалось что-то такое, что заставило его сердце забиться чаще. Не то любопытство, не то благодарность, а может, и то и другое вместе.

Внутри мальчика что-то перевернулось. Он больше не видел в ней антримекса, не пытался разглядеть за её улыбкой хищный оскал или холодную расчётливость, он видел обычную девчонку, которая просто хочет дружить. И это желание было настолько сильным, что он не мог его игнорировать.

— У тебя все в порядке? — в голосе девочки звучало искреннее беспокойство, а ее рука легла на его плечо, словно пытаясь передать тепло и поддержку.

— Да, все отлично. — ответил Макс, и в глазах его зажглись искорки надежды, будто маленькие лучики солнца пробились сквозь тучи. — А почему ты спрашиваешь?

Стейси слегка пожала плечами, будто пыталась сделать вид, что это пустяк, что она просто из вежливости спросила, но в её взгляде читалось другое:

— На уроке... Мне показалось, ты был чем-то расстроен...

— Да нет, тебе показалось, — заверил ее мальчик, и улыбка на его лице стала шире, словно в благодарность за ее заботу и внимание.

Внезапно, точно вихрь радости, Лили и Дилан подлетели к ребятам, заключая их в объятия — немного неловкие, по-школьному порывистые, но от этого ещё более искренние. Сердца их бились в унисон, наполненные искренней радостью от взаимного общения.

Оставшиеся часы учебы пролетели незаметно, озаренные смехом и разговорами. В эти мгновения они почувствовали, как между ними рождается нечто большее, чем просто знакомство, — настоящая, крепкая дружба, сотканная из мелочей: из взглядов, из вовремя подставленного плеча, из общих шуток, понятных только им. Даже привычные школьные коридоры, которые ещё утром казались Максу ловушкой, теперь выглядели просто коридорами — шумными, суетливыми, но не враждебными.

Когда прозвенел звонок, Дилан, с лучезарной улыбкой, предложил отметить конец учебного дня молочными коктейлями в ближайшем кафе. Идея была встречена восторгом, ведь им так хотелось продлить эти волшебные моменты вместе.

Кафе встретило их тёплым светом и ароматом свежей выпечки — сладким, уютным, обволакивающим. Мягкие диваны с потёртой обивкой, приглушённые голоса посетителей, звон посуды, где-то в глубине зала — всё это создавало ощущение маленького, отдельного мира, куда не могли проникнуть чужие страхи и чужие тайны. Заказав молочные коктейли — густые, с шапкой взбитых сливок и шоколадными крошками сверху, — они устроились за уютным столиком у окна, и мир вокруг словно перестал существовать. В глазах каждого отражалась искра зарождающегося чувства — предвкушение чего-то важного и светлого.

С каждым глотком сладкого напитка разговоры становились все более откровенными. Они делились мечтами, страхами, сокровенными мыслями, словно раскрывая друг другу самые хрупкие уголки души. И в этом откровении рождалось ощущение доверия, будто они знали друг друга целую вечность.

Неожиданно взгляд Макса зацепился за его рюкзак, безмятежно висевший на соседнем стуле. Сердце его замерло — сквозь плотную ткань и закрытый карман пробивался зловещий красный свет, пульсирующий, словно живой.

Охваченный тревогой, Макс судорожно соображал, что сказать, как выкрутиться из этой ситуации. В голове мелькнула простая, но такая необходимая сейчас ложь, чтобы как можно скорее сбежать и позвонить Айлин — единственной, кто мог хоть что-то объяснить.

— Ох, совсем вылетело из головы! — пролепетал Макс, голос его дрожал от волнения, и он сам слышал эту дрожь, проклинал её, но ничего не мог с собой поделать. — Мама просила

сразу после уроков быть дома, мы должны поехать по магазинам... ну, там, вещи какие-то купить...

Слова вырвались у него сбивчиво, нервно, нагромождённые друг на друга, будто он пытался прикрыть ими свою панику. Он даже не посмотрел на друзей, боясь встретиться с ними взглядом: в глазах Стейси наверняка читалось бы недоумение, в глазах Дилана — лёгкая обида, а Лили, чуткая и внимательная, сразу поняла бы, что дело не в маминых поручениях.

Не дожидаясь ответа, он стремительно схватил рюкзак. Ткань под пальцами показалась ему горячей, хотя он знал, что это невозможно. Красный отсвет на мгновение скользнул по его руке, и Макс на секунду почувствовал, что он чувствует эту пульсацию кожей, будто рюкзак действительно был живым и пытался с ним заговорить. Стараясь не выдать своего смятения, он сжал лямки так крепко, что побелели костяшки пальцев, и, не поднимая глаз, почти бегом направился к выходу из кафе.

Стеклянная дверь звякнула, распахиваясь, и уличный воздух, прохладный и резкий после уютного тепла заведения, ударил в лицо, но не принёс облегчения. Макс слышал за спиной недоумённые голоса, обрывки фраз: «Что это с ним?», «Макс, подожди!», но не обернулся. Внутри всё сжалось от предчувствия чего-то недоброго, тяжёлого, надвигающегося, как грозовая туча, которую уже нельзя остановить.

Он выскочил на улицу и, не сбавляя шага, свернул за угол, туда, где шум города заглушал собственные мысли. Только там, прижавшись спиной к шершавой стене дома, он наконец остановился. Рюкзак тяжело опустился на асфальт, и красный свет, приглушённый теперь тенью, продолжал слабо пульсировать, будто напоминая: ты не можешь спрятаться, ты уже в этом по самую шею.

Руки Макса дрожали, когда он доставал телефон. Пальцы скользили по экрану, набирая номер Айлин, и каждый гудок казался ему бесконечно долгим. «Пожалуйста, возьми трубку, — шептал он про себя, стискивая зубы. — Пожалуйста, скажи, что я не схожу с ума, скажи, что знаешь, что происходит».

«Что за... Сама же просила звонить, а на звонок не отвечает», — подумал мальчик. Тревога сжала его ледяной хваткой. Каждая секунда казалась вечностью. И вот, наконец, он у родного порога.

Лили, почувствовав неладное, встревоженно взглянула на друзей. Её взгляд скользнул по опустевшему стулу, где ещё секунду назад висел рюкзак Макса, по смятой салфетке, которую он не успел убрать, по недопитому коктейлю, на стенках которого осели капли. В этой небрежной картине она вдруг увидела не просто спешку, а что-то большее — почти панику. Она поняла, что за его забывчивостью кроется нечто серьёзное, какая-то беда, в которую Макс снова угодил, и на этот раз, похоже, в одиночку.

— Ребята, нужно идти за ним! — воскликнула Лили, и голос её прозвучал твёрже, чем она сама ожидала. Не теряя ни секунды, они подхватили свои вещи: Дилан на ходу сунул в карман телефон, Стейси схватила сумку, даже не застёгивая её, и все трое, не сговариваясь, помчались вслед за убегающим другом, движимые необъяснимым порывом помочь, спасти, просто не дать ему остаться одному с тем, что его пугало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.